

**Сергей Павлович
Цехмистренко,**
кандидат исторических наук.
Директор Института Новой
России, историк, политолог.
Сфера научных интересов:
история России и балканских
государств в новое время,
международные отношения
в Европе в XIX — начале XX вв.

«Книга Цехмистренко — очень яркий очерк о судьбе империи, которой уже не существовало на карте Европы примерно 500 лет. Именно Византия соединила греков и славян в гремучую смесь, которая сначала подорвала Османскую империю, а затем стала причиной гибели Австро-Венгрии и императорской России.»

Николай Усков, президент медиа-группы «Живи!»,
руководитель проекта «Сноб»,
кандидат исторических наук.

«Сергей Цехмистренко представляет качественно новый язык научной литературы. Если бы все историки писали свои монографии как захватывающую документальную прозу, нам бы не приходилось жаловаться на историческую безграмотность наших детей!»

Станислав Кучер, журналист, политолог

«Книги по новогреческой истории — большая редкость в нашей стране, поэтому можно только приветствовать появление этой содержательной работы. Она написана хорошим языком, читается легко и с интересом, а выводы автора убедительны.»

Т. В. Никитина, кандидат исторических наук, доцент
Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Сергей ЦЕХМИСТРЕНКО

ГРЕЦИЯ, РОССИЯ И ВОСТОЧНЫЙ КРИЗИС

1875–1878 гг.

Страницы истории

Nomarchie CORFU
(mit 5 Eparchien)

Thera
(mit 1 Eparchie)

INSEL SYRA
(mit 1 Eparchie)

GRIECHENLAND
UND DER
GRIECHISCH-TÜRKISCHE ARCHIPEL
IM MAASSSTABE von 1:1.850.000.
Von A. Petermann.

- Politische Übersicht.
Königreich Griechenland.
Attika (1 Eparchie)	Thessalien (4 Eparchien)
Thessalien (1 Eparchie)	Archaia (1 Eparchie)
Phthiotis (1 Eparchie)	Boeotien (1 Eparchie)
Argolis (1 Eparchie)	Laconien (1 Eparchie)
Argolis (1 Eparchie)	Epilochien (1 Eparchie)
Argolis (1 Eparchie)	Argolis (1 Eparchie)

KRETA, KRITI, KIRID od. CANDIA
altgriech. neugriech. türkisch italienisch

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

С.П. ЦЕХМИСТРЕНКО

ГРЕЦИЯ, РОССИЯ
И ВОСТОЧНЫЙ
КРИЗИС

1875–1878 гг.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Москва, 2013

УДК 327(470+571:496)"1875/1878"(091)

ББК 63.3(2)522-6

Ц55

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук Г.Л. Арш (ответственный редактор)

кандидат исторических наук Л.А. Кирилина

Рецензенты:

кандидат исторических наук Т.В. Никитина

кандидат исторических наук А.В. Карасев

Цехмистренко С.П.

Ц55 Греция, Россия и Восточный кризис 1875–1878 гг. Страницы истории: монография / С.П. Цехмистренко. — Москва, 2013. — 224 с.: илл.

ISBN 978-5-7576-0268-4

В монографии С.П. Цехмистренко исследуется политика России в отношении Греции и национально-освободительного движения в греческих землях Османской империи в период Восточного кризиса 1875–1878 гг. На основании новых материалов из российских архивов автор впервые в отечественной историографии убедительно доказывает многовекторность российской политики на Балканах вопреки распространенному мнению, что Петербург поддерживал в это время только борьбу славян против османского ига. Однако правящие круги Греции не решились открыто поддержать Россию в ее противостоянии с Турцией, что в дальнейшем привело к охлаждению отношений между двумя православными государствами и более однозначной ориентации Петербурга на славянский фактор в регионе. Монография С. П. Цехмистренко, написанная на высоком научном уровне и при этом прекрасным литературным языком, представляет интерес не только для ученых, но и для всех, кто интересуется историей Греции и историей российской дипломатии.

УДК 327(470+571:496)"1875/1878"(091)

ББК 63.3(2)522-6

Ц55

В оформлении обложки и форзаца использованы рисунок XIX в. с изображением греческой кофейни из собрания Национального исторического музея в Афинах и карта Греции и Архипелага работы Августа Петерманна 1874 г. из собрания В.П. Меншикова.

© С.П. Цехмистренко, 2013

© Институт славяноведения РАН, 2013

© Ю.С. Мерецкая, дизайн, 2013

ISBN 978-5-7576-0268-4

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА I. НА КРАЮ ОЙКУМЕНЫ.....	9
Экономика: по стопам Европы	10
Политика: смена вех	17
Идеология: «Великая идея» и ее приверженцы	30
Примечания к главе I	42
ГЛАВА II. НАКАНУНЕ.....	47
Российская дипломатия в борьбе за место под афинским солнцем	48
Дипломатический торг вокруг греческого нейтралитета	65
Примечания к главе II	83
ГЛАВА III. РАЗВЯЗКА.....	89
Метания	90
Между российским молотом и британской наковальней.....	116
Примечания к главе III	132
ГЛАВА IV. ПРОВИНЦИИ	141
Тернистый путь к освобождению	142
В ожидании сигнала.....	161
Восстания	179
Примечания к главе IV.....	197
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	207
Примечания к заключению	215
ПРИЛОЖЕНИЕ	216

ВВЕДЕНИЕ

В 70-х годах XIX в. произошло обострение Восточного вопроса — вопроса о судьбах османских владений в Европе, — в очередной раз вылившегося в ожесточенную борьбу великих европейских держав за политическую гегемонию на Балканах и в Восточном Средиземноморье. Но одной этой борьбой суть событий отнюдь не исчерпывается: история Восточного вопроса — это и история национально-освободительной борьбы балканских народов, в силу роковых обстоятельств попавших под владычество султана. Греческий народ боролся за свое освобождение с XV в., но сумел восстановить свою государственность только после освободительной революции 1821–1829 гг. Тем не менее значительная часть земель, населенная по преимуществу греками, — Ионические и многочисленные Эгейские острова, Эпир, Фессалия, Македония,

Фракия, остров Крит — оставалась за пределами независимого государства эллинов. И поэтому борьба за их воссоединение с матерью-родиной составляла суть греческой истории на всем протяжении позапрошлого века. Важнейшим этапом на этом пути стали события Восточного кризиса 1875–1878 гг.

Главной целью данной работы является изучение национально-освободительного движения греков в указанный период. Это движение можно определить как совокупность усилий правящих кругов Греции и широких слоев народа — как внутри свободного королевства, так и вне его пределов, направленных на воссоединение всех исконно греческих земель. Не менее важной темой является и изучение дипломатической борьбы вокруг «греческого вопроса», и прежде всего — русско-греческих отношений в период кризиса. Значительное место уделяется анализу внутривосточных факторов, оказывавших воздействие на освободительную борьбу греческого народа: социально-экономическому и политическому положению Греции, национальной идеологии. Автор счел также необходимым осветить некоторые моменты истории греческих провинций Османской империи в XIX в. — прежде всего Крита, Фессалии и Эпира, где в период кризиса 70-х годов XIX в. произошли восстания против османского владычества. Все эти проблемы, связанные в единое целое, являются недостаточно исследованными в отечественной историографии.

Автор решил снабдить эту книгу обширным иллюстративным материалом — прежде всего для того, чтобы читатели смогли лучше прочувствовать «аромат эпохи». Практически все фотографии, портреты, рисунки и гравюры не публиковались еще в России. Материал из греческих библиотек, музеев и собраний публикуется по изданию: *Istoria tou ellinikou ethnous*. Т. II', ID', Athina, 1977 (здесь и далее названия книг на греческом языке приводятся в латинской транскрипции

На улочках острова Санторини. Москва, из собрания В.П. Меньщикова

для облегчения их восприятия читателями, этим языком не владеющими). Часть гравюр и литографий, которые отражают повседневную жизнь греков в XIX в., любезно предоставлена автору В.П. Меньщиковым.

Автор выражает благодарность всем тем, без кого эта книга никогда не увидела бы свет:

- **Константину Владимировичу Никифорову**, директору Института славяноведения РАН, который уговорил автора не бросать свое начинание на полпути;
- **Наталье Георгиевне Николау**, которая открыла автору еще в юности удивительный мир греческого языка и культуры;
- **Татьяне Васильевне Никитиной**, которая буквально окунула с головой автора в студенческие годы в бурную стихию новогреческой истории;

- **Григорию Львовичу Аршу**, который взял автора под свою научную опеку в Академии наук и помог ему пройти весь тернистый путь вплоть до успешной защиты кандидатской диссертации;
- **Ольге Владимировне Соколовской** и **Владимиру Петровичу Меньшикову**, коллегам-неоэллинистам, серьезные замечания которых позволили автору избежать многих ошибок в этой книге;
- **Любови Алексеевне Кирилиной**, научному редактору этой монографии, которая самоотверженно взяла на себя и всю организационную работу по ее изданию;
- Ее дочери, дизайнеру **Юлии Сергеевне Мерецкой**, благодаря которой эта книга выглядит так привлекательно для ее читателей;
- И, конечно, моей любимой жене **Татьяне Викторовне Кирилловой-Угрюмовой**, главному вдохновителю всех моих научных и жизненных побед. Именно ей я и посвящаю эту книгу.

Глава I

НА КРАЮ ОЙКУМЕНЫ

...Мне понадобится большая осмотрительность, чтобы не связать себя ни с одной из партий; это будет тем более трудно, что я уже получил приглашения от нескольких враждующих между собой клик, из которых каждая заверяет, что именно она-то и является подлинно правоверной. Все же я не хочу отчаиваться, хотя все иностранцы, которых я до сих пор встречал в Греции, покидают или покинули ее в полном разочаровании.

Джордж Гордон Байрон.
Кефалонский дневник. 1823 г.

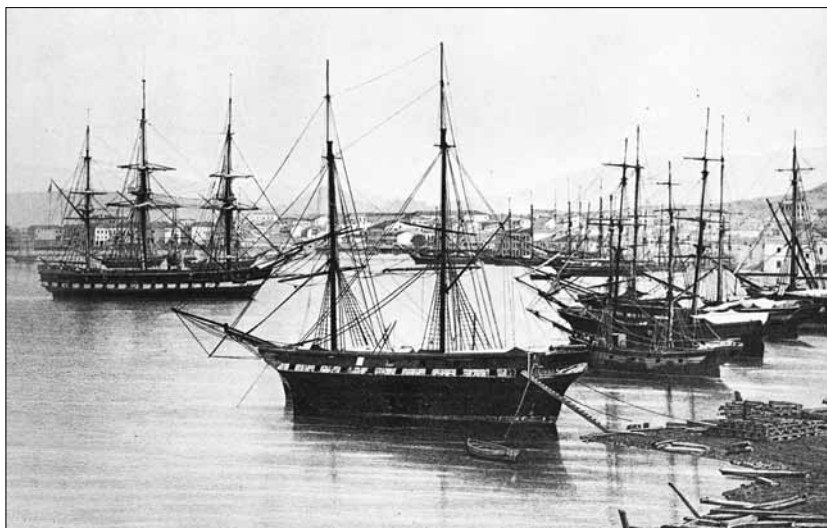
ЭКОНОМИКА: ПО СТОПАМ ЕВРОПЫ

В начале последней четверти прошлого века Греция была небольшим государством на юге Балканского полуострова общей площадью 50 тыс. кв. км и численностью населения около 1,5 млн человек¹. Как и в соседних славянских землях и странах, подавляющее большинство греков (около трех четвертей) проживало в сельской местности. Самым же большим городом Греции была ее столица Афины с населением свыше 45 тыс. человек², превратившаяся ко второй половине XIX в. из маленькой деревушки у подножия Акрополя в экономический и политический центр государства, с университетом, кварталами современных зданий и широкими площадями. Под стать столице были и другие города — постепенно становящийся ее спутником Пирей, а также Патры и островной Сирос (Сира), численность населения которых достигала соответственно 20 тыс., 30 тыс. и 28 тыс. человек³.

Подобно другим народам Балкан, греки в рассматриваемый период преимущественно занимались сельским хозяйством, не пытаясь при этом конкурировать с богатой промышленной Европой. Как и в Сербии, и в Румынии, и в находившейся еще под турецким правлением Болгарии, в сельском хозяйстве Греции сочетались старые, полуфеодальные, и новые, капиталистические отношения. Однако греческой особенностью было то, что большая часть земель в стране принадлежала не частным лицам, а государству, национализировавшему после национально-освободительной революции 1821–1829 гг. бывшие османские государственные земельные владения. Имея в своем распоряжении 8 693 860 стремм земель (1 стремма = 0,1 гектара)⁴, по-

лучивших название «национальных», государство играло роль своеобразного «коллективного хозяина» по отношению к мелким держателям, выплачивавшим за пользование арендованными участками «десятину» (нередко доходившую до 30 %), а также особый налог на урожай (до 15 % чистой продукции)⁵. Часть земель, главным образом в Аттике и на о. Эвбея, принадлежала крупным помещикам-чифтликотладельцам, сдававшим так же, как и государство, свои земли в аренду за плату от 1/3 до 1/2 урожая⁶. Но доля чифтликотладельцев в общем объеме сельскохозяйственного производства не была велика (чего нельзя сказать, правда, об их политическом влиянии). Крупными «латифундиями» в Греции обладали в основном лишь потомки нескольких семей героев освободительной революции, получивших земли в награду от короля-баварца Оттона I (1832–1862).

На протяжении 70-х годов XIX в. в греческом аграрном секторе происходили важные структурные изменения, способствовавшие постепенному избавлению от феодальных пе-

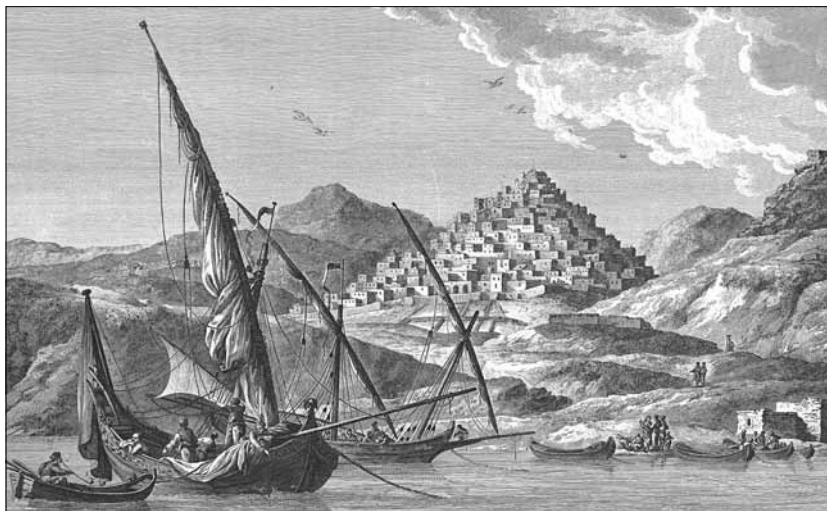

Пирей — крупнейший порт Греции. Афины, Библиотека Геннадийон

режитков и переходу сельского хозяйства страны на рельсы капиталистического развития. Начало им положил знаменитый закон от 25 марта 1871 г., выработанный премьер-министром Александром Кумундуром при содействии министра финансов Сотириса Сотиропулоса, согласно которому 2 650 000 стремм «национальных земель» были разделены на 357 217 наделов общей рыночной стоимостью 90 тыс. драхм (1 драхма приблизительно равнялась 1 франку). Эти наделы свободно продавались крестьянам, причем одной семье могло быть продано не более 40 стремм орошаемых или 80 стремм неорошаемых земель по цене до 59 драхм за стремму с рассрочкой на 26 лет с уплатой 5 % годовых⁷. Закон о «национальных землях» ускорил капиталистическое развитие греческой деревни, поскольку на 40 % площадей перешедших в руки крестьян обрабатываемых земель были созданы хозяйства фермерского типа, производившие продукцию на экспорт⁸. Однако он не смог решить аграрной проблемы в стране. Греческое сельское хозяйство еще в течение длительного времени оставалось слабо развитым вследствие характерных для всего региона факторов, а именно: недостаточно развитой инфраструктуры, препятствовавшей формированию внутреннего аграрного рынка и низким темпам внедрения передовой сельскохозяйственной техники и технологии. К этому следует добавить одно отличавшее Грецию обстоятельство: плодородные земли Фессалии — пожалуй, единственной равнины в каменистой горной Элладе — находились в тот период под владычеством турецкого султана. Присоединение этих земель объективно отвечало интересам крестьянства, надеявшегося, что эта мера позволит решить не только земельную, но — как бы это ни выглядело парадоксальным — продовольственную проблему в этой сельскохозяйственной стране. Дело в том, что рост производства экспортной продукции аграрного сектора (коринки — изюма без косточек, оливок, табака, вина, хлопка и смоквы) привел к

значительному сокращению площадей под посевы зерновых. И в результате в 70-х годах XIX в. Греция была вынуждена импортировать ежегодно до 70 тыс. центнеров зерна из России и Турции⁹.

Но не сельским хозяйством прославились греки среди других народов. Еще со времен хитроумного Одиссея синонимом слова «элин» стало понятие «торговец». Да иначе и быть не могло в стране тысячи островов. Традиционный свой промысел греки сумели пронести через века. В прошлом столетии греческая внешняя торговля переживала второе рождение, чему способствовали и традиционные торговые связи со многими странами Европы и Востока. Помимо сельскохозяйственной продукции, Греция вывозила смолу, деготь, морскую губку. В 70-е годы наблюдался постоянный рост экспортных операций. Если в 1870 г. доход от внешней торговли составлял 38 млн. драхм, то к 1875 г. он практически удвоился¹⁰. Правда, события, связанные с очередным обострением Восточного кризиса и русско-турецкой войной 1877–1878 гг., привели к некоторому его сокращению, но, начиная с 1878 г., положение в экспорте нормализовалось. В среднем за период с 1871 по 1880 г. доход от внешней торговли составлял 93,57 золотых драхм на человека¹¹. Греческие торговцы занимали господствующее положение в черноморской и дунайской торговле. Государство поощряло экспорт, проводя жесткую протекционистскую политику. С развитием торговли был связан быстрый рост торгового флота, в котором все большее распространение получали пароходы, постепенно вытеснявшие парусники. В 1875 г. торговый флот насчитывал 27 пароходов общим водоизмещением 8241 тонн и 1107 парусников водоизмещением 210 000 тонн¹²; к концу XIX в. он уже мог успешно конкурировать с флотами великих держав. Греческие торговцы занимали ведущие позиции в капиталистическом секторе экономики страны.

Гавань острова Сирос (Сира). Москва, из собрания В.П. Меншикова

Характерной особенностью экономического развития Греции было и то, что буржуазия предпочитала вкладывать средства большей частью не в промышленность, а в сферу банковского кредита. Начиная с 1870-х гг. наблюдается приток иностранных и греческих капиталов, размещенных ранее за границей, в страну. Это было связано с тем, что отсутствие капиталов в Греции давало высокий процент прибыли, доходивший до 30–40 %¹⁵. Кроме того, греческое правительство в 70-е годы было заинтересовано в займах для финансирования проектов развития инфраструктуры и военных программ. Местные кредиты, предоставлявшиеся греческими банками, нередко предшествовали обращению правительства к крупным европейским банкам с просьбой о займах, что неизбежно вело к росту внешней задолженности, а в перспективе — к банкротству государства и установлению иностранного контроля над его экономикой. Наибольшая часть займов была размещена на рынке капиталов в Париже, Лондон занимал второе место,

а третье место — Берлин. В результате финансовой политики греческого правительства ежегодно возрастала та часть бюджетных поступлений, которая уходила на выплату основной части и процентов долга. Так, например, в 1882 г. на выплату внешней задолженности ушло около 50 % бюджетных поступлений¹⁴. Кроме того, над Грецией еще висел так наз. «займ независимости», предоставленный великими державами в первые годы ее существования и в начале правления Оттона. Как показала практика, значительная часть полученных в 1832 г. под гарантии Англии, Франции и России 60 млн франков уходила не непосредственно в экономику, а на покрытие бюджетного дефицита. Попытки же правительства уменьшить расходы за счет экономии средств в администрации, борьбы с коррупцией и многочисленными нарушениями в госаппарате, как правило, успеха не имели: греки, как оказалось, хорошо усвоили уроки баварцев, познакомивших их во времена Оттона с настоящей немецкой бюрократией. Экономическая зависимость государства оказывала, в свою очередь, сильное воздействие на внешнеполитическую ориентацию Греции.

70-е годы XIX в. стали переломными в развитии греческой промышленности. В крупных городах создаются промышленные предприятия, постепенно вытесняющие кустарные ремесленные мастерские. К 1874 г. в Греции действовало 199 таких предприятий, 95 из которых были оснащены паровыми машинами общей мощностью 1967 л.с.¹⁵, а в 1878 г. уже 108 предприятий имело паровые двигатели суммарной мощностью 2959 л.с.¹⁶. Число наемных рабочих, занятых в промышленности и ремесленном производстве, достигло к 1879 г. почти 43 тыс. человек (по сравнению с 28,5 тыс. в 1870 г.)¹⁷. В основном развивались отрасли легкой промышленности (текстильная, мукомольная, пищевая)¹⁸, а также добывающая промышленность, куда активно проникал иностранный, главным образом английский и французский, капитал в связи с дешевизной добычи сы-

рья и рабочей силы. Только в горнорудной промышленности во второй половине 70-х годов XIX в. было основано 29 иностранных предприятий с общим капиталом в 60 млн золотых драхм¹⁹. Сырье, добываемое на этих предприятиях, вывозилось для переработки за рубежом. Можно предположить, что в 70-х годах XIX века в стране начинают складываться предпосылки промышленного переворота. Но при этом капиталистическое развитие, модернизация национальной экономики рассматривались правящими кругами не как осознанная цель, а как средство для решения национального вопроса, понимавшегося ими как осуществление «Великой идеи» (*Megali idea*) — программы, предусматривавшей создание «Великой Греции» в границах бывшей Византийской империи.

Подводя итог этому небольшому вступлению, можно сделать следующие выводы. В 70-х годах XIX в. Греция представляла собой слабо развитое аграрное государство с низким уровнем экономического развития. Замедленные темпы становления капиталистических отношений в сельском хозяйстве страны предопределяли экономическое господство, а вследствие этого — и политическое влияние крупных земельных собственников и связанных с ними представителей торговой и финансовой буржуазии. Развитие капитализма происходило прежде всего в торговле и в сфере финансово-кредитной деятельности. Национальная промышленность находилась еще в зачаточном состоянии. Банковский капитал, уклонявшийся от вложения средств в промышленность, недостаточно стимулировал развитие производительных сил в стране. Благоприятные условия способствовали активному проникновению в Грецию иностранного капитала (прежде всего английского и французского), который занял в этот период господствующее положение в ряде отраслей греческой экономики. Последнее обстоятельство в значительной степени предопределяло внешнеполитическую ориентацию греческих правящих кругов.

ПОЛИТИКА: СМЕНА ВЕХ

Экономическая отсталость Греции несомненно накладывала отпечаток на внутривнутриполитическое положение страны. В период своего становления (30–60-е гг. XIX в.) торговая и финансовая буржуазия вела ожесточенную борьбу за власть с представителями традиционных патриархальных кругов²⁰ с одной стороны, и монархом — с другой. Причем борьба эта часто велась не путем политических интриг, а на реальных полях сражений. Настоящая анархия воцарилась в стране после убийства ее первого президента, бывшего российского дипломата Иоанна Каподистрии в 1831 г. Только благодаря вмешательству великих держав, посадивших на греческий престол баварского принца Оттона из династии Виттельсбахов, удалось на какое-то время стабилизировать ситуацию. Период относительного спокойствия продолжался целое десятилетие, во время которого Оттон и прибывшие с ним баварцы с трудом пытались приучить к цивилизации привыкших за годы освободительной и гражданских войн к вольнице греков. Как писал в этой связи в Петербург в 1838 г. российский посланник в Афинах Гавриил Катакази, за шесть лет со времени воцарения Оттона «были вспаханы целинные земли, подняты из руин многие города и посады, начато, а в некоторых случаях закончено строительство крупных дорог», налицо были успехи в развитии новых отраслей промышленности, в морской торговле и судоходстве. Дипломат констатировал, что «в отношении людских ресурсов и благосостояния населения наблюдается улучшение, нежели разруха и бедность. В самом деле, стране не угрожает ни одно, ни второе»²¹. Но внутривнутриполитическая

обстановка вовсе не была при этом идиллической. В Греции назревала революция, в результате которой в 1843 г. греческим торговцам в союзе с «традиционалистами» удалось не только окончательно оттеснить от трона прежних королевских фаворитов-соплеменников, но и ограничить конституцией практически абсолютную до этого власть Оттона.

Хотя целью данной работы является исследование совсем другого исторического периода, события оттоновского правления весьма показательны для понимания греческого менталитета. В чем же провинился баварский принц перед греками, которые поначалу восторженно встретили его и его красавицу-жену Амалию как избавителей от анархии гражданских войн? Ответ на это могут дать, пожалуй, лишь воспоминания современников, таких как Катакази, который, с одной стороны, сам был греческого происхождения, а с другой — вроде бы иностранцем, т.е. отстраненным наблюдателем. Накануне революции, в августе 1843 г., Катакази писал, что «основная причина непопулярности короля Оттона, которая с каждым днем принимает все более угрожающий характер, таится в недоверии, можно даже сказать в отвращении, которое молодой монарх, похоже, выработал ко всему, что принадлежит церкви и духовенству нации, над которой он призван царствовать»²². Действительно, Оттон не до конца смог учесть то важное обстоятельство, что призван управлять нацией, принадлежащей к другой, нежели он сам, ветви христианства. Хотя переход в православие претендента на греческий престол и был по велению российского императора Николая I необходимым условием его воцарения, оно так и не было выполнено: католик Оттон лишь обязался воспитать будущих сыновей в вере своих подданных. Отношение же короля к самой религии и к православному духовенству резко контрастировало даже со временами господства султана: не в пример Оттону турки были не просто гораздо более веротерпимы, но и даже старались возвы-

силь православие над другими конфессиями (чтобы легче было управлять по преимуществу православными «райя»). Катакази отмечал в этой связи, что, помня о толерантности турок, греки достаточно спокойно приняли католика на престоле, пока тот не стал вдруг отличаться активным неприятием православия. Так, после отделения греческой церкви от Константинопольской патриархии в 1833 г., что само по себе было правильным шагом, король ликвидировал почти 300 монастырей, конфисковав их имущество в пользу казны; сократил число высших иерархов до 10; ограничил власть Синода, подчинив его непосредственно себе²³. Что, естественно, вызвало ропот в самых широких слоях греческого населения.

Но не это, конечно, стало главной причиной революции. Позволю себе высказать предположение, что Оттон пришел к грекам слишком рано. Его своего рода «цивилизаторская миссия» оказалась непонятной большинству и не была им принята. Интуитивно это осознал российский дипломат, который был по своим убеждениям консерватором и не мог спокойно наблюдать, как король упорствует «в навязывании грекам политических прав, которые они не требуют, и желании править нацией, истерзанной анархией и гражданскими разногласиями, через учреждения, которые занимаются разделом власти и преумножением числа административных органов»²⁴. Попытка создать в Греции «либеральные учреждения» и разработать уголовные и гражданские кодексы, основанные на законодательстве развитых европейских государств, потерпела крах. Общество к этому не было готово. Ростки демократии, привнесенные на греческую почву, зачастую давали совсем не те всходы, о которых мечтал король. «Толпа представителей низших эшелонов власти, — с присущим ему пафосом отмечал Катакази, — одни, назначенные королем; другие, избранные народом, вносят в каждой провинции и даже в каждой общине смуту и конфликты. Оголтелой периодической прессе разрешено постоянно раз-

жигать межпартийную ненависть и недоверие к королевской власти»²⁵. Пять лет спустя дипломат столь же страстно обличал и «высшие эшелоны власти»: «Взглянем теперь на внутреннюю администрацию государства, на этот бесформенный и противоречивый сплав либеральных институтов и актов беззакония; на эту многочисленную бюрократию, управляемую иностранцами, которые в большинстве своем даже не знают языка страны; на это сложное и формальное законодательство, которое не вошло ни в привычки, ни в обычаи греков и которое больше способствует правонарушениям, нежели пресекает их»²⁶. Не правда ли, все это кажется знакомым?

В результате верхушечной революции 1843 г. (ее осуществила группа офицеров во главе с командиром кавалерии афинского гарнизона генералом Димитрисом Каллергисом) был формально установлен конституционно-монархический режим и принята конституция. Но буржуазный парламентаризм не имел еще в Греции достаточной экономической и политической базы, вследствие чего многие прогрессивные положения основного закона остались только на бумаге, а король Оттон, искусно играя на противоречиях между различными политическими группировками, сумел сохранить трон еще почти 20 лет. Тем не менее ничто не смогло спасти короля в 1862 г., когда в стране произошла еще одна, но гораздо более массовая революция. Помимо достаточно очевидной ее причины — противостояния двора и греческой верхушки, в события 1862 г., пожалуй, впервые вмешался мощный национальный фактор. Недовольство истеблишмента вызвало то обстоятельство, что в соседней Италии успешно шло объединительное движение, в то время как большинство населенных греками земель оставалось либо под пятой султана (Фессалия, Македония, Фракия, острова), либо в руках англичан (Ионический архипелаг), а Оттон не ударил палец о палец для их воссоединения с «матерью-родиной». Что в конечном итоге и стоило ему трона.

Революция 1862 г., окончательно утвердившая претензии торгово-финансовой буржуазии на власть, подарила Элладу новый основной закон, так удачно скопированный с западных образцов, что многие современники называли греческую конституцию 1864 г. чуть ли не самой демократической в тогдашней Европе²⁷. Согласно ее положениям, власть короля ограничивалась Палатой (однопартийным парламентом)²⁸. Но даже с учетом этого полномочия монарха были весьма широки. Король являлся главой государства, главнокомандующим армией и флотом²⁹; он имел право назначения и увольнения министров, созыва и роспуска Палаты³⁰. Простым греческим гражданам конституция тоже предоставляла немало «стандартных» демократических прав и свобод: свободу печати, собраний, объединения в политические союзы. Закон провозглашал отмену цензуры, неприкосновенность личности, жилища, обязательное бесплатное начальное образование, соблюдение тайны переписки³¹. Все это, правда, по большей части лишь декларировалось: низкий уровень политической культуры, политического самосознания греков не давал им возможности использовать либо сознательно отстаивать дарованные конституцией демократические права, не говоря уже об отсутствии в столь любимых марксистами «народных массах» каких-либо замыслов пересмотра основного закона. В этой связи интересно наблюдение российского консула в Сире Г.К. Дубницкого, констатировавшего в начале 1875 г., что «необходимость органических реформ еще не вполне проникла во всеобщее сознание, и потому всякая идея смелого преобразования конституции большинству здешнего населения просто противна»³². Подобное положение в полной мере (и особенно в первое десятилетие своего царствования) сумел использовать сменивший Оттона на престоле король Георг I (1863–1913), до прибытия в Афины — принц Вильгельм Георг из датской династии Глюксбургов. С первых дней пребывания на троне Георг, учитывая

печальный опыт предшественника, опиравшегося в первые годы своего правления исключительно на соотечественников — баварцев (что вызывало вполне резонное недовольство в кругах греческих претендентов на высшие государственные должности), решил найти опору среди греков. При этом он довольно искусно использовал противоречия между различными группировками правящего класса. «Они право ужасные люди, — писала в 1878 г. о лидерах этих группировок греческая королева Ольга своему отцу, российскому великому князю Константину Николаевичу, родному брату императора Александра II, — и Ты можешь себе представить, милый Папа, как это весело для Вилли вот уже 14 лет беспрестанно лавировать между этими людьми, имея связанными руки присягой этой

Гравюра 1862 года изображает поддержку греками отречения короля Оттона и формирования временного правительства Вулгариса — Канариса — Руфоса. Афины, Библиотека Геннадия

свинской конституции»⁵³. Успешно претворяя в жизнь тактику компромиссов, опираясь на монархические убеждения широких слоев населения, рассматривавшего к тому же своего монарха как «знамя национального возрождения», Георг сумел со временем добиться относительной независимости своей власти от конституционных учреждений, контроля над внутренней и особенно внешней политикой государства⁵⁴. Укреплению режима личной власти короля эллинов способствовала также одна особенность греческой политической системы: отсутствие организационно оформленных политических партий с более-менее разработанной внутривластной программой.

Еще на заре новогреческой государственности, в период освободительной революции 1821–1829 гг., возникли три политические группировки, которые разделяла внешнеполитическая ориентация на одну из трех великих держав — покровительниц и гарантов независимости Греции: Англию, Францию и Россию. Группировки эти — зародыши политических партий — пользовались поддержкой определенных слоев населения, связывавших с той или иной державой надежды на воссоединение всех греческих земель, находившихся еще в составе Османской империи, а также на осуществление национальной программы — «Великой идеи». С другой стороны, и державы не гнушались использовать собственных «агентов влияния» в лице функционеров таких «протопартий» для вмешательства во внутривластные дела. В середине XIX в. происходит кризис всех этих политических объединений, связанный как с падением престижа держав-покровительниц в глазах общественного мнения после Крымской войны, так и с наметившейся тенденцией на смещение акцентов в жизни греков на внутренние дела ввиду широкого недовольства правлением Оттона. В результате на авансцену политической жизни постепенно выдвигаются так называемые «партии личностей» — парламентские объединения, формировавшиеся

вокруг какого-либо политического деятеля. Последний должен был отвечать по крайней мере двум основным требованиям: пользоваться авторитетом в парламентских кругах и столичном *beau monde*, а также представлять интересы господствующего слоя определенного региона страны, от которого он и был избран в парламент. Отныне социальная база парламентских «партий» зависела не только от подхода к внешнеполитическим, но и от отношения к внутривнутриполитическим проблемам. А политических лидеров второго поколения отличала образованность и европейская культура (многие из них окончили западноевропейские университеты), широта политического кругозора (в отличие от предшественников они не замыкались в рамках местнических и узкоклассовых интересов). Но главное — им был присущ нетрадиционный подход к проблемам внешнеполитической ориентации, заключавшийся, прежде всего, в том, что на первое место ими более последовательно, чем лидерами прежних «партий», ставились интересы самой Греции, а не держав-покровительниц. А это, в свою очередь, приводило к изменению во внешнеполитических приоритетах каждой «партии» перед лицом конкретных внешних или внутренних обстоятельств. К 1875 г. таких партий было 5: под руководством Александроса Кумундурса, Димитриоса Вулгариса, Эпаминондаса Делигиоргиса, Трасивулоса Заимиса и Харилаоса Трикуписа³⁵. Обычно ни одна из них не обладала большинством в палате, позволяющим сформировать однопартийное правительство. Кроме того, помимо политически определившихся парламентариев, существовала масса независимых избранников греческого народа. Все это служило основой для частых правительственных кризисов и министерской чехарды.

Царившую в парламенте анархию искусно использовал Георг. Опираясь на группировку традиционных помещичьих кругов и крупной торговой буржуазии во главе с Вулгарисом,

король энергично противодействовал принятию неудобных законов и в то же время протаскивал выгодные себе и своим союзникам при отсутствии необходимого кворума (1/3 депутатов), установленного конституцией⁵⁶. Как вспоминал российский посланник в Афинах Петр Александрович Сабуров, в то время как лидеры большинства партий объединились между собой и бойкотировали заседания Палаты, Вулгарис «нашел услужливого юриста, который предоставил ему гибкое толкование статьи конституции относительно числа депутатов, необходимого для проведения заседания, и предложил собирать членов Палаты только из единомышленников. Таким образом, он проголосовал за все законы, правительственные меры, а также за бюджет без оппозиции»⁵⁷. Не раз на протяжении своей длительной политической карьеры Вулгарис использовал королевские войска, чтобы помешать избранию в Палату неудобных ему деятелей, а сами выборы часто проходили в условиях неприкрытого насилия. Так, например, за 10 лет пребывания на посту премьера (1865–1875), он 5 раз посылал армию в округ Мани (Пелопоннес), где баллотировался Кумундурос, чтобы воспрепятствовать его появлению в парламенте⁵⁸. Все это не могло продолжаться бесконечно: к середине 1870-х гг. стороны готовились к решительному столкновению. И оно произошло, когда Вулгарис и его соратники при молчаливом согласии короля стали готовить переворот с целью свержения конституционного режима и установления олигархического правления. Но этим планам не дано было осуществиться: им помешала парламентская оппозиция, опиравшаяся на недовольство широких слоев греческого общества. По свидетельству Сабурова, «беззаконие вызвало всеобщую бурю. Произошли народные выступления протеста преподавателей, юристов и адвокатов. На улицах случилось несколько мятежей. Даже король не был застрахован от публичных оскорблений: один или два раза прохожие не приветствовали его, пройдя мимо». Но

уверенный в собственной правоте король продолжал поддерживать Вулгариса, и порой даже казалось, что он скорее покинет страну, нежели уступит оппозиционным лидерам³⁹.

29 июня 1874 г. в газете «*Kairoi*» («Времена») была опубликована статья «Кто виноват?» молодого, подающего надежды политика Харилаоса Трикуписа, сына известного деятеля времен Оттона, участника войны за независимость Греции Спиридона Трикуписа. Автор статьи обвинил монархию в нарушении конституции, в незаконном вмешательстве в дела Палаты и парламентских учреждений и призвал к созданию правительства, опирающегося на парламентское большинство и подотчетного Палате, а не королю⁴⁰. Статья произвела эффект разорвавшейся бомбы, взбудоражив общественное мнение. Вскоре практически все оппозиционные лидеры (за исключением хитрого Трикуписа) заключили между собой пакт о совместных действиях, имевший целью помешать монарху распустить Палату. В Афинах стали циркулировать слухи о скором отречении Георга и назначении регентом наследного принца Константина. Все более становилось очевидным, что король исчерпал возможности политического маневра: «Страна слишком маленькая, — писал Сабуров, — все в ней друг друга знают, и ученые политические махинации известны сразу же, как их задумают. Сам Макиавелли напрасно старался бы что-либо сделать в деревне»⁴¹.

Сделав еще несколько безуспешных попыток вернуть ситуацию под свой контроль (типа намерения назначить известного дипломата Александроса Кундуриоттиса главой «правительства в изгнании» в Париже⁴²), Георг сдался. Вулгарис, намеревавшийся в начале мая 1875 г. провести закон о приостановке действия двух статей конституции, утверждавших принцип несменяемости судей⁴³, был отправлен в отставку. А на премьерском кресле его сменил дождавшийся своего Трикупис — король, чтобы сохранить лицо, призвал

к себе в нужный момент политика, который предпочел отсидеться в тени, в то время как другие открыто заключали антимонархические союзы. Интересное наблюдение сделал в этой связи управляющий российским консульством на острове Корфу Михаил Якиманский. Касаясь реакции «на местах» на приход к власти Трикуписа, он писал Сабурову: «Каждый невулгарист старался найти для себя род утешения, по крайней мере, в падении министерства Вулгариса: кумундурист спешил выразить свое удовольствие при неудаче Заимиса; заимист успокаивал себя неудачей Кумундурса и Делигиоргиса; делигеоргист в свою очередь недовольный, конечно, торжеством противной партии, оставался довольным своею, так сказать, отрицательною победою, говоря, что по крайней мере ни Вулгарис, ни Кумундурис, ни Заимис не стоят во главе нового министерства»⁴⁴.

После же новых выборов в Палату, состоявшихся 30 июля того же года, Георг в своем выступлении перед депутатами нового созыва пообещал, что отныне и навсегда формировать правительство будет та группировка, которая располагает парламентским большинством. «Требуя обязательным условием для тех, кто приглашен Нами в правительство страны доверия, выраженного большинством представителей нации, — заявил монарх, — Мы желаем, чтобы Палата сделала возможным существование этого условия, без которого надежда на правильное функционирование наших институтов становится призрачной»⁴⁵. Правда, король впоследствии запечатлел о необходимости законодательного оформления декларируемого им принципа⁴⁶, что давало ему возможность до конца жизни располагать властью, значительно превышающей конституционные prerogatives.

После 1875 г. в расстановке политических сил в Греции наблюдается ряд существенных изменений. Коалиционные правительства становятся основной формой политической

жизни. Во второй половине 70-х годов можно выделить две такие коалиции. «Традиционалисты» поддерживали блок, стержнем которого была партия Кумундурса. Его партнерами становились попеременно Заимис и Теодорос Делияннис, наследовавший Кумундурсу у руля партии после его смерти в 1883 г. Этот блок был, пожалуй, самой влиятельной политической силой Греции того времени. Ему противостояла коалиция, основу которой составляла партия Делигиоргиса, опиравшаяся на ту часть греческого правящего класса, которая связывала свои внешнеполитические планы прежде всего с необходимостью экономического подъема государства. К партии Делигиоргиса примыкала сравнительно небольшая поначалу парламентская группировка Трикуписа, поддерживавшаяся молодой промышленной буржуазией и значительной частью либеральной интеллигенции. Внешнеполитическая ориентация обеих коалиций была достаточно сложной и зависела как от позиций входивших в них политических лидеров, так и от международной конъюнктуры. Так, давая характеристику греческим политикам, Сабуров отмечал, что Делигиоргис — «черная бестия нашего министерства (то есть Министерства иностранных дел — С.Ц.)»⁴⁷ — был известен помимо проанглийских, еще и протурецкими настроениями. И хотя он вроде бы избавился от симпатий к Порте в ходе событий, начавшихся летом 1875 г. (имеются в виду события Восточного кризиса 70-х годов), его позиция может изменяться в зависимости от взаимоотношений Турции, Англии и Австро-Венгрии. Говоря о Трикуписе, Сабуров подчеркивал его патриотизм, поэтому, несмотря на не всегда испытываемые симпатии к России и славянам, он вполне мог бы стать сторонником решительных действий, направленных против Турции. Союзником «партии действия» являлся, по мнению Сабурова, и Заимис, хотя при этом он «очень подвижен в своих политических побуждениях»⁴⁸.

Эпаминондас Делигиоргис (1829–1979), старший союзник Х.Трикуписа и «черная бестия» российского МИД. Шесть раз возглавлял кабинет министров. До сих пор остается самым молодым премьером в истории Греции — впервые стал им в 36 лет. *Афины, Национальный Исторический музей*

Можно немного уточнить эту характеристику. Как показали события второй половины 70-х годов XIX в., группировка Делигиоргиса — Трикуписа в основном рассчитывала на благосклонное отношение к греческому вопросу со стороны Великобритании. Их политический антипод Кумундурос в целом был сторонником идеи сотрудничества балканских народов в их совместной борьбе против Порты⁴⁹. Но на его политику в период Восточного кризиса существенное воздействие оказывали Заимис и Делианнис, склонявшиеся к нейтралитету Греции и, объективно, к следованию Афин в фарватере британской политики. И тем самым происходило сближение позиций обеих группировок: учитывая экономическую и военную слабость страны, правящие круги пытались решить стоявшие перед государством внешнеполитические задачи преимущественно мирным путем, играя на противоречиях между великими державами. Но помимо указанных причин, существовал еще один фактор, влиявший на внешнюю политику любого кабинета, безотносительно к его ориентации. Речь идет об идеологической программе греческого национального движения — «Великой идее».

ИДЕОЛОГИЯ: «ВЕЛИКАЯ ИДЕЯ» И ЕЕ ПРИВЕРЖЕНЦЫ

Как уже отмечалось, идеологическим обоснованием борьбы греческого народа за воссоединение всех населенных греками земель в едином государстве, за объединение эллинизма Османской империи⁵⁰, стала «Великая идея». Ее зарождение относится еще к временам турецкого господства — мечты о восстановлении греческой государственности, возрождении былой мощи Византийской империи не покидали греков чуть ли не с момента падения Константинополя в 1453 году⁵¹. Молодая греческая буржуазия в конце XVIII — начале XIX вв. впитала эту идеологию в себя, поставив ее на службу собственным интересам. Считая себя наследниками Византии, представители греческих буржуазно-помещичьих кругов начали выдвигать и соответствующие территориальные притязания к соседям. Поэтому еще в зародыше идеологии национального освобождения содержались великодержавные элементы, связанные, прежде всего, с пропагандой превосходства «расы эллинов» над другими народами Балканского полуострова.

После образования независимого греческого государства эти тенденции получают дальнейшее развитие. В конечном счете из «Великой идеи» выхолащивались демократические черты: отрицалось право на самоопределение и самостоятельное национальное существование соседних балканских народов; чувства национальной гордости и национального превосходства в идеологии греческой революции перерастали в ярко выраженное стремление к гегемонии греков в регионе.

Впрочем, эти тенденции были объективно обусловленными: в условиях необходимости сплочения нации для решения национального вопроса интернациональное неизбежно отодвигается на второй план, хотя при этом национальная идеология не перестает в целом носить прогрессивный характер.

Можно считать, что как идеология национального освобождения «Великая идея» являлась прогрессивной вплоть до Балканских войн 1912–1913 гг., в результате которых большинство земель, населенных греками, было воссоединено с независимой Грецией. Но нельзя не отметить и другое: после 1881 г., когда к королевству отошли Фессалия и часть Эпира, греческие правящие круги все чаще стали обосновывать с помощью «Великой идеи» свои притязания на территории со смешанным или чисто славянским населением в Македонии и Фракии, с албанским — в Эпире, с турецким — в Малой Азии, что усиливало в ней реакционные начала.

До сих пор автор рассматривал «Великую идею» в качестве идеологии национального движения. В качестве же официальной программы правящих кругов страны она была провозглашена после революции 1843 г. Выступая 27 января 1844 г. перед депутатами Национального собрания, премьер-министр Иоаннис Колеттис заявил: «Греция — это не только греческое королевство... Греком является не только тот, кто живет в королевстве, ... но и тот, кто населяет любое место, связанное с историей греческого племени... Существуют два центра эллинизма. Афины — столица королевства. Константинополь — великая столица, Полис, мечта и надежда всех эллинов»⁵². Социальная база мегалистов (то есть сторонников «Великой идеи») в народе была весьма широка. И как программа, и как идеология «Великая идея» была тем стержнем, вокруг которого спланивалась греческая нация в стремлении к объединению страны и определении путей ее развития в будущем. Все классы и слои населения были едины в осознании необходимости

Трасивеулос Заимис (1825–1880), политик, дважды премьер-министр и младший союзник А. Кумундуроса по коалициям. Активный участник свержения короля Оттона, воцарения Георга I и передачи Англией Греции Ионических островов.
Афины, Библиотека Геннадийон

ее осуществления, вкладывая в нее свое содержание. Торгово-финансовые круги выступали за присоединение к Греции тех земель, которые входили в зону их экономических интересов⁵³.

То же самое можно сказать и о промышленной буржуазии, которая, начиная с 70-х годов XIX в., делала попытки прорыва на внешние рынки, особенно в Европейской Турции, поскольку на внутреннем сильную конкуренцию ей составляли английские и французские предприниматели. Помещики и крестьяне стремились (и в этом смыкались их интересы) к решению аграрного вопроса за счет новых земель, отобранных у Османской империи.

По сути, «Великая идея» поддерживалась всеми слоями населения страны, что вполне естественно. Ведь национальная идеология не привносится извне, она лишь обобщает, систематизирует, конкретизирует те взгляды, которые уже сложились в обществе; она является отражением ряда объективных условий, следствием объективных предпосылок. Помыслы, надежды всей нации устремляются к ее практическому осуществлению — не случайно Греция XIX в. редко испытывала

социальные потрясения, и даже революции 1843 г. и 1862 г. были наполнены глубоким национальным содержанием. Нерешенность национального вопроса затушевывала социальные противоречия; социальное, как и интернациональное, отошло на второй план и не смогло стать доминантой общественного развития. В результате решение социальных проблем все слои греческого народа напрямую связывали с решением проблем национальных.

По всей видимости, «Великая идея» являлась греческой разновидностью романтизма в новое время, когда некоторые нации пытались найти особый путь развития своих слабо-развитых стран, не желая копировать опыт передовых государств, где в XIX в., наряду с несомненными достижениями в различных областях общественной жизни, в полной мере проявились и пороки капиталистического развития. Романтизм, подобный греческому, пытался найти выход в идеализации прошлого нации, что неизбежно приводило ко всеобщему осознанию невозможности иного исторического выбора пути, чем своего рода реконструкции собственного прошлого на новой ступени исторического развития, то есть в условиях XIX в. Как пример такого романтизма можно привести русское славянофильство, великосербскую идею, национальную идеологию болгар и румын. При этом в менее развитых балканских странах подобные идеи имели большее влияние на население, чем в России. Возможно, это было связано также и с тем, что народ или складывающаяся нация, часть которой находится под иноземным господством, острее ощущает необходимость в своего рода идейно-культурной компенсации для преодоления собственной отсталости и окончательного решения национального вопроса. По мнению российских исследователей Е.Б. Рашковского и В.Г. Хороса, этот идейно-психологический механизм является главной причиной, порождающей национализм такой нации⁵⁴.

Линия водораздела между сторонниками «Великой идеи» проходила по вопросу о том, какими методами следует проводить ее осуществление. Одни политические группировки выступали за вооруженный путь решения национального вопроса, другие — за мирный. Последние объясняли свою позицию необходимостью экономического укрепления государства, создания благоприятных предпосылок для воссоединения всех греческих земель. Такая позиция отвечала интересам Англии, пытавшейся удержать Грецию в рамках нейтралитета в периоды балканских кризисов. Не следует полагать, что сторонникам «мирного» пути была чужда мысль о возможности присоединения греческих провинций Османской империи вооруженным путем, равно как «непримиримым» — мирным. В реальной жизни все обстояло гораздо сложнее, и мы можем лишь констатировать определяющее воздействие той или иной тенденции на определенную политическую группировку или лидера в конкретный период⁵⁵. К примеру, Делияннис, который вплоть до 1878 г. был убежденным сторонником «мирного» пути и нейтралитета Греции, выступает как «непримиримый» в 80–90-х годах. А Кумундурос, сторонник «вооруженной борьбы», оказался вынужден перед лицом обстоятельств проводить политику нейтралитета в период Восточного кризиса 1870-х гг.

Анализируя эволюцию «Великой идеи» в интересующий автора период, следует, пожалуй, выделить еще несколько моментов. Первый из них касается роста антиславянских и антирусских настроений в стране, начиная со второй половины 50-х годов XIX в. В некоторых работах зарубежных историков⁵⁶ сложилось мнение, что причиной этого была политика России, направленная на поддержку национально-освободительного движения славянских народов Османской империи в противовес борьбе греческого народа, претворение в жизнь идей панславизма. А греческий исследователь Д. Закитинос

Карикатура времен Крымской войны: русский медведь соблазняет Грецию Константинополем. Афины, Библиотека Геннадийон

делает вывод, что «Великая идея» вообще возникла как противовес южнославянскому национализму и панславизму⁵⁷. Но, по-видимому, в основе греко-славянского конфликта лежали более серьезные причины. Как уже отмечалось, новое поколение греческих политических деятелей на первый план ставило интересы Греции, игнорируя по существу, насколько это возможно, интересы держав-покровительниц. Поэтому Россия, потерпевшая серьезное поражение в Крымской войне, не могла рассматриваться ими как сила, способная в ближайшей перспективе оказать реальную помощь Греции в решении национального вопроса. Не могла претендовать на роль такой силы и Франция, не оправившаяся еще к началу кризиса 1870-х гг. от удара рейхсканцлера Германской империи Отто фон Бисмарка. Вполне логичными поэтому выглядят действия греческой политической элиты: определив гарантом осуществления своих притязаний Англию, официальные Афины для оправдания смещения акцентов во внешнеполитической ориентации постепенно разжигают антиславянские настроения в стране, используя в качестве предлога развитие в России славянофильского, а позднее — панславистского движения⁵⁸, выдавая лозунги крайних панславистов за официальную позицию российского правительства.

Другим источником антиславянских настроений послужило национальное движение болгарского народа. За фасадом церковной борьбы, завершившейся созданием болгарской независимой церкви (1870 г.) и окончательным разрывом между константинопольской Вселенской патриархией и болгарской экзархией (1872–1873 гг.), на деле скрывалось стремление как греков, так и болгар установить свой контроль над рядом областей со смешанным греко-болгарским населением. Настоящая «битва за умы и сердца» велась в Македонии и Фракии. В 1871 г. на основании циркуляра МИД Греции своим консулам в Османской империи им было

поручено оказывать помощь и «патриотическое содействие» греческим культурно-просветительным обществам («силлогам»), действовавшим в этих областях⁵⁹. Неофициальным координирующим центром «силлог» было «Греческое литературное общество» Константинополя, связанное с фанариотскими кругами (фанариоты — жители квартала Фанар в Константинополе, греческая финансовая аристократия, тесно связанная с султанским двором) и греческим правительством⁶⁰. Во Фракии это общество имело свои отделения в 9 населенных пунктах, контролировало 40 церквей. С целью же увеличения численности греческого населения в спорных районах консулы Греции выдавали греческие паспорта всем, кто признавал себя греками⁶¹. В своих отчетах «силлоги» объявляли греками даже тех людей, которые «хоть и говорят в своей повседневной жизни на каком-либо диалекте (например, болгарском), но пишут на греческом, который введен в их церквях и училищах»⁶². Следует признать, что греческая пропаганда имела больший эффект, чем болгарская, во многом благодаря этому революционному подходу к национальной идентификации: в его основе действительно лежала целая теория существования многоязычной греческой нации, в которую, наряду с греками «по крови» входят и греки «по самосознанию». Болгары смогли противопоставить лишь упор в своей пропаганде на недовольство славянского населения своим положением в Османской империи⁶³. А российское правительство, со своей стороны, было вынуждено в начале 1870-х гг. дать консулам на местах указание всеми усилиями противодействовать деятельности «силлог»⁶⁴.

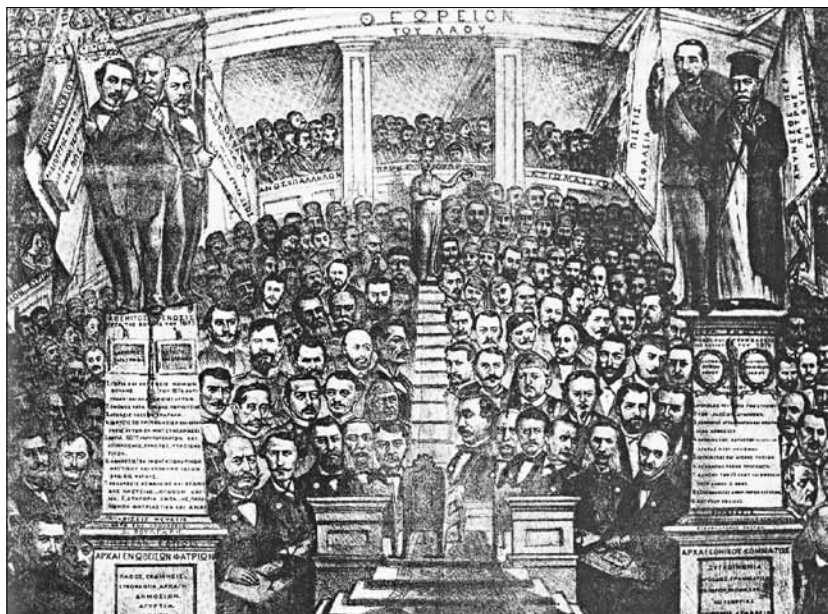
К середине 70-х годов XIX в. антиболгарские настроения захлестнули значительную часть греческой общественности, и это в конечном счете не могло не повлиять на отношение греков к России. «Вспоминая вражду с болгарами относительно экзархата, — отмечает крупнейший современный исследо-

ватель той эпохи Эвангелос Кофос, — и, подозревая, что русские стоят за спиной болгар в вопросе о смешанных районах в Македонии и Фракии, многие греки задавали себе вопрос о разумности помещения греческих национальных интересов под крыло российского орла. Греки осознавали, что если они будут придерживаться пророссийской политики, они рискуют столкнуться с противодействием антирусски настроенных европейских держав»⁶⁵.

Правда, думали так не все: некоторые представители общественного мнения придерживались иной, более реалистичной точки зрения. Одним из таких деятелей был А. Гудас, автор книги «Прошлое, настоящее и будущее Востока», вышедшей в 1876 г. Основная мысль автора заключается в том, что народы Востока должны сами решить Восточный вопрос, для чего необходимо их единство, а путь к его достижению — просвещение. Просвещенные народы объединятся впоследствии в «федеративное государство во главе с Грецией»⁶⁶. В архиве российского МИД удалось обнаружить личное письмо Гудаса к генералу Николаю Павловичу Игнатьеву, написанное в начале русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В нем говорится, что без опоры на греков «воскресить Восток» невозможно. «Ни болгары без греков не смогут сбросить турецкое иго или, по крайней мере, защитить себя, — заключал Гудас, — ни греки не смогут их обучить и защитить до приобретения ими своей национальной целостности». Россия, помогая грекам, тем самым решит Восточный вопрос⁶⁷. Хотя позиция Гудаса и отличалась от мнения многих крайних националистов, он тем не менее отводил Греции роль гегемона в балканском регионе.

Говоря о развитии «Великой идеи» в 70-х годах XIX в., нельзя не упомянуть и о ее причудливой интерпретации среди представителей греческой верхушки, проживавшей в Османской империи. С настроениями этих слоев приходи-

лось считаться и Афинам, поскольку эта прослойка диаспоры была связана с королевством тысячами незримых нитей, главным образом экономических и духовных. Не стоит недооценивать также и то обстоятельство, что многие из тех, кто держал в своих руках судьбы Греции, были выходцами из этих слоев либо связаны с последними узами кровного родства. Фанариотские круги Константинополя, греческие банкиры и торговцы, духовенство, а также определенная часть греческой промышленной буржуазии Османской империи усиливали в этот период свои притязания на роль духовных и культурных вождей эллинизма. Возрождение Великой

На этой гравюре изображена расстановка политических сил в парламенте Греции в середине 70-х гг XIX в. На правой колонне стоят Д. Вулгарис и Д. Гривас (министр обороны). На левой — их главные оппоненты Э. Делигиоргис, А. Кумундурос и Т. Заимис. Афины, Библиотека Геннадийон

Греции виделось фанариотам в создании дуалистической греко-турецкой монархии по австро-венгерскому образцу. В этой связи заслуживают внимания тайные переговоры английского посла в Константинополе Г. Лейрда с Г. Зарифисом, личным банкиром султана Абдул Хамида II, одним из самых состоятельных греков Константинополя, которые состоялись в июле 1878 г. Зарифис представил Лейрду свой план, обсужденный в турецких правящих кругах, которые отнеслись к нему доброжелательно. Он предусматривал союз Греции и Турции и создание дуалистической монархии. В соответствии с планом Фессалия, Эпир и Македония должны быть присоединены к Греции. После этого провозглашается создание обширного «Греческого королевства» под верховной властью султана, с собственным законодательством и правом участия в административном управлении империей. Однако для воплощения плана в жизнь необходимо низложение короля Георга I, который, по мнению Зарифиса, являлся единственным его противником⁶⁸. Дальше обсуждения дело не продвинулось и, судя по всему, не могло продвигаться. Предполагаемая государственная структура, в отличие от австро-венгерского образца, была изначально нежизнеспособной вследствие полного несовпадения этноса греков и турок: их обычаев, нравов, религии, политических традиций, национального самосознания и т.п.

Автор погрешил бы против истины, утверждая, что в Греции 70-х годов XIX в. не существовало отличных от «Великой идеи» течений национальной идеологии. Действовавшие в ряде городов страны демократические общества — филиал женевской «Демократической Восточной Федерации» (Салоники), «Ригас» (Афины), «Демократическое общество» (Патры) призывали к объединению сил угнетенных христианских народов; созданию на месте османских владений в Европе Балканской федерации полностью равноправных на-

ций, независимых от великих держав; решению социальных проблем⁶⁹. Все они действовали непродолжительное время, так и не сумев претендовать на сколь-нибудь заметное место в национально-освободительном движении той эпохи. Низкий уровень экономического развития Греции, недостаточная степень политической зрелости греческого народа обусловили отсутствие широких социальных слоев, способных воспринять прокламируемые этими организациями радикальные программы, приверженцами которых были прежде всего учащаяся молодежь и небольшая часть радикально-либеральной интеллигенции. В 60–70-х годах XIX в. «греческое государство, весь эллинизм в целом (как свободный, так и порабощенный) оставались преданными политике «мегали идея»⁷⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ I

- ¹ *Арш Г.Л.* Греция и Восточный кризис 70-х годов XIX в. // Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и Балканы. Балканские исследования. Вып. 4. М., 1978. С. 169 (далее — Греция и Восточный кризис).
- ² *Grigoriadis S.* Ikonomiki istoria tis neoteris Ellados. Athinai, 1975. S. 24.
- ³ *Sto idio*; vl. episis: Istoría tou ellinikou ethnous (далее — IEE). Т. II'. Athina, 1977. S. 81.
- ⁴ *Tsiovaridou Th.* I allagi tis domis tis georgias meta tin prosartisi tis Thessalias. // Diethnes istoriko symposio «I teleutaia fasi tis anatolikis kriseos kai o ellinismos (1878–1884). Praktika» (далее — Praktika...). Athina, 1983. S. 484.
- ⁵ IEE. Т. II'. Athina, 1977. S. 310.
- ⁶ *Agianoglou P.* To perasma apo ti feoudarhia ston kapitalismo stin Ellada. Athina, 1982. S. 213–214.
- ⁷ *Sto idio*. S. 222; IEE. Т. II'. S. 310.
- ⁸ IEE. Т. II'. S. 310.
- ⁹ *Agianoglou P.* О.р. S. 213.
- ¹⁰ *Sto idio*. S. 311.
- ¹¹ *Svoronos N.* Episkopisi tis neoellinikis istorias. Athina, 1981. S. 100.
- ¹² *Grigoriadis S.* О.р. S. 20; IEE. Т. II'. S. 311.
- ¹³ *Svoronos N.* О.р. S. 101.
- ¹⁴ *Деллаграмматикас Я.* Установление империалистами экономического контроля над Грецией // Вопросы истории. М., 1971. № 11. С. 103.
- ¹⁵ *Kofos E.* O ellinismos stin periodo 1869–1881 (далее — O ellinismos...). Athina, 1984. S. 44.
- ¹⁶ IEE. Т. II'. S. 312.
- ¹⁷ *Kordatos G.* Isagogi is tin istorian tis ellinikis kefalaiokratias. Athinai, 1977. S. 47–48.

- ¹⁸ В 1874 г. из 95 предприятий, оснащенных паровыми машинами, 35 были предприятиями мукомольной, 12 — текстильной, 10 — пищевой промышленности и только 11 приходилось на машиностроение, металлообработку и добывающую промышленность. IEE. T. II'. S. 312.
- ¹⁹ *Vournas T. Istoría tis neoteris Elladas. Athina, 1974. S. 488.*
- ²⁰ Здесь имеется в виду сложившийся после революции 1821–1829 гг. политический блок помещиков-чифтликовладельцев с военными вождями — предводителями патриархальных кланов ряда областей Греции. Подробнее об этом см.: *Tsiovaridou Th. Op. S. 485; Tsalta A. To elliniko agrotiko provlima apo tin arhaiotita eos simera // Ikonómiki, koinoniki kai politiki epitheorisi. Athina, 1977. S. 53.*
- ²¹ Архив внешней политики Российской империи МИД РФ (далее — АВПРИ). Фонд Канцелярия. 1839. Д. 11. Л. 25–26. Донесение Г.А. Катакази К.В. Нессельроде, 16. XII. 1838 (здесь и далее даты приводятся в соответствии с новым стилем).
- ²² Там же. 1843. Д. 9. Л. 349. Донесение Г.А. Катакази К.В. Нессельроде, 20. VIII. 1843.
- ²³ Там же. Л. 349–350.
- ²⁴ Там же. 1839. Д. 11. Л. 26–27. Донесение Г.А. Катакази К.В. Нессельроде, 16. XII. 1838.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же. 1843. Д. 9. Л. 351. Донесение Г.А. Катакази К.В. Нессельроде, 20. VIII. 1843.
- ²⁷ Конституции буржуазных стран. Т. 2. М., 1938. С. 102–125. Не имея в своем распоряжении текста конституции 1864 г., автор использует текст конституции 1911 г., во многом повторявшей предшествовавшую. Статьи конституции 1864 г., оставшиеся в неизменном виде в 1911 г., помечены в сборнике звездочкой. Нумерация статей дается, естественно, в соответствии с конституцией 1911 г.
- ²⁸ Там же. Ст. 22, 23.
- ²⁹ Там же. Ст. 32.
- ³⁰ Там же. Ст. 31, 37.

- ³¹ Там же. Ст. 3–20.
- ³² АВПРИ. Ф. Миссия в Афинах. 1875. Д. 994. Л. 3. Донесение Г.К. Дубницкого П.А. Сабурову, 22. I. 1875.
- ³³ Государственный архив Российской Федерации (бывший Центральный государственный архив Октябрьской революции) (далее — ГА РФ). Ф. 722. Оп. 1. Д. 810. Л. 33. Письмо Королевы эллинов в.к. Константину Николаевичу, 2. III. 1878.
- ³⁴ *Κοφός* Э. Россия и эллинизм в период Восточного кризиса 1875–1878 гг. // Политические, общественные и культурные связи народов СССР и Греции (XIX–XX вв.). М., 1989. С. 148.
- ³⁵ *Dafnis G.* Ta ellinika politika kommata. Athinai, 1961. S. 82.
- ³⁶ *Хаджипанделис Н.* Теория за формите на държавата и форми на новогръцката държава. София, 1969. С. 156.
- ³⁷ *Sabouroff P.A.* Ma mission en Grece (далее — *Sabouroff P.A.* Ma mission...) // Центральный государственный исторический архив РФ, г. Санкт-Петербург (далее — ЦГИА СПб). Ф. 1044. Оп. 1. Д. 257. Л. 209.
- ³⁸ *Katsoulis G.* To katestimeno sti neoelliniki istoria. Athina, 1975. S. 198.
- ³⁹ *Sabouroff P.A.* Ma mission... Л. 209–210.
- ⁴⁰ *Katsoulis G.* О.р. S. 204–205.
- ⁴¹ *Sabouroff P.A.* Ma mission... Л. 211.
- ⁴² Там же. Л. 212.
- ⁴³ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1875. Д. 8. Л. 328. Донесение П.А. Сабурова Александру II, 9. V. 1875.
- ⁴⁴ Там же. Ф. ГА У-А2. 1875. Д. 572. Л. 3. Донесение М. Якиманского П.А. Сабурову, 5. V. 1875.
- ⁴⁵ Там же. Ф. Канцелярия. 1875. Д. 8. Л. 450. Речь Георга I перед депутатами Палаты 23 августа 1875 г. См. также *Markezinis Sp.* Politiki istoria tis neoteris Ellados. T. 2. Athinai, 1968. S. 89.
- ⁴⁶ Формирование национальных независимых государств на Балканах (конец XVIII — 70-е годы XIX в.). М., 1986. С. 79.
- ⁴⁷ *Sabouroff P.A.* Ma mission... Л. 176.
- ⁴⁸ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876. Д. 8. Л. 296. Донесение П.А. Сабурова Александру II, 20. IX. 1876.

- ⁴⁹ *Κοφός* Э. Указ. соч. С. 146.
- ⁵⁰ Все греки, где бы они ни проживали, — в независимом королевстве, Османской империи, Европе, Австралии или Африке — ощущали свою принадлежность к единой нации — эллинизму.
- ⁵¹ Подробнее о возникновении и развитии «Великой идеи» см.: *Данова Н.* Националният въпрос в гръцките политически програми през XIX век. София, 1980; *Vavouskos K.* I megali idea os idea kai pragmatikotis. Thessaloniki, IMHA, 1970; *Dimaras K.* Tis megalis tautis ideas. Athina, 1970; *Astrinos Th.* I Megali idea tou ellinismou. Athina, 1945.
- ⁵² Цит. по: *Allamani E.* I Thessalia sta teleutaia peninta hronia tis tourkikis kyriarhias (1832–1882) // *Praktika...* S. 76; *IEE.* T. II'. S. 23, 467–469.
- ⁵³ *Данова Н.* Указ. соч. С. 267.
- ⁵⁴ *Рашковский Е.Б., Хорос В.Г.* Проблема «Запад — Восток — Россия» в философском наследии П.Я. Чаадаева // Восток — Запад. М., 1988. С. 120.
- ⁵⁵ Более подробные сведения о политической истории Греции, подтверждающие сделанные автором выводы, см. в упоминавшихся работах С. Маркезиниса, Г. Дафниса, Г. Кацулиса.
- ⁵⁶ См., в частности, работы: *Naltsas Ch.* Der San-Stefano Vertrag und das Griechentum. Thessaloniki, IMHA, 1956; *Driault E., Lheritier M.* Histoire diplomatique de la Grece de 1821 a nos jours. T. 3. Paris, 1925; *Laskaris M.* To anatolikon zitima. T. A-B. Thessaloniki, 1978.
- ⁵⁷ *Zakithinos D.* I politiki istoria tis neoteris Ellados. Athinai, 1962. S. 70–71.
- ⁵⁸ *Κοφός* Э. Указ. соч. С. 145; *Κοφός Ε.* О эллинизме... S. 14.
- ⁵⁹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1875. Д. 8. Л. 22. Донесение П.А. Сабурова канцлеру А.М. Горчакову, 23. I. 1875.
- ⁶⁰ *Арш Г.Л.* Греция и Восточный кризис... С. 169–170.
- ⁶¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1875. Д. 8. Л. 23, 26. Донесение П.А. Сабурова А.М. Горчакову, 23. I. 1875.
- ⁶² *Κοφός Ε.* I epanastasi tis Makedonias kata to 1878. Thessaloniki, 1969. S. 84.

-
- ⁶³ Едемский А.Б., Карасев А.В., Цехмистренко С.П. К истории македонского вопроса // Славяноведение. М., 1993. № 1. С. 68–69.
- ⁶⁴ Driault E., Lheritier M. Op. cit. P. 323.
- ⁶⁵ Kofos E. Greek insurrectionary preparations, 1876–1878 // Insurrections, War and Eastern Crisis in the 1870's. N.Y., 1985. P. 183.
- ⁶⁶ Данова Н. Указ. соч. С. 235–236.
- ⁶⁷ АВПРИ. Ф. Миссия в Афинах. 1877. Д. 4019. Л. 13. Письмо А. Гудаса Н.П. Игнатьеву, 3. V. 1877.
- ⁶⁸ ИЕЕ. Т. II'. S. 316–317; Формирование национальных независимых государств на Балканах. С. 79.
- ⁶⁹ Более подробно об этом см.: Данова Н. Указ. соч.; Kordatos G. Istoriatis Elladas. T. 12. Athina, 1958; Vournas T. O. p.
- ⁷⁰ Кофос Э. Указ. соч. С. 144.

Глава II

НАКАНУНЕ

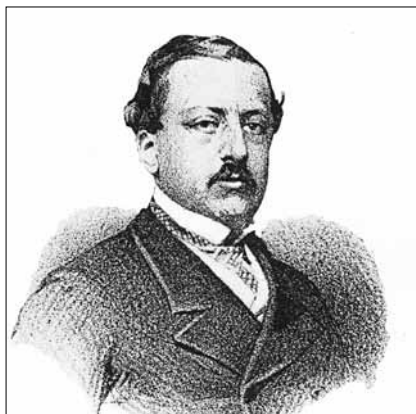

*Нет, Греция, тот разве патриот,
Кто, болтовнею совесть успокоя,
Тирану льстит, покорно шею гнет
И с видом оскорбленного героя
Витийствует и прячется от боя.
И это те, чьих дедов в оны дни
Страшился перс и трепетала Троя!*

Джордж Гордон Байрон. Паломничество
Чайлд-Гарольда. 1812 г. Перевод В. Левики

РОССИЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ В БОРЬБЕ ЗА МЕСТО ПОД АФИНСКИМ СОЛНЦЕМ

Накануне Восточного кризиса 1875–1878 гг. греческие правящие круги не стремились, в силу ряда указанных выше причин, принимать активное участие в назревавшем балканском конфликте. Поручая Харилаосу Трикупису формирование нового правительства после политического кризиса в мае 1875 г., Георг выдвинул перед ним ключевое требование: у Константинополя никоим образом не должно сложиться мнение, что Греция изменяет свою политику в отношении Турции¹. И хотя премьер-министру удалось убедить короля отозвать из турецкой столицы греческого посланника Симоса, ярого приверженца идеи греко-турецкого союза (он был заменен на Кундуриотиса), он, тем не менее, обещал Георгу, что добрососедские отношения с Османской империей нарушены не будут². Вскоре он заверил

посла Великобритании в Афинах Стюарта, что Греция «образца» 1875 г. вынуждена будет укреплять дружеские связи с Турцией, по крайней мере, еще 20 лет, а программа деятельности

Х. Трикупис во время формирования своего первого кабинета в апреле 1875 года. Афины, Библиотека Геннадийон

нового кабинета заключается в следующем: «1) Сближение с Турцией; 2) Экономический и политический подъем эллинизма Османской империи; 3) Экономическая и военная реорганизация Греции»³.

Разразившееся летом 1875 г. восстание христиан в Боснии и Герцеговине, которое, как позже оказалось, стало прелюдией к новому обострению Восточного вопроса, не привело поначалу к изменению позиции как греческой общественности, так и правительства страны. «Восстание в Боснии и Герцеговине не нашло поддержки здесь, в Греции, — отмечал в одном из своих донесений российский посланник П.А. Сабуров — Это безразличие к борьбе, начатой близким по вероисповеданию народом против традиционного врага, объясняется, естественно, той враждебностью, которую вызвал... между греками и славянами Болгарский вопрос»⁴. Афины поспешили заверить державы, что Греция будет придерживаться политики нейтралитета. Трикупис постоянно подчеркивал в то время, что его страна не намерена рвать узы политической дружбы и сотрудничества с Османской империей, что нейтралитет есть и будет оставаться основой внешней политики королевства⁵. Однако с течением времени и правящие круги, и весь народ постепенно начинают склоняться к более реалистичной оценке событий на Балканах и осознанию той роли, которую Греция может в них сыграть. В беседе с российским посланником, состоявшейся в начале октября 1875 г., Трикупис заявил: несмотря на то, что до настоящего момента греки не проявили никакой симпатии к национально-освободительному движению боснийцев и герцеговинцев, а греческая пресса при освещении событий ограничилась констатацией того, что во время восстания на Крите (1866–1869 гг.) Сербия не пришла на помощь грекам, «эти препирательства не должны заставить нас упустить из виду наши истинные интересы в этом вопросе». Премьер дал

понять Сабурову, что если восстание в Боснии и Герцеговине не прекратится, «возможно тогда что-то произойдет». Но для этого, заключил Трикупис, «важно для нас поскорее сформировать крепкое министерство, имеющее большинство в нынешней палате, чтобы мы были в силах воспользоваться этими событиями»⁶. Практически одновременно с этим в Петербурге один из высших чиновников МИД барон А.Г. Жомини заявил греческому посланнику, что Россия заинтересована в активных действиях Греции, которые и без вмешательства великих держав могут расшатать Порту и привести к потере османского контроля над частью территории империи. «Если Турция будет ослаблена, вы, греки, не оставайтесь пассивными, — заявил барон и добавил: — Говорят, на Крите царит возбуждение. Критяне находятся в прекрасном положении. Если им удастся соразмерить свои силы с силами турецких войск и остаться хозяевами своей территории, я не знаю, что сделает Турция, которая в настоящий момент не может послать туда подкрепление»⁷.

Но для более решительной политики к власти должны были прийти другие люди, не склонные преувеличивать значение нейтралитета для страны. И это случилось в конце октября 1875 г. Новое правительство Греции возглавил Кумундурос, блокировавшийся с Заимисом. На состоявшихся 30 июня 1875 г. выборах коалиция получила в Палате 85 мест из 190, что, с одной стороны, позволило ей образовать ответственное большинство, а с другой, вынуждало находиться в постоянной зависимости от мнения 26 депутатов, не примыкавших ни к одной из партий⁸. Как уже отмечалось, Кумундурос был одним из немногих политических лидеров страны, склонявшихся к идее совместной борьбы всех христианских народов Балкан против односторонней внешнеполитической ориентации страны на Англию, поскольку, по его мнению, «осознание долга защиты национальных интересов внушает

одинаковую признательность трем благодетельным державам (т.е. России, Англии и Франции. — *С.Ц.*)⁹. В греческом общественном мнении новый премьер-министр считался «русифилом», поскольку всегда тяготел к сотрудничеству Греции с Россией. С первых же дней своего пребывания у власти он начинает устанавливать контакты с Сабуровым, чтобы наметить контуры возможных греко-русских отношений в случае дальнейшего обострения кризиса; узнать, на что могут рассчитывать Афины в случае активного вмешательства в ход событий. Но прежде чем перейти к изложению этих аспектов, хотелось бы остановиться на основных принципах, определявших политику России в Греции в 70-х годах XIX в.

Как известно, Россия, стоявшая у истоков греческой независимости и государственности, начала терять свои казавшиеся незыблемыми позиции в Греции чуть ли не на следующий день после ее освобождения от турок. Как отмечал известный русский историк С.С. Татищев, «разочарование (в российских правящих кругах. — *С.Ц.*) было полным. Та самая Греция, которая должна была дополнить систему политического преобладания нашего на Востоке, оказалась державою не только нам не дружественною, но и прямо враждебною. Первый опыт учреждения независимого христианского государства на Балканском полуострове обратился в явный нам ущерб»¹⁰. В Греции проявилась общая тенденция, характерная и для других областей Балкан — национальная буржуазия предпочитала ориентироваться скорее на промышленно развитую Англию, чем отсталую крепостническую (до 1861 г.) Россию. Но при этом, несмотря на общее ослабление влияния Петербурга относительно позиций Лондона и других европейских столиц, балканские народы (и Греция — не исключение) по-прежнему видели в ней свою естественную покровительницу, к тому же связанную с ними узами единой религии — православия.

После Крымской войны на греко-российские отношения наложил существенный отпечаток и личностный фактор: неприязнь короля Георга к посланнику Евгению Петровичу Новикову. Российский дипломат жаловался на плохое к нему обращение монарха, постоянно докладывая в Петербург, что позиция греческого короля становится день ото дня все несноснее. Георг же, со своей стороны, постоянно чувствовал себя контролируемым Новиковым, в связи с чем был вынужден направить в 1870 г. в Петербург с особой миссией специального представителя, будущего министра иностранных дел С. Валаоритиса, чтобы просить Александра II (кстати, недолюбливавшего мужа своей племянницы Георга) защитить его от козней российского дипломата⁴¹. И стратегам от дипломатии с петербургского Певческого моста (где располагался МИД России) стало ясно, что настало время сменить декорации. Новиков был отправлен послом в Вену, а на его место назначен действительный статский советник Петр Александрович Сабуров,

Петр Александрович Сабуров (1835–1918) прожил длинную и насыщенную событиями жизнь. Потомок одного из старинных родов России и сын декабриста, он возглавлял миссию в Афинах в 1870–1879 гг. За время работы в Греции Сабуров собрал уникальную коллекцию древнегреческих скульптур, керамики, фресок и мозаик (часть ее находится сегодня в Берлинском античном собрании, остальное в Эрмитаже). Был послом в Берлине (1879–1884), сенатором, членом Государственного совета. Последний документ в его личном архиве датирован началом 1918 года: престарелый Сабуров просит большевистский Совнарком назначить ему пенсию. Обстоятельства смерти Сабурова неизвестны. Его старший сын Александр, петроградский гражданский губернатор в 1916–1917 гг., был расстрелян большевиками в 1919 г. Младший, Петр, счастливо избежал подобной участи, вовремя эмигрировав в Швейцарию.

Москва, ГА РФ. Ф. 1074. Оп. 1. Д. 316. Л. 1.

35-летний дипломат и сын декабриста, успевший к тому времени послужить в посольстве России в Лондоне¹². Вскоре после прибытия в Афины Сабуров получает письмо от главы внешнеполитического ведомства России канцлера Александра Михайловича Горчакова, которым по существу были заложены основы российской политики в Греции на предстоящее десятилетие.

Давая наставления молодому дипломату, умудренный опытом канцлер прежде всего напомнил ему о традиционных симпатиях России к Греции, об исторических связях двух стран. Касаясь греко-болгарского спора, Горчаков заметил, что в этих условиях Россия, как и прежде, остается покровительницей, «постоянным и бескорыстным другом» каждой из сторон. «Только она, — писал канцлер, — может служить между ними охранительной связью, чтобы уберечь их от раздоров и соперничества, которые их ослабляют в настоящий момент и могут привести к потерям в будущем»¹³. Здесь можно сделать маленькое отступление. Трудно, например, согласиться с рассуждениями главы МИД России о российском бескорыстии. Единство балканских народов отвечало прежде всего интересам Петербурга, поскольку уже в 1870 г. было очевидно, что не за горами и отмена унижительных условий Парижского мирного договора 1856 г. о нейтрализации Черного моря, и новое столкновение с Турцией. Но при этом нельзя не признать и то, что в случае успеха это единство играло бы на руку не только России. Но как бы то ни было, Петербург вовсе не желал довести свои отношения с Афинами до конфликта, который, тем не менее, был бы вполне реален, если бы Греция сделала ставку исключительно на Запад. Не случайно поэтому канцлер указал посланнику на нежелательность использования эллинизма в качестве передового отряда Запада против славян, ибо это нанесет удар прежде всего по интересам самой Греции. Но вместе с тем он подчеркнул, что греческий

народ должен ясно осознавать, «что каково бы ни было наше расположение к нему, мы никогда не принесем в жертву ни интересы России, ни интересы христиан Востока», то есть славян, не освободившихся еще от османского ига, так как эти интересы служат общему делу, и Греция может извлечь из них пользу, если не будет нарушать «эту коллективную работу»¹⁴.

Определяя место российского посланника в политической жизни страны, Горчаков указывал, что основным должен быть принцип невмешательства во внутренние дела. «Мы не имеем и не должны иметь там партии, — отмечал он. — Наша партия — это греческая нация, это все, кто работает на благо страны и вдохновляется только национальными чувствами»¹⁵. Мнение канцлера здесь полностью отвечало пожеланиям Александра II, считавшего, что пророссийская партия, официально находящаяся под покровительством его дипломатической миссии, впоследствии неизбежно преобразуется в антироссийскую¹⁶. Но вместе с тем, писал далее Горчаков, посланник не должен оставаться безразличным к проблемам Греции: «его роль состоит в беспристрастности — его единственной целью должно быть благосостояние и процветание Греции... Его дом должен быть нейтральной территорией, где встречались бы все политические деятели, преданные своему государю и своей стране. Его голос должен призывать к согласию и единству, клеймить амбициозные интриги, умирять самолюбие, ... объединять всех на базе патриотизма». Такая позиция может, по мнению канцлера, оказать реальную услугу Греции и упрочить в этой стране влияние России, традиционную доброжелательность по отношению к ней со стороны греческого народа¹⁷.

Анализ приведенного документа показывает, что, по крайней мере, официально Россия не ставила своей целью ни проведение панславистской политики, ни игнорирова-

ние законных интересов и прав греческой нации. Напротив, как можно убедиться, Греция в планах российского МИД должна была занять подобающее ей достойное место среди других балканских народов. Петербург всерьез опасался, что греческие правящие круги, попав под влияние западной дипломатии, предадут забвению общие интересы. Впрочем, декларации не могли скрыть особых симпатий России к славянам, а не к грекам. Как и то, что Сабуров, сумевший заручиться расположением двора из-за своей репутации «англомана»¹⁸, использовал все свое влияние для поддержки тех сил, которые ориентировались на северного соседа. С приходом же к власти Кумундурса многие вообще стали поговаривать о возможности русско-греческого союза, но это в тот момент было уже нереально: стороны искусно делали вид, что готовы пойти друг другу на уступки: Кумундурс на словах признавал «неоспоримое право болгар на создание национальной церкви», а Сабуров пытался создать у него впечатление, что Россия будет играть роль незаинтересованного посредника между двумя православными народами¹⁹. Но, как показало время, Александру II не удалась роль защитника всех православных, а греки так и не сумели преодолеть неприязни к единоверцам славянской крови. Как писал впоследствии Сабуров, «в Греции произошло то, что случается везде, где демагогия сильна, а правительство слабо. Государь, народ, серьезные политики, наконец, все сдерживающие элементы нации не смогли распознать и не смогли подавить демагогический дух, опирающийся на безответственную прессу»²⁰.

Понимая все эти обстоятельства, Сабуров в начале Восточного кризиса опасался форсировать события. «Руководствуясь намерением императора избежать войны и ограничиться достижением более человеческого режима в христианских провинциях Турции, — вспоминал он через

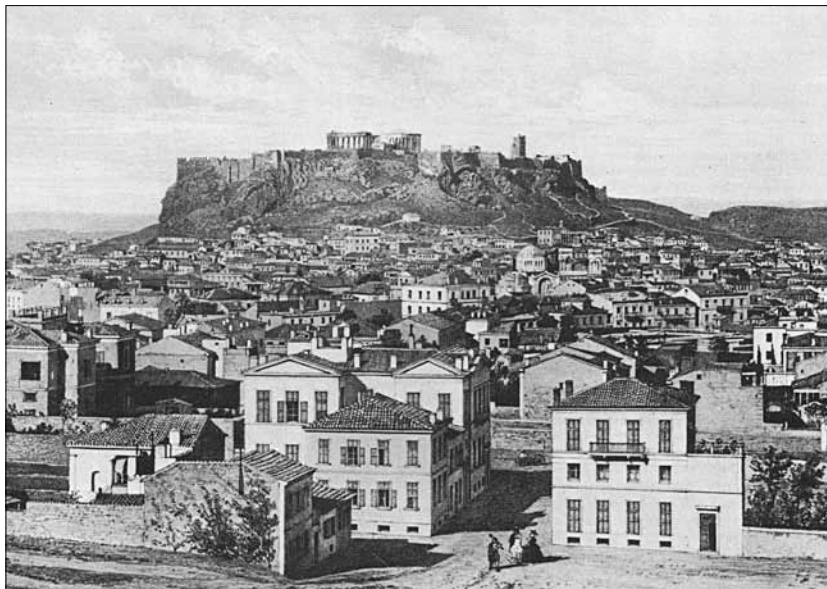
много лет, — я действовал в Афинах с целью поддержания мира и спокойствия в этой части Востока»²⁴. И поэтому во время первого же зондажа Кумундурса в декабре 1875 г. на предмет поддержки Россией греческих требований в случае каких-либо перемен на Балканах российский дипломат был крайне осторожен. На вопрос премьера, что думает сделать Россия для «несчастливого греческого населения» турецких провинций, Сабуров ответил, что, по его мнению, проектируемые реформы, имеющие общий характер и предназначенные для всех христиан (а не только для греков) Османской империи, позволят избежать сильных волнений на Востоке и что «время, более мудрое, чем люди, постепенно вырабатывает то, чего национальные страсти могли бы добиться только ценой пролития христианской крови». Ответ Сабурова не удовлетворил Кумундурса, желавшего «видеть Россию более на стороне греков». В том же донесении посланник сообщал, что по его сведениям греческий премьер любит обсуждать в своем ближайшем окружении «очень авантюрные» для государственного деятеля планы, такие как, например, план выкупа Фессалии и Эпира с помощью национального займа или за счет взятия на себя Грецией части долга Османской империи²².

В 1875 г. Сабуров не был сторонником радикального решения Восточного вопроса в кратчайший срок. Это привело к разногласиям с тогдашним российским послом в Константинополе графом Н.П. Игнатьевым, полагавшим, что вооруженная борьба всех народов Балкан позволит свергнуть османское иго даже без участия России, а потому греки должны как можно скорее взяться за оружие²⁵. Сабуров же был убежден в том, что Россия сможет успешно решить свои проблемы на Востоке лишь тогда, когда Англия и Франция свяжут себе руки в другом регионе, а у власти в Лондоне будет находиться кабинет либералов во главе с У. Гладстоном. Что

же касается судеб балканских народов, то, по его мнению, сначала необходимо «частичное» примирение с Портой, которое приведет к улучшению положения славян. Такое решение подтолкнет национальное движение в греческих провинциях, и греков уже не нужно будет уговаривать принять участие в вооруженной борьбе. В свою очередь славяне, удовлетворенные «наполовину» предыдущим решением, также восстанут и объединятся с греками. При таком развитии событий, которые растянутся на много лет, Россия укрепитя в политическом и военном отношении и протянет руку помощи восставшим народам. Результатом станет окончательное решение Восточного вопроса — в пользу России²⁴. Правда, впоследствии Сабуров перед лицом обстоятельств частично изменил свои взгляды. Но хотелось бы обратить внимание на одну деталь: за время пребывания на посту посланника он хорошо изучил как внутривосточное положение в стране, так и психологию ее жителей. Такой вывод напрашивается не только при анализе его «программы», но и при внимательном изучении его дипломатической переписки с Горчаковым. Так, в одном из донесений Сабуров предупреждал канцлера: не стоит рассчитывать на то, что греки возьмутся за оружие. «Греки, — писал он, — считают бесполезным тратить патроны, чтобы стрелять в птицу, которая, по их мнению, смертельно ранена. Они знают, что часть добычи им достанется без боя». Посланник высказывал предположение, что при общем конфликте правящие круги королевства будут подстрекать греческое население турецких провинций к восстанию, оказывать ему различную помощь, но сами не ввяжутся в конфликт, опасаясь, прежде всего, английского флота. С другой стороны, в самой Греции существуют определенные силы, которые, по мнению Сабурова, будут рассматривать как благо оккупацию Греции Англией в надежде на то, что в будущем поддерживаемая Великобританией «Великая Греция» займет

место Османской империи. Англия же в свою очередь будет спекулировать на мечте греков воплотить в жизнь «Великую идею», но вместо греческих интересов станет преследовать свои цели²⁵. Дальнейшие события во многом подтвердили прогноз дипломата.

Итак, встреча Сабурова с Кумундуросом не удовлетворила греческого премьера. Не желая действовать в русле английской дипломатии, Кумундурос, с одной стороны, сдерживает своих партнеров по коалиции «Англофилов» Заимиса и министра иностранных дел Александра Кондоставлоса²⁶, а с другой — пытается установить тесные связи с сербским правительством с целью возобновления действия сербо-греческого договора 1867 г., так и не вступившего в силу из-за обоюдных разногласий подписавших его сторон.

Столица Греции Афины в начале 70 гг. XIX в.
Афины, Национальный Исторический музей

Первые контакты между Афинами и Белградом состоялись в октябре 1875 г. Их инициатором выступил сербский князь Милан, направивший в греческую столицу своего эмиссара, который установил связь с известным греческим революционером Леонидасом Вулгарисом, близким к Кумундуросу²⁷. Этому предшествовало сближение Сербии с Румынией, и обе страны недвусмысленно искали расположения Афин, о чем сообщал из Вены греческий посланник в Австрии князь Григориос Ипсиланти. А Милан в то же время делал недвусмысленные реверансы в сторону Афин, заявляя, например, в беседах с греческими дипломатами в Белграде, что его интересы тесно связаны с интересами Греции, «и все, что говорят о ней плохого, меня задает»²⁸. Но к тому времени греки уже всерьез опасались панславизма, противопоставляя ему свою национальную программу, и поэтому даже «русофил» Кумундурос с выражением ответных чувств не спешил, из-за чего и не принял эмиссара сербского князя. 17 февраля 1876 г. Милан заявил греческому генеральному консулу в Белграде А. Доскосу, что считает основой своей политики договор 1867 г. Но, как и в 1867 г., преградой союзу стала проблема передела османских владений после крушения империи. В ходе предварительных консультаций было принято расплывчатое решение, что территории с сербским населением должны отойти к Сербии, а с греческим — к Греции, что, конечно, не могло решить главный вопрос: а что же делать со знаменитой балканской чересполосицей на демографической карте? Переговоры зашли в тупик после того, как Милан сообщил, что сербское правительство посылает своих эмиссаров в различные провинции Османской империи и, в частности, в Албанию с целью подготовки там восстаний²⁹. Понятно, что греческие правящие круги, считавшие Албанию сферой своего влияния, уцепились за этот предлог, чтобы не брать на себя никаких обязательств перед Сербией. 22 февраля 1876 г. Сабуров телеграфировал в Вену Е.П. Новикову, что Кумундурос отправил

в Белград телеграмму, в которой содержится отказ правительства Греции принять в Афинах сербскую делегацию для ведения переговоров о союзе³⁰.

Несмотря на такой поворот событий, сербы не оставили попыток склонить Грецию к активному сотрудничеству. Милан заявил, в частности, что не отступится от своих планов союза «с дорогой Грецией»,³¹ и сдержал обещание. В марте 1876 г. он направил в Афины своего специального представителя Милютина Гарашанина, вопреки первоначальной просьбе греческого правительства отложить его поездку хотя бы до осени, когда в Палате решится вопрос о вооружениях Греции³². Миссия Гарашанина имела весьма неплохой для Белграда результат, хотя Кумундурос, согласившийся на встречу с ним, так и не дал положительного ответа Сербии, опасаясь противодействия со стороны короля Георга I. Но неудача на официальном уровне не помешала сербскому посланнику установить неофициальный контакт с представителями военных кругов и национальных обществ Греции, которые дали обещание Гарашанину поддержать повстанческие движения в Эпире и Фессалии в случае, если Сербия объявит войну Турции и при условии финансовой помощи со стороны сербского правительства³³.

С начала 1876 г. греческая общественность, которая еще накануне, казалось, гораздо больше интересовалась покупкой Великобританией акций Суэцкого канала, чем событиями на Балканах, начинает изменять свою позицию. Постепенно в Афинах начинает складываться мнение, что официально проводимая правительством политика нейтралитета может привести к неудовлетворению греческих претензий по окончании кризиса. В связи с этим по всей стране начинают формироваться революционные националистические общества, пользовавшиеся тайной поддержкой правительства Кумундуроса. Наиболее влиятельными из них

были две организации («этерии») — «Ethniki amyna» («Национальная оборона») и «Adelphotis» («Братство»), костяк которых составляли эмигранты с Крита, Эпира, Фессалии и Македонии, проживавшие в Греции, студенты, часть офицерского корпуса и либеральной интеллигенции. Конечной целью, провозглашенной руководством этерий, было освобождение «порабощенного эллинизма» Македонии, Эпира, Фессалии и Крита от турецкого ига путем «революционной вооруженной борьбы» объединенных сил этих провинций⁵⁴. Этерия «Adelphotis» была создана в начале 1876 г. Ее деятельность охватывала все крупные центры королевства и множество населенных пунктов в Эпире, Македонии и Фессалии. Председателем этерии был И. Мессинезис, профессиональный политик; в состав ее руководства входили профессора Афинского университета Н. Дамаскинос и Н. Костис, адвокаты г. Антониадис и Л. Пасхалис, журналист Г. Филаретос, офицер греческой армии капитан К. Исхомахос. Помимо легальной организации, этерия имела и законспирированное отделение «Центр братского единства», в задачу которого, помимо подготовки восстаний, входила также обработка общественного мнения: проведение митингов, публикация статей в прессе и т.п.⁵⁵.

Этерия «Ethniki amyna» была, пожалуй, более влиятельной, чем «Adelphotis». В сферу ее влияния входил также и Крит. В состав руководства этого общества были избраны такие видные общественные деятели того времени, как известный историк Костас Папарригопулос (бывший его председателем до начала 1877 г.), сменивший его на этом посту профессор права Афинского университета П. Каллигас, управляющий Национальным банком Маркос Рениерис, банкир И. Думас, адвокат С. Драгумис и другие политики и общественные деятели той эпохи⁵⁶. Этерия успешно использовала в своей деятельности обширные связи и личные контакты ее членов в

правительстве Греции и за границей, благодаря которым богатые греки диаспоры предоставляли ей финансовую помощь и поставляли оружие. В результате только эта этерия сумела к весне 1877 г. приобрести 4500 карабинов и 8 млн патронов к ним³⁷. Обе организации установили связи с правительством и лично с Кумундуросом, оказывавшим этериям негласное покровительство. «Ethniki amyna» и «Adelphotis» сыграли значительную, если не первостепенную роль в подготовке и осуществлении восстаний в Эпире, Фессалии и на Крите, вспыхнувших в начале 1878 г.

Следует отметить при этом, что деятельность этерий носила ярко выраженный националистический характер. К одному из своих донесений Сабуров приложил вырезку из газеты «*Messenger d'Athenes*», в которой приводится изложение отклика «*Adelphotis*» на просьбу болгар включить Македонию и Фракию в состав болгарских провинций, содержащуюся в памятной записке, направленной правительствам великих держав. Заявляя, что одной из целей этерии является освобождение «всех угнетенных народов», «*Adelphotis*», тем не менее, объявляет Македонию и Фракию греческими провинциями, не имеющими «ничего общего с Болгарией». Требования болгар называются в этом документе «химерическими притязаниями, нарушающими неотъемлемое право греческого народа», в связи с чем «греки никогда не позволят тем, кто требует их освобождения, присвоить себе их права и достояние»³⁸. Учитывая это и подобные ему заявления, мы, тем не менее, склонны оценивать деятельность этерий как прогрессивную, поскольку она готовила почву для воссоединения исконных, неоспоримых греческих земель Фессалии, Эпира и Крита с независимой Грецией.

Побуждаемое общественным мнением к более четкому определению своей позиции во все более углублявшемся в связи с началом апрельского восстания в болгарских провин-

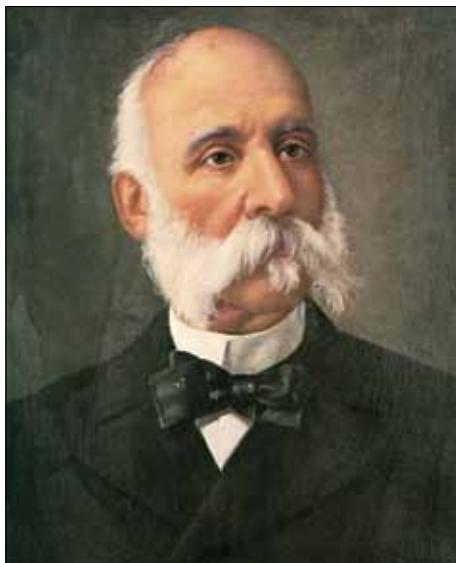
циях кризисе, греческое правительство начинает обращаться к дипломатии западных держав, чтобы выяснить, на что может рассчитывать Греция в случае соблюдения нейтралитета. В мае 1876 г. состоялись переговоры между греческим министром иностранных дел Кондоставлосом и английским посланником Стюартом, во время которых министр выразил свое разочарование тем, что великие державы как будто бы не замечают «миролюбивой политики» Афин. «Я вижу, — говорил он, — что Греция не достигнет абсолютно ничего в политике мира, которую она осуществляет». Однако Лондон не был еще заинтересован, пока события не зашли достаточно далеко, в том, чтобы разыгрывать «греческую карту» и связывать себя обещаниями. Поэтому Стюарт с некоторым оттенком иронии заметил своему собеседнику, что Великобритания тем более не ожидает получить какое-либо вознаграждение, оставаясь нейтральной в течение современного кризиса³⁹. Ответ посланника обескуражил греческое правительство, поскольку оно питало определенные надежды на покровительство Англии проводимой Афинами внешней политике. Не имело результата и обращение Кондоставлоса с аналогичной просьбой к французскому посланнику Габриаку, и посланника Ипсиланти к главе МИД Австро-Венгрии Дьюле Андраши⁴⁰. Положение усугублялось уклончивой позицией России, что также не могло успокоить греческие правящие круги. Что же касается Германии, то она в то время непосредственных интересов в Греции еще не имела, хотя король уже приставил к наследнику престола Константину немца О. Людерса, но влияние последнего сказалось лишь несколько десятилетий спустя. А в рассматриваемую эпоху, оказавшись в своеобразной дипломатической изоляции, греческое правительство с лета 1876 г. попыталось перейти к более активной внешней политике, чему способствовала начавшаяся в конце июня сербо-черногорско-турецкая война.

Капитан греческого торгового судна.
Москва, из собрания В.П. Меншикова

***Андреас Сингрос
(1830–1899)***, банкир,
политик и меценат.
Построил десятки
школ, больниц, музеев,
общественных зданий
по всей стране. Его
имя носит сегодня
центральный проспект
в Афинах и улицы во
многих городах Греции.
*Афины, Национальный
Исторический музей*

***Теодорос Делияннис
(1824–1905)***, политик
и юрист, соратник и
политический наследник
А. Кумундурса.
*Афины, Национальный
Исторический музей*

Харилаос Трикупис
(1832–1896),
либеральный политик
и дипломат.
*Афины, из собрания
Сп. Маркезинниса*

В XIX веке греческие города были прежде всего торговыми,
а не промышленными центрами.
Афины, Национальный Исторический музей

Революция 3 сентября 1843 года. Димитрис Каллергис у стен королевского дворца. Афины, из собрания Ламброса Эфтаксиаса

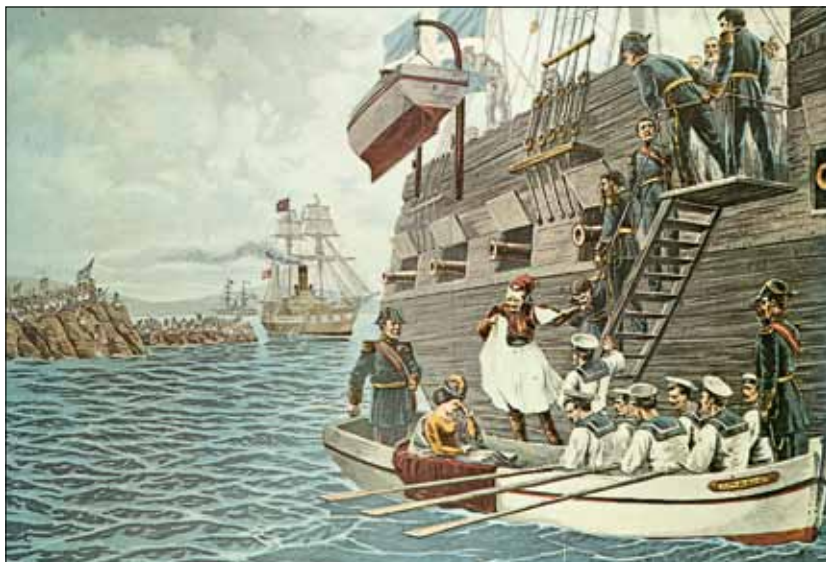
Димитриос Вулгарис (1802–1877).

Многолетний политический оппонент А. Кумундурса. В 50–70-хх гг. XIX в. 8 раз становился премьер-министром Греции (в общей сложности был у власти 6 лет и 1 месяц)(справа).

Афины, Национальный Исторический музей

Экс-король Оттон и его супруга Амалия покинули Грецию 23 октября 1862 г. на британском военном корабле «Сцилла». Перед своей смертью в 1867 г. Оттон завещал похоронить его в греческом национальном костюме, том самом, который и изображен на этой иллюстрации (слева). *Афины, Национальный Исторический музей*

Георг I почти полвека олицетворял собой греческую монархию (1863-1913). Отпраздновать юбилей на троне ему помешал анархист Александрос Схинас, расстрелявший короля в упор на набережной Салоник. Мотивы убийства неизвестны до сих пор: тайну Схинас унес с собой в могилу, выбросившись из окна жандармерии вскоре после задержания. Секретные же протоколы его допроса сгорели во время пожара на корабле, который доставлял их из Салоник в Пирей (слева). *Афины, Национальный Исторический музей*

Иоаннис Колеттис
(1773 или 1774–1847),
первый конституционный
премьер-министр
Греции (1844) и «Отец
Великой идеи».
*Афины, Национальный
Исторический музей*

Александрос
Кумундурос
(1815–1883), один
из самых выдающихся
политиков Греции в XIX в.
Становился премьер-
министром 10 раз,
находился у власти в
совокупности 7,5 лет.
*Афины, Национальный
Исторический музей*

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ТОРГ ВОКРУГ ГРЕЧЕСКОГО НЕЙТРАЛИТЕТА

В конце апреля 1876 г. король Георг в сопровождении супруги Ольги отправился в длительное турне по Европе. Перед отъездом он заявил Трикупису: «Я реально отвечаю перед страной за политику мира, которая проводилась в последние годы. Если дело эллинизма будет скомпрометировано по моей вине, я буду очень огорчен. Вы можете быть уверены, что я приложу во время этой поездки все силы, чтобы убедить великие державы в необходимости предоставить для пограничных греческих провинций те же уступки, которые могли бы быть сделаны провинциям славянским»⁴¹. Цель поездки была ясна: попытаться извлечь определенный политический капитал из той политики нейтралитета, которой придерживалась Греция. Но, как уже отмечалось выше, миролюбие греков державы оценивать не спешили. А греческого монарха ожидал в Европе весьма сдержанный прием: нигде, кроме, пожалуй, Вены, ничего определенного ему не обещали. И хотя в начале июня Кумундурос продолжал заверять иностранных дипломатов, что единственным желанием правящих кругов страны по-прежнему остается достижение для греков, проживающих на территории Османской империи, тех же преимуществ, какие будут предоставлены славянам⁴², все более становилось очевидным, что для достижения этой цели Афинам как минимум требуется изменить свои подходы к балканским событиям.

Первым признаком такого изменения стала реакция греческой прессы на начало неудачной для славян сербо-черногорско-турецкой войны (лето 1876 г.). Все афинские газеты,

независимо от политических симпатий и антипатий, публиковали материалы в поддержку дела сербов, правда, не забывая добавлять при этом, что в настоящий момент Греция ничем не может активно им содействовать⁴⁵. Углубление кризиса активизировало попытки российской дипломатии склонить греков на свою сторону. Граф Н.П. Игнатьев вновь обращается к посланнику П.А. Сабурову с просьбой убедить греческое правительство выступить в поддержку Сербии, спровоцировав антитурецкие беспорядки в Эпире и Фессалии⁴⁴. Но хорошо знавший внутреннюю обстановку в Греции Сабуров не спешил форсировать события. В своем ответе графу он подчеркивал, что прежде, чем обращаться с такой просьбой, следует предоставить грекам гарантии эффективной помощи на случай их поражения. Ведь положительный ответ Афин на подобный демарш Петербурга может поставить Грецию на грань войны, а это, помимо прочего, повлечет за собой расширение круга российских обязательств перед ней и, в частности, сделает необходимой защиту ее морских рубежей. А этого силами одной лишь российской средиземноморской эскадры достичь вряд ли удастся⁴⁵. Позиция Сабурова получила высочайшее одобрение в российской столице⁴⁶, но последовавшие вскоре поражения сербской армии изменили как его точку зрения, так и мнение политического руководства страны. Становилось все более очевидным, что России непосредственного участия в конфликте не избежать. В связи с чем Петербург постепенно начал вырабатывать конкретную программу по греческому вопросу. Тем более что сами греки с ответом не торопились, надеясь, что, балансируя между Россией и Западом, им удастся получить гораздо больше политических дивидендов. Так, Кумундурос еще в мае 1876 г. заявил представителям Крита, Эпира и Фессалии, прибывшим в Афины за финансовой помощью, что казна пуста. Мало того — малейшие подозрения на этот счет турецкого посланника в Афинах Фотиадес-бея греки

**Граф Николай Павлович
Игнатьев (1832–1908).**

Российский государственный
деятель, дипломат, генерал.
Возглавлял посольство в
Константинополе в 1864–1876
гг. *Афины, Библиотека Геннадийон*

старались рассеивать еще
в зародыше. А накануне
вступления Сербии в войну
греческий премьер передал
через своих дипломатиче-
ских представителей князю

Милану, что нейтралитет Афин не должен подлежать сомнению. И напрасно глава сербского кабинета Йован Ристич зывал в июле к Кумундурсу, чтобы возобновить действие сербо-греческого союза 1867 г. Ответ было легко угадать: «сей акт потерял силу» (хотя российскому дипломатическому представителю в то же самое время Кумундурос говорил несколько иное, о чем пойдет речь ниже)⁴⁷.

Первым признаком того, что Россия гораздо внимательнее, чем раньше, готова относиться к греческому вопросу, стали итоги Рейхштадского свидания российского и австрийского императоров, состоявшегося 8 июля 1876 г. Согласно записям результатов встречи, в них был включен пункт, удовлетворяющий требования греков в случае поражения Османской империи: «Если бы, наконец, последствием успеха явилось полное крушение Оттоманской империи в Европе... Эпир и Фессалия (согласно австрийскому варианту записи — еще и Крит. — *С.Ц.*) могли бы присоединиться к Греции»⁴⁸. Согласно Рейхштадскому соглашению исключалось создание крупного государственного образования на Балканском полуострове — причем это положение было направлено в первую очередь против образо-

вания обширного по территории болгарского государства. Но здесь следует учитывать еще одно обстоятельство. Безусловно, Россия могла опасаться создания обширной Греческой империи, преобладающее влияние в которой получила бы Англия. Поэтому наиболее приемлемым для себя вариантом она считала в то время создание на Балканах «мелких независимых государств, в территориальных пределах, отведенных каждому из них историей и объединенных на федеративных началах»⁴⁹. Но несмотря на конкретизацию своей позиции, Россия, судя по всему, пока еще не хотела брать на себя формальных обязательств по отношению к Греции. В связи с этим Сабуров практически не получал инструкций и зачастую должен был самостоятельно определять решения, необходимые в различных ситуациях, опасаясь высказывать более-менее конкретные предложения в беседах с политическими лидерами страны⁵⁰.

Тем временем греческие правящие круги начали делать робкие (и, разумеется, неофициальные) попытки отойти (хотя бы на словах) от политики нейтралитета и посмотреть, какой же будет реакция держав. Так, например, Трикупис в интервью газете «Ора» («Время») 2 июля заявил, что греки и славяне имеют общие интересы, поэтому они должны быть союзниками, а не врагами. «Славяне, — подчеркивал он, — имеют свою национальную идею, подобную греческой «Великой идее», и эта идея точно так же еще не претворена в жизнь. Греко-славянский антагонизм по вопросу о границах национальных государств легко устраним»⁵¹. Последнее замечание Трикуписа (как, впрочем, и большинство других) несет на себе налет демагогии — видный греческий политик прекрасно отдавал себе отчет в том, что этот вопрос являлся краеугольным камнем греко-славянских отношений и решить его будет не так-то просто. В беседе с Сабуровым, состоявшейся месяц спустя, Трикупис дал достаточно проницательный анализ дальнейшего хода событий на Балканах. Говоря о перспективах национально-освободитель-

ного движения балканских народов, он скептически расценил даже гипотетическую возможность общего движения славян и греков в обозримом будущем, если этому не будет предшествовать формальный договор о территориальных разделах. Если же эти вопросы не будут решены заранее, то, прогнозировал Трикупис, — греки и славяне вступят в войну с Турцией, питая недоверие друг к другу. Последствия этого не замедлят сказаться: свергнув османское иго, они начнут войну между собой⁵². Первая Балканская война, которая произошла спустя три десятилетия после этого прогноза, полностью его подтвердила. Но следует при этом обратить внимание на весьма примечательный факт: летом 1876 г. греческие политические деятели возможности заключить союз со славянами и даже вступить в войну на их стороне полностью не исключали. Особенно отчетливо эта позиция проявилась во время переговоров Сабурова с Кумундуром, состоявшихся в августе того же года.

Обе стороны подошли к переговорам с близкими намерениями: Россия хотела выяснить, чего можно «в случае необходимости» ожидать от греков; Греция же в свою очередь намеревалась дать понять великому северному соседу, на что он может рассчитывать, если обстоятельства приведут к обострению ситуации на Балканах. В самом начале беседы Кумундур, отвечая на вопрос Сабурова, найдут ли сербы себе союзника, если продержатся до весны 1877 г., туманно заверил посланника, что, пока он остается на посту премьер-министра, Россия может рассчитывать на его содействие в этом деле. Развевая опасения Сабурова относительно возможного противодействия общественного мнения Греции подобным планам, греческий премьер обосновал необходимость вовлечения его страны в конфликт следующим образом: «Если мы хотим быть свободными, у нас не остается другого выхода. Никто никогда не видел, чтобы государство умирало естественной смертью или от финансового краха. Нужно помочь Турции умереть»⁵³.

Касаясь военного аспекта проблемы, Кумундурос заявил, что в случае войны Греция сможет выставить 8–9 тыс. чел. регулярной армии, 15 тыс. резервистов и, возможно, еще 5 тыс. чел. жандармерии. По его мнению, этого количества вполне достаточно, чтобы поднять восстание в Эпире и Фессалии, оказав тем самым серьезную поддержку сербам. «Ради общего дела» Греция была даже готова, по словам премьера, пожертвовать несколькими портами, которые, вероятно, будут сожжены турецким флотом⁵⁴. Со своей стороны Сабуров дал понять собеседнику, что Россия пока не заинтересована в объявлении войны Турции и в случае опасности неминуемого поражения сербов найдет способ помочь им, не прибегая к оружию⁵⁵. Российский посланник позднее вспоминал, что главным итогом встречи было осознание греческим политическим руководством необратимости процессов на Балканах и неизбежности вовлечения в них греков⁵⁶. С другой стороны, стоит отметить, что Кумундурос не рассчитывал в это время на активное участие Греции в кризисе ранее весны 1877 г., что не могло, конечно, не повлиять на выработку Петербургом стратегии в отношении Афин.

Практически одновременно с этими переговорами Сабуров предпринял ряд усилий по сглаживанию греко-славянских противоречий в греческом общественном сознании. Он считал, что для этого наступил благоприятный момент, поскольку поражение Апрельского восстания сделало болгар менее «несговорчивыми», чем прежде, а греки (по крайней мере, в этот период) не могли в полной мере рассчитывать на поддержку Великобритании, поэтому «и те, и другие чувствуют сегодня, как никогда раньше, необходимость прекратить этот спор, который турки используют для своего господства»⁵⁷. В сентябре 1876 г. российский посланник неоднократно встречался с рядом известных политических и общественных деятелей — Трикуписом, Рениерисом, Папаригопулосом.

Во время встреч он убеждал своих *vis-a-vis* в опасности охлаждения России к Греции. «Прекратите как можно быстрее спор, который ставит вас на Востоке в ложное положение — говорил посланник в ходе одной из встреч. — Вы не можете больше нас подозревать во враждебности к эллинизму и желании ограничить его место под солнцем. Кто более нас заинтересован увидеть согласие, которое установится между христианами?» Греческие политики благодарили Сабурова за предупреждение и заверяли его, что окажут соответствующее влияние на влиятельные круги константинопольских греков⁵⁸. Однако разногласия между славянами и греками, как показали дальнейшие события, оказались непреодолимыми. Созданный в Афинах клуб сторонников союза греков и славян привлекал на свои заседания немногих любопытствующих, а число греческих добровольцев в сербской армии можно было пересчитать по пальцам⁵⁹.

Тем не менее летом — осенью 1876 г. греческое общественное мнение все активней высказывалось в пользу войны с Турцией. В этом отношении показательна заграничная поездка Николаоса Маврокордатоса, занимавшего в 70-х годах XIX в. пост председателя «Греческого литературного общества». Оценивая результаты своего турне, он сообщил Сабурову, что нашел все греческие колонии в Смирне, Константинополе, Бухаресте, Вене и Триесте «взбудораженными антитурецкими настроениями и недовольными воздействием Греции»⁶⁰. Аналогичными были и настроения граждан самого королевства. Это повлияло на официальную позицию правительства и ведущих политиков (особенно в рядах оппозиции). Так, например, Делигиоргис ехидно вопрошал членов кабинета, почему Греция «потеряла право думать и действовать», а Трикупис призывал к «систематической подготовке к войне и вооружениям». «События нас захватывают, — говорил он французскому посланнику Габриаку. —

Османская империя поражена в самое сердце. Вся Европа выступает против нее. Англия и Франция желают ее поражения. Если мы не подготовимся, славяне получают все преимущества, а на нашу долю останутся лишь обещания держав»⁶¹. Отсутствие же в британской ноте от 21 сентября 1876 г. по поводу созыва международной конференции в Константинополе упоминания о греческих провинциях Османской империи вызвало бурю возмущения в Афинах. И если еще накануне (16 сентября) министр иностранных дел Кондотавлос рекомендовал греческим консулам в Турции политику умиротворения местного населения, то теперь, в представлении, сделанном 30 сентября 1876 г. правительствам великих держав, афинский кабинет предупреждал, что игнорирование греческих требований может заставить «порабощенный эллинизм» прибегнуть к оружию, и «греческое правительство будет больше не в состоянии удержать его»⁶². 1 октября 1876 г. в окрестностях Афин у холма Пникс состоялся митинг, участники которого приняли резолюцию, содержащую протест против «непризнания» Европой «законных прав» греческого населения Эпира, Фессалии, Македонии, Крита и островов Эгейского моря. Собравшиеся потребовали от правительства принять все меры для организации сухопутных и военно-морских сил⁶³. Копия резолюции была отправлена У. Гладстону, находившемуся в оппозиции кабинету Б. Дизраэли и осуждавшему внешнюю политику британского премьера. Делегация участников митинга была принята Кумундуром, который заявил, что правительство не может оставаться равнодушным к положению в соседних провинциях, поскольку от него во многом зависят внутренняя безопасность, порядок и финансовое состояние самой Греции. Повсюду начали формироваться отряды добровольцев, отправляющихся в Сербию для оказания вооруженной поддержки сербской армии⁶⁴. Возвратившегося 29 октября 1876 г.

из многомесячной поездки по европейским столицам греческого монарха встречала народная манифестация под лозунгом «Да здравствует война!». Не сумев извлечь политический капитал из нейтралитета Греции, Георг I, тем не менее, продолжал отстаивать свою позицию. Собравшимся 7 ноября у ворот дворца манифестантам король заявил, что он «надеется на удовлетворение желаний своего народа, но считает, что лучшим средством достижения этой цели является соблюдение порядка и спокойствия»⁶⁵.

В условиях подъема общественного движения Кумундурос решил взять инициативу в свои руки. Прежде всего он дал положительный ответ на секретное предложение румынского правительства о совместных действиях Сербии, Румынии и Греции, поставив условием присоединение Эпира и Фессалии⁶⁶. Контакты по линии Афины — Бухарест начались еще летом 1876 г., параллельно с сербо-румынскими переговорами. Румынское правительство предложило создать своеобразную триединую греко-сербо-румынскую федерацию, объединившись в борьбе против Османской империи. Во главе такой федерации должен был стоять совет из трех правителей, который решал бы общие для входивших в нее государств вопросы. Однако в дальнейшем Афины, несмотря на благожелательное отношение Кумундуроса, до лета 1877 г. уклонялись от конкретной проработки этого плана и продолжения контактов с румынской стороной⁶⁷.

Примерно в то же самое время возобновились переговоры греческого премьер-министра с Сабуровым. По-прежнему не получая инструкций из Петербурга, российский посланник был вынужден на свой страх и риск принимать важные политические решения. В письме к генералу графу Игнатьеву Сабуров отмечал, что в сложившейся ситуации он начал давать положительные обещания грекам, чтобы побудить их к действию, исчерпав все возможные формы косвенного поощ-

Остров Лесбос, вид на Митилини. Москва, из собрания В.П. Меншикова

рения⁶⁸. Со своей стороны Кумундурос заверял российского дипломата, что пока он находится у власти, не может идти речь о союзе Греции с Англией, добивавшейся сохранения статус-кво в регионе и отстаивающей территориальную целостность Османской империи⁶⁹. В ходе переговоров Сабуров убедился, что до тех пор, пока греки не получают конкретных обещаний относительно присоединения Фессалии и Эпира, они будут склоняться к бездействию и не рискнут пойти на разрыв с Турцией ради автономии греческих провинций, «несмотря на воинственные стремления Кумундуроса»⁷⁰. Впрочем, и сам премьер к началу работы Константинопольской конференции также потерял доверие у посланника. «Точно такие же разговоры, — сообщал он канцлеру Горчакову, — я слышал перед началом войны с Сербией. Эта война должна была служить сигналом к всеобщему взрыву на Балканском полуострове, и, тем не менее, ни греки, ни греческие провинции не шелохнулись»⁷¹.

Между тем 23 декабря 1876 г. в Константинополе начались заседания конференции послов великих держав — последняя попытка урегулирования кризиса мирным путем. Греция, как и другие малые страны, не была допущена к столу переговоров. Греческий вопрос не стоял на повестке дня конференции, несмотря на все старания посланника Греции в Турции Кундуриотиса, пытавшегося договориться в кулуарах о включении греческих областей в сферу действия реформ, намечавшихся в европейских провинциях Османской империи⁷². В свою очередь Порты пыталась доказать делегатам, что в греческих провинциях дела обстоят не так уж плохо. С этой целью в Фессалии и Эпире был организован сбор подписей под сфабрикованными турецкими властями «прошениями христиан», в которых говорилось, что они во всех отношениях довольны «кротким и отеческим правлением султана», а потому решительно отвергают всякую мысль о возможном присоединении этих областей к свободной Греции⁷³. Местное население подписывало «прошения», руководствуясь различными побуждениями: кто-то, видимо, опасался репрессий турок, а кто-то — из ненависти к славянам. Российский консул на Корфу М. Якиманский сообщал, например, что жители Эпира подписывали составленное Янинским губернатором прошение по внушению генерального консула Греции Лондоса⁷⁴. Кроме того, о своих верноподданнических чувствах заявили накануне конференции представители греческой верхушки Константинополя и Вселенский патриарх, считавшие, что только потомки византийцев, а не «какие-нибудь славяне» имеют право на исключительное положение в империи⁷⁵. По совету Игнатьева Сабуров рекомендовал Кумундурсу и Рениерису организовать «контрпрошения», в которых были бы изложены жалобы жителей Крита, Эпира и Фессалии на злоупотребления турецкой администрации в этих провинциях. Судя

по всему, совет был принят — российская периодическая печать той эпохи свидетельствует, что прошения такого рода действительно адресовались делегатам конференции⁷⁶.

Вопрос о греческих провинциях был официально затронут в период работы конференции лишь однажды, на ее последнем пленарном заседании 20 января 1877 г. В своем выступлении английский делегат Р. Солсбери заявил, что Великобритания «с живейшим сочувствием» будет наблюдать за исполнением реформ, обещанных «конституцией» Абдул-Хамида II, не только в Боснии и Герцеговине, но также в Эпире, Фессалии и прочих частях империи. Представлявший Россию граф Игнатьев в свою очередь заявил о бедственном положении жителей Эпира, Фессалии и Крита⁷⁷. Впоследствии он отмечал в своих мемуарах, что это заявление было сделано с целью доказать грекам, что «Россия их не забыла, а вынуждена была лишь придерживаться английских оснований. Таким образом, парализовывалась тактика Солсбери в отношении к грекам. Все остальные заявления мои имели целью доказать беспристрастие России и приобрести союзников, свидетельствуя, что не одни славяне находят в нас своих ходатаев и защитников»⁷⁸. Телеграфируя Сабурову о результатах конференции, Игнатьев выразил надежду, что «греки оценят нашу позицию, которая, к счастью, совпадает с их позицией по этому вопросу»⁷⁹.

Генерал Игнатьев еще не знал, что за последние дни российская позиция по греческому вопросу продвинулась на несколько шагов вперед по сравнению с той, которую он отстаивал в Константинополе. Убедившись, что конференция не приведет к положительным результатам, Россия начинает активно готовиться к войне. 14 января 1877 г. канцлер Горчаков направил Сабурову конфиденциальное послание, в котором объявил, что Петербург не будет препятствовать осуществлению желания греческого населения о присоединении Эпира и Фессалии к Греции, если обстоятельства приведут к углубле-

нию кризиса⁸⁰, то есть к русско-турецкой войне. На следующий день, 15 января, была подписана Будапештская конвенция, обеспечивавшая нейтралитет Австро-Венгрии. В статье III конвенции подчеркивалось, что «Фессалия, часть Эпира и остров Крит могли бы быть аннексированы Грецией»⁸¹. Сопоставление приведенных документов с текстом Рейхштадского соглашения показывает, что Россия вынуждена была согласиться с австрийским вариантом записи в Рейхштадте, который и лег в основу конвенции. Что же касается вопроса о Крите, то, по-видимому, до заключения Будапештской конвенции российское дипломатическое руководство считало несвоевременной передачу острова Греции, опасаясь, что решение столь важной проблемы может вызвать противодействие со стороны западных держав, и в первую очередь — Великобритании, нарушит равновесие сил в Средиземноморье. И отнюдь не случайно Сабуров, докладывая Кумундурсу содержание депеши от 14 января (текст секретной конвенции от 15 января еще не был, конечно, доведен до сведения посланника в Афинах) и сознавая при этом важность критской проблемы для греческого руководства, посчитал необходимым не конкретизировать, какие именно провинции могут отойти к греческому королевству в случае раздела османских владений в Европе⁸². С позиции сегодняшнего дня поступок российского дипломата представляется тем более оправданным, что, как показали новейшие исследования, содержание секретных русско-австрийских соглашений было для греческого правительства секретом полишинеля благодаря своевременной и регулярной информации, поступавшей от посланника в Вене Ипсиланти, который в свою очередь получал ее в русском посольстве⁸³. Вероятно, греческий посланник имел хорошие отношения лично с Е.П. Новиковым, который, как уже отмечалось, в 1860-х годах возглавлял российскую дипломатическую миссию в Афинах.

Сразу же по окончании работы Константинопольской конференции Афины посетил член английского правительства Р. Солсбери. Необходимо отметить, что на рубеже 1876–1877 гг. произошло некоторое изменение английской позиции по греческому вопросу в сторону поворота Лондона лицом к Греции. Это объясняется тем, что британское правительство было не на шутку встревожено переговорами Сабурова с Кумундуром в октябре 1876 г., а также планами греческого премьер-министра касательно реорганизации армии⁸⁴. И хотя король Георг заверил английского посланника Стюарта, что планы усиления вооруженных сил Греции имеют долгосрочный характер, а переговоры Кумундурова с российским посланником были проведены с целью «возбуждения интереса западных держав к греческому вопросу», это не успокоило Foreign office и отразилось на позиции, отстаиваемой Солсбери в Афинах в конце января 1877 г. Во время встреч с монархом и премьером представитель английского правительства рекомендовал им «вести разумную политику» и воздерживаться от любых действий, которые могут осложнить обстановку. Подобные же рекомендации Солсбери накануне своего отъезда из турецкой столицы дал и Кундуриотису, угрожая при этом, что державы примут меры против Греции, если она не воздержится от активных внешнеполитических акций и вступления в войну на стороне России⁸⁵.

Вслед за Солсбери нанес визит в Афины и Игнатьев «с целью узнать действительное расположение греков в случае войны и доказать им, что, защищая болгар, мы вовсе не располагали жертвовать действительными интересами первых, а желаем лишь справедливого удовлетворения обеих национальностей, нам единовременных»⁸⁶. Накануне визита к российскому послу в Константинополе обратился уже упоминавшийся в этом очерке известный греческий революционер Леонидас Вулгарис, познакомившийся с Игнатьевым в период критского восста-

ния 1866–1869 гг., в котором принимал самое активное участие. Вулгарис передал Игнатьеву просьбу о встрече от П. Перидиса, бывшего президента критской Генеральной ассамблеи времен восстания, одного из критских вождей А. Скалидиса, а также некоего Христидиса, посланного в Афины фессалийскими патриотами⁸⁷. Известно, что эта встреча имела место: во время переговоров вожди сообщили послу о своей готовности начать восстание в Фессалии, Эпире и на Крите при «первом русском выступлении на Дунае». Патриоты заверили Игнатьева, что они намерены действовать даже «помимо греческого правительства, на которое они не могут вполне рассчитывать». Со своей стороны генерал обещал оказать повстанцам военную помощь путем поставки им 10 тыс. винтовок и патронов к ним⁸⁸. Свое обещание Игнатьев выполнил через несколько месяцев, о чем будет идти речь в соответствующей части третьей главы данной работы.

Находясь в Афинах, Игнатьев встречался не только с потенциальными возмутителями спокойствия на Балканах, но и с официальными лицами — Кумундуром, Трикуписом, Делигиоргисом и Заимисом. Во время беседы с этими деятелями посол советовал им не противопоставлять себя славянам, проводить более независимую от западных держав политику; убеждал собеседников быть в готовности к захвату островов и ближайших областей, как только русские войска перейдут Балканы и «турки потеряют голову». Игнатьев повторил свое обещание, данное им накануне константинопольским грекам, что все территории, которые успеет захватить Греция до прекращения военных действий, будут присоединены к ней, «потому что Россия на требование Порты возвратить ей занятые русскими и их союзниками пункты может ответить, что ей нельзя выгнать единоверцев из освобожденных от мусульманского ига пунктов»⁸⁹. Однако греческие политики с настойчивостью отнеслись к обещаниям Игнатьева, поскольку

находились под впечатлением от его недавних заявлений на конференции, когда российский посол отстаивал необходимость присоединения ряда, по их мнению, спорных македонских областей к будущему болгарскому государству⁹⁰. Кроме того, позиция Игнатьева на переговорах в Афинах не была согласована с руководством МИД России, и греки, конечно, это понимали. По-видимому, посол предполагал, что обещания, сделанные им, ускорят вступление Греции в войну. Главное — связаться, а там время покажет...

И все же события января 1877 г., казалось бы, однозначно свидетельствовали в пользу того, что вопрос об участии Греции в войне на стороне России может быть положительно решен в недалеком будущем. Однако изменение внутривнутриполитической обстановки в стране серьезно нарушило планы российской дипломатии. В феврале в Афинах разразился очередной правительственный кризис. Кумундурос, пытавшийся провести законопроект о дополнительном (сверх 10-миллионного) займе, не получил нужного количества голосов в палате и 23 февраля вышел в отставку⁹¹. Премьер-министром стал Делигиоргис. Программа нового правительства предусматривала проведение Грецией политики нейтралитета: новый премьер считал, что поскольку интересы Греции тесно связаны с политикой западных держав, необходимо дожидаться благоприятного момента, и в конечном счете державы выставят Грецию в качестве наследницы османов⁹². Позиция нового кабинета практически свела на нет все достижения российской дипломатии в предшествующий период. Тем не менее Сабуров не без оснований надеялся на то, что начало русско-турецкой войны неизбежно приведет к радикализации общественного мнения и падению кабинета Делигиоргиса⁹³. Руководствуясь этим, он старался помешать вхождению потенциальных противников России в будущее правительство. По настоянию российского посланника Кумундурос решил больше не привлекать Кон-

доставлоса, «в последнее время сильно настроенного против славян», к участию в правительстве в качестве министра иностранных дел⁹⁴.

За неделю до начала военных действий Россия произвела последний предвоенный демарш в Афинах. Горчаков передал Сабурову телеграмму, в которой указывал, что взятие с Греции определенных обязательств было бы преждевременным, поскольку она сама должна выбрать роль, которую хотела бы играть во время «нашего очень близкого разрыва с Портой». Канцлер сообщал, что «Россия не будет противиться аннексиям», не оговаривая конкретно, какие земли могли быть присоединены к Греции⁹⁵. Возможно, Горчаков надеялся, что расплывчатость формулировок заставит греческое правительство скорее определить свою позицию и подтолкнет его к активным действиям. По крайней мере, именно такой смысл вкладывал в обращение канцлера Сабуров, который в день получения инструкций передал их содержание премьер-министру Делигиоргису. Но ответа на демарш России не последовало. Российский посланник констатировал в этой связи, что «в настоящий момент общественное мнение Греции никоим образом не в пользу совместных действий с нами... (Х. Трикупис)⁹⁶ прилежно старается удержать своих соотечественников в русле политики воздержания, он не хочет приготавливаться наспех, он думает о серьезной подготовке, о дальнем прицеле с тем, чтобы через несколько лет Греция могла бы свободно выбирать своих союзников и особенно заставить Англию считаться с ней». С другой стороны, отмечал далее Сабуров, в настоящий момент трудно привлечь симпатии греческих политиков обещаниями передачи Греции Эпира и Фессалии — «Они упрямо отвечают, что Фессалия и Эпир не уйдут от них» и требуют присоединения Фракии и Македонии⁹⁷. Учитывая эти обстоятельства, Сабуров изменил тактику переговоров с греческими политиками: он перестал «проповедовать им в настоящее время политику дей-

ствия», предупреждая, что «по окончании предстоящей войны они, конечно, не должны рассчитывать на нас, хотя бы и в том отношении, что в переговоры о мире будут внесены какие-либо статьи в их пользу»⁹⁸.

Не менее вероятным представляется и иное объяснение позиции главы российского МИД, нашедшей свое отражение в его последней предвоенной телеграмме в Афины. Опасаясь нарушить баланс сил в регионе, нейтралитет западных держав, известный своей осторожностью Горчаков в этот момент не был заинтересован в непосредственном участии Греции в военных действиях, хотя и не заявлял об этом официально и не пытался противодействовать инициативам Игнатьева и Сабурова, имевшим другое мнение по этому вопросу. События 1877 г., о которых пойдет речь в следующей главе, во многом подтверждают такую точку зрения.

Итак, накануне русско-турецкой войны официальная Россия не ставила перед собой задачи заключить формальный союз с Грецией, поскольку это могло поставить под вопрос нейтралитет Австро-Венгрии и особенно Великобритании. В то же время российская дипломатия пыталась склонить Афины к участию в войне без формальных обязательств, обещая добиться удовлетворения греческих требований по ее окончании. Со своей стороны афинский кабинет придерживался политики нейтралитета, хотя правящие круги страны не могли не осознавать, что наступает благоприятный момент для воссоединения греческих провинций Османской империи с независимым королевством. Греция стояла перед выбором, от которого во многом зависело будущее страны.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ II

- ¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1875. Д. 8. Л. 329. Донесение П.А. Сабурова А.М. Горчакову, 9. V. 1875.
- ² Там же. Л. 329–330.
- ³ *Kofos E.* О ellinismos... S. 58.
- ⁴ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1875. Д. 8. Л. 459. Донесение П.А. Сабурова А.Г. Жомини, 14. IX. 1875.
- ⁵ *Kofos E.* Greece and the Eastern Crisis 1875–1878. Thessaloniki, 1975. P. 43–44; IEE. T. II'. S. 318.
- ⁶ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1875. Д. 8. Л. 473–475. Донесение П.А. Сабурова А.Г. Жомини, 5. X. 1875.
- ⁷ *Driault E., Lheritier M.* Op. cit. P. 382–383.
- ⁸ Данные о количественном составе и партийной принадлежности депутатов Палаты см. в донесении временного поверенного в делах России в Греции А.И. Персиани: АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1875. Д. 8. Л. 430–431. А.И. Персиани — А.Г. Жомини, 7. VIII. 1875.
- ⁹ *Kordatos G.* Oi epemvaseis ton agglon stin Ellada. Athinai, 1977. S. 60.
- ¹⁰ *Татищев С.С.* Внешняя политика императора Николая I. СПб., 1887. С. 303, 305.
- ¹¹ *Driault E., Lheritier M.* Op. cit. P. 323; о взаимоотношениях Георга с Новиковым см. также: *Sabouroff P.A.* Ma mission... Л. 174.
- ¹² Автобиографию Сабурова см.: ГА РФ. Ф. 1074. Оп. 1. Д. 304. Л. 1.
- ¹³ ЦГИА СПб. Ф. 1044. Оп. 1. Д. 172. Л. 1–2. Инструктивное письмо князя А.М. Горчакова П.А. Сабурову в связи с назначением его чрезвычайным посланником и полномочным министром в Грецию, 30. VI. 1870.
- ¹⁴ Там же. Л. 2–4.
- ¹⁵ Там же. Л. 4.

- ¹⁶ *Sabouroff P.A.* Ma mission... Л. 174–175.
- ¹⁷ ЦГИА СПб. Ф. 1044. Оп. 1. Д. 172. Л. 8.
- ¹⁸ *Sabouroff P.A.* Ma mission... Л. 175.
- ¹⁹ *Driault E., Lheritier M.* Op. cit. P. 347–348.
- ²⁰ *Sabouroff P.A.* Ma mission... Л. 196.
- ²¹ Там же. Л. 214.
- ²² АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1875. Д. 8. Л. 638–640. Донесение П.А. Сабурова А.Г. Жомини, 14. XII. 1875.
- ²³ См., например, письма Н.П. Игнатьева П.А. Сабурову за 1875 год в ЦГИА СПб. Ф. 1044. Оп. 1. Д. 267.
- ²⁴ *Sabouroff P.A.* Ma mission... Л. 215–217.
- ²⁵ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876. Д. 8. Л. 736–739. Донесение П.А. Сабурова А.М. Горчакову, 7. III. 1876.
- ²⁶ Консул в Сире Г.К. Дубницкий сообщал в этой связи Сабурову, что, по словам местного депутата Палаты Дамиаса, в Афинах начались серьезные разногласия между кумундуристами и займистами. Кумундурос пытался даже отправить Кондоставлоса посланником в Лондон, а Делиянниса в Париж, но из этой затеи ничего не вышло // АВПРИ. Ф. Миссия в Афинах. 1876. Д. 1002. Л. 31. Донесение Г.К. Дубницкого П.А. Сабурову, 19. II. 1876.
- ²⁷ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876. Д. 8. Л. 101. Донесение П.А. Сабурова А.М. Горчакову, 15. IV. 1876.
- ²⁸ *Driault E., Lheritier M.* Op. cit. P. 381.
- ²⁹ *Арш Г.Л.* Греция и Восточный кризис... С. 172–173.
- ³⁰ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876. Д. 8. Л. 662. Секретная телеграмма Е.П. Новикова А.М. Горчакову, 22. II. 1876.
- ³¹ *Driault E., Lheritier M.* Op. cit. P. 386.
- ³² АВПРИ. Ф. Миссия в Афинах. 1876. Д. 991. Л. 2. Донесение Е.П. Новикова П.А. Сабурову, 15. III. 1876.
- ³³ *IEE. T. II'. S. 320; Dakin D.* I enopoiisi tis Elladas 1770–1923. Athina, 1982. S. 196–197.
- ³⁴ *Kordatos G.* Istoria... T. 12. S. 342–343.
- ³⁵ *Kofos E.* O ellinismos... S. 76.

- ³⁶ Sto idio. S. 76–77.
- ³⁷ *Тодоров Н.* Априлското въстание и гръцката общественост // Априлското въстание, 1876–1966. София, 1966. С. 154.
- ³⁸ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876. Д. 8. Л. 373. Донесение П.А. Сабурова А.М. Горчакову, 18. X. 1876.
- ³⁹ Там же. Л. 151, 152. Донесение П.А. Сабурова Александру II, 28. V. 1876.
- ⁴⁰ *Driault E., Lheritier M.* Op. cit. P. 387–388.
- ⁴¹ Ibid. P. 397.
- ⁴² Ibid. P. 396–397.
- ⁴³ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876. Д. 8. Л. 186. Донесение П.А. Сабурова А.М. Горчакову, 8. VII. 1876.
- ⁴⁴ Там же. Л. 796. Письмо П.А. Сабурова А.М. Горчакову, 8. VII. 1876.
- ⁴⁵ Там же. Л. 796–797.
- ⁴⁶ Там же. Л. 934. Телеграмма А.М. Горчакова П.А. Сабурову, 19. VII. 1876.
- ⁴⁷ *Driault E., Lheritier M.* Op. cit. P. 390–392.
- ⁴⁸ Сборник договоров России с другими государствами 1856–1917. М., 1952. С. 146–147.
- ⁴⁹ Русско-германские отношения // Красный архив. Т. 1. М., 1922. С. 43. Памятная записка, представленная к докладу Александру II 28 июня 1876 г. по поводу Рейхштадтского соглашения.
- ⁵⁰ *Sabouroff P.A.* Ma mission... Л. 223–224.
- ⁵¹ *Kordatos G.* Istoria... Т. 12. S. 335–336.
- ⁵² АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876. Д. 8. Л. 248–249. Донесение П.А. Сабурова А.М. Горчакову, 15. VIII. 1876.
- ⁵³ Там же. Л. 816–818. Письмо П.А. Сабурова А.М. Горчакову, 9. VIII. 1876.
- ⁵⁴ Там же. Л. 818–819. По оценке современного исследователя Э. Кофоса, накануне русско-турецкой войны численность регулярной греческой армии не превышала 12 500 человек. См. *Kofos E.* Greek Insurrectionary Preparations, 1876–1878 // *Insurrections, Wars and the Eastern Crisis in the 1870's.* N.Y., 1875. P. 183. В 1877 г. произошло значительное увеличение ее личного состава благодаря призыву резервистов на действительную службу. Подробнее об этом идет речь в третьей главе настоящей работы.

- ⁵⁵ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876. Д. 8. Л. 816. Письмо П.А. Сабурова А.М. Горчакову, 9. VIII. 1876.
- ⁵⁶ *Sabouroff P.A.* Ma mission... Л. 228.
- ⁵⁷ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876. Д. 8. Л. 830–831. Письмо П.А. Сабурова А.М. Горчакову, 26. IX. 1876.
- ⁵⁸ Там же. Л. 831–832.
- ⁵⁹ *Driault E., Lheritier M.* Op. cit. P. 399.
- ⁶⁰ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876. Д. 8. Л. 269. Донесение П.А. Сабурова Александру II, 11. IX. 1876; *Sabouroff P.A.* Ma mission... Л. 231.
- ⁶¹ *Driault E., Lheritier M.* Op. cit. P. 399–400.
- ⁶² *Laskaris S.* La politique exterieure de la Grece avant et apres le Congres de Berlin (1875–1881). Paris, 1924. P. 40–41; Международные отношения на Балканах 1856–1878 гг. М., 1986. С. 324.
- ⁶³ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876. Д. 8. Л. 346–347. Донесение П.А. Сабурова Александру II, 3. X. 1876.
- ⁶⁴ Там же. Л. 350–353, 359. Донесение П.А. Сабурова Александру II, 11. X. 1876.
- ⁶⁵ *Арш Г.Л.* Указ. соч. С. 173; *Kofos E.* Greece and the Eastern crisis 1875–1878. Thessaloniki, 1975. P. 72–75; *Driault E., Lheritier M.* Op. cit. P. 402.
- ⁶⁶ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876. Д. 8. Л. 368. Донесение П.А. Сабурова А.М. Горчакову, 18. X. 1876.
- ⁶⁷ *Kofos E.* O ellinismos... S. 68–69.
- ⁶⁸ ЦГИА СПб. Ф. 1044. Оп. 1. Д. 267. Л. 158–159. Донесение П.А. Сабурова Н.П. Игнатьеву, 1. XI. 1876.
- ⁶⁹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876. Д. 8. Л. 516–517. Донесение П.А. Сабурова А.М. Горчакову, 8. XII. 1876.
- ⁷⁰ Там же. Л. 444. Донесение П.А. Сабурова А.М. Горчакову, 18. XI. 1876.
- ⁷¹ Там же. Л. 571. Донесение П.А. Сабурова А.М. Горчакову, 26. XII. 1876.
- ⁷² *Арш Г.Л.* Указ. соч. С. 175.
- ⁷³ Московские ведомости. 25. XII. 1876.

- ⁷⁴ АВПРИ. Ф. Миссия в Афинах. 1876. Д. 1002. Л 198. Донесение М. Якиманского П.А. Сабурову, 12. XII. 1876. Якиманский приводит эти сведения на основании полученного им от российского консула в Янине А. Троянского письма, оригинал которого автору пока не удалось обнаружить.
- ⁷⁵ Московские ведомости. 2. XII. 1876.
- ⁷⁶ АВПРИ. Ф. Главный архив V-A2. 1876. Д. 85. Л. 311. Секретная телеграмма П.А. Сабурова Н.К. Гирсу, 9. XII. 1876; Московские ведомости. 24. XII. 1876.
- ⁷⁷ Протокол № 9 от 20 января 1877 // Documents Diplomatiques. Affaires d'Orient (далее — DD.). 1875–1876–1877. Paris, 1877. P. 150–151.
- ⁷⁸ *Игнатьев Н.П.* Записки. // Исторический вестник. 1914. № 5. С. 458. Дело в том, что на одном из предварительных заседаний конференции Солсбери пытался обосновать британскую позицию по отношению к Болгарии тем, что Лондон, выступая за ограничение размеров болгарского государства, якобы прежде всего защищает интересы Афин.
- ⁷⁹ АВПРИ. Ф. Миссия в Афинах. 1877. Д. 1016. Л 2. Телеграмма Н.П. Игнатьева П.А. Сабурову, 20. I. 1877.
- ⁸⁰ Там же. Д. 1011. Л. 2. Письмо А.М. Горчакова П.А. Сабурову, 14. I. 1877.
- ⁸¹ Сборник договоров России с другими государствами. С. 155.
- ⁸² АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1877. Д. 8. Л. 64. Донесение П.А. Сабурова А.М. Горчакову, 7. II. 1877.
- ⁸³ *Kofos E.* O ellinismos... S. 84.
- ⁸⁴ Обсуждение проектов Кумундурса привело в ноябре 1876 года к правительственному кризису, когда Палата большинством в один голос отвергла заключение займа в 10 млн драхм для реорганизации армии и флота, а также для покупки новых военных кораблей. В конце ноября правительство подало в отставку, но Эпаминондас Делигиоргис, которому было поручено сформировать новый кабинет, не сумел получить вотума доверия. Вновь на премьер-

ский пост был призван Кумундурос, которому со второй попытки удалось провести свои законопроекты через парламент. Королева Ольга писала в те дни: «На днях была перемена министерства; в пятницу новое министерство присягало, а в субботу было опрокинуто. Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно, а главное в эту минуту. Общее мнение сильно возбуждено против этих господ. И пора!» // ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 840. Л. 10. Письмо Королевы эллинов в.к. Константину Николаевичу, 10. XII. 1876.

⁸⁵ ИЕЕ. Т. II^г. S. 323, 325.

⁸⁶ *Игнатъев Н.П.* Записки. // Исторический вестник. 1914. № 6. С. 825.

⁸⁷ ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 1116. Л. 3. Письмо Л. Вулгариса Н.П. Игнатьеву, 18. I. 1877.

⁸⁸ Там же. Д. 1126. Л. 1–3. Записка Н.П. Игнатъева об оказании вооруженной помощи Греции. Дата составления записки не указана, но по ряду косвенных признаков можно предположить, что она была написана в феврале 1877 г.

⁸⁹ *Игнатъев Н.П.* Сан-Стефано. Пг., 1916. С. 202.

⁹⁰ *Kofos E.* O ellinismos... S. 75.

⁹¹ *Kordatos G.* Istoria... T. 12. S. 337.

⁹² ИЕЕ. Т. II^г. S. 325.

⁹³ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1877. Д. 8. Л. 107. Донесение П.А. Сабурова А.М. Горчакову, 10. IV. 1877.

⁹⁴ Там же. Л. 95–96. Донесение П.А. Сабурова А.М. Горчакову, 16. III. 1877.

⁹⁵ Там же. Д. 7. Л. 301. Телеграмма А.М. Горчакова П.А. Сабурову, 17. IV. 1877.

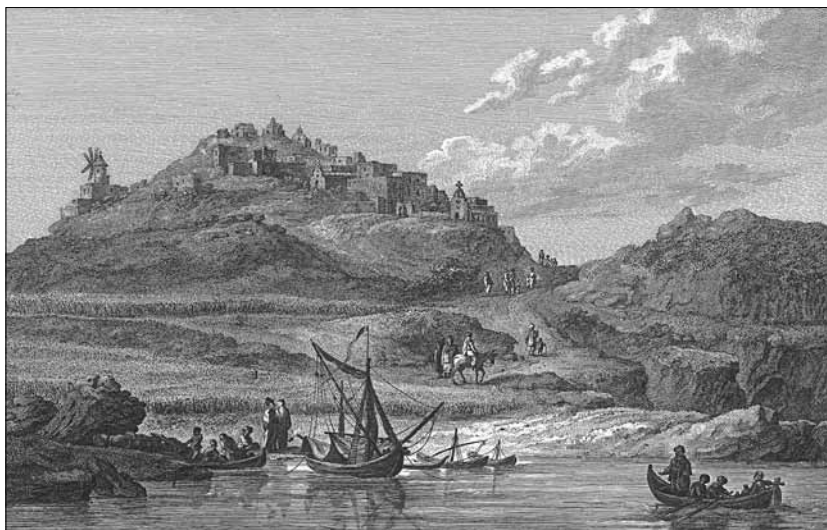
⁹⁶ Хотя Трикупис и не входил в правительство Делигиоргиса, он пользовался в нем большим влиянием.

⁹⁷ Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 1. М., 1961. С. 639–640. Донесение П.А. Сабурова А.М. Горчакову, 17. IV. 1877.

⁹⁸ ЦГИА СПб. Ф. 797. Оп. 43. II-3. Д. 28 а. XIII. Л. 282. Копия депеши П.А. Сабурова А.М. Горчакову, 10. IV. 1877.

ГЛАВА III

РАЗВЯЗКА

*Недавно один из них (греков – С.Ц.) сетовал, зачем в английском языке существует так мало оттенков для отрицательного ответа; тогда как грек, благодаря особенностям своего скользкого языка, может так плавно переходить от «нет» к «да» и *vice versa*, что увильнет от чего угодно... Конечно, со временем они могут измениться.*

Джордж Гордон Байрон.
Кефалонский дневник. 1823 г.

МЕТАНИЯ

Известие о начале русско-турецкой войны (24 апреля 1877 г.) было с энтузиазмом воспринято греческим народом. По всей Греции прокатилась волна митингов, на которых выдвигались требования объявления войны Османской империи. Демонстрация под лозунгом «Да здравствует война!» состоялась у дома премьер-министра Делигиоргиса уже 25 апреля. Накануне во всех церквях были совершены молебны за победу русского оружия¹. Российский посланник Петр Александрович Сабуров сообщал в те дни, что началось формирование отрядов добровольцев, отправлявшихся в греческие провинции Турции для подготовки восстаний и что «народ, как всегда, за нас, но политические классы хотят использовать наши победы, сохраняя за собой право не быть нам ничем обязанными»². Однако российский дипломат предвидел, что поднявшееся народное движение в пользу войны может в кратчайший срок изменить внутриполитическую ситуацию в стране. Еще за неделю до начала военных действий, отвечая на запрос главнокомандующего русской армии великого князя Николая Николаевича о положении дел в Греции³, он высказал предположение, что «настоящее министерство, нам неблагоприятное, падет через месяц» и выражал надежду, что будущее правительство удастся склонить к действию⁴. Первая часть прогноза Сабурова (в отличие от второй) полностью оправдалась.

Воинственные настроения греческой общественности все-рьез обеспокоили британскую дипломатию. Англичане пытались заверить короля и правительство, что война-де будет непродолжительной и закончится после первого сражения,

поэтому грекам не следует спешить с эскалацией военных приготовлений⁵. Как справедливо заметил в этой связи французский исследователь внешней политики Греции рассматриваемого периода Мишель Леритье, Британия «была советницей, вызывающей робость и избегающей в то же время компрометировать себя какими-то ни было обязательствами»⁶. Австро-Венгрия тоже советовала греческому правительству сохранять нейтралитет, аргументируя это тем, что момент для вмешательства Греции еще не наступил, и королю Георгу следовало бы дожидаться обессиливания Турции. Франция также не была заинтересована в расширении конфликта, считая, по видимому, что это будет благоприятствовать всегда возможной агрессии против нее со стороны Германии. Тем не менее она позволила греческому правительству разместить на французских заводах заказ на производство винтовок системы Гра. Италия, рекомендуя Греции сдержанность, вместе с тем советовала ей заключить союз с Россией в случае, если события вовлекут греческое правительство в конфликт помимо его воли, ибо было бы абсурдно для греков действовать заодно со своими «естественными врагами». Наконец, Турция, конечно, гипотетически могла бы попытаться сыграть на греко-славянских противоречиях, но неприязнь к грекам пересилила выгоды от подобных комбинаций. Порта запретила выпуск греческих газет на территории империи, закрыла Черное море для прохода в том числе и греческих торговых судов, а также свои сухопутные границы с Грецией⁷.

Позиция, занятая в начале войны западными державами, оказывала существенное влияние на короля Георга. Во время встречи с австрийским посланником графом Дубским он заявил, что находится в затруднительном положении: с одной стороны, Россия не делает монарху никаких предложений (видимо, Георг имел в виду предложения о формальном союзе с конкретизацией возможных территориальных приобретений

Греции после разгрома Порты), с другой, английское правительство рекомендует нейтралитет, но тоже не дает никаких обещаний на будущее⁸. Постепенно король — по некоторым данным, радовавшийся любым неудачам русского оружия — находит выход из создавшейся ситуации. Опасаясь победы российской армии, в результате которой бездеятельность Греции могла бы быть оценена соответствующим образом, он склоняется к мысли, что следует заменить непопулярного в народе Делигиоргиса сторонником решительных действий Кумундуром⁹. Точка зрения монарха была разделена и греческим политическим истеблишментом. 17 мая 1877 г. правительство Делигиоргиса пало, обвиненное в нерешительности. Премьером вновь стал Кумундурос. Но и он не предпринимал решительных мер и не спешил с обнародованием программы своего кабинета. Как отмечает современный исследователь С. Ласкарис, воспоминания о Крымской войне не давали покоя ни Делигиоргису, ни Кумундуросу: оба они опасались бомбардировки городов, расположенных на побережье, и островов силами турецкого флота под командованием А. Гобарт-паши (английского офицера на турецкой военной службе), а также выступления Англии на стороне Турции и неизбежной в этом случае оккупации греческой территории английскими войсками¹⁰. В результате Кумундурос смог продержаться у власти всего 8 дней. Понимая, что затянувшийся политический кризис может привести к непоправимым последствиям, правящие круги страны начинают поддерживать идею создания правительства, в которое вошли бы представители всех группировок. Ее выразителем стала организация «Rigas», организовавшая совместно с Леонидасом Вулгарисом две мощные демонстрации в Афинах под лозунгом «воинственного и прочного министерства». Руководство «Rigas» принял Георг; во время аудиенции ему была вручена петиция с просьбой назначить премьер-министром адмирала Константиноса Ка-

нариса и составить кабинет, в котором были бы представлены основные политические силы страны¹¹. Опасаясь повторения народных волнений, ведущих к дестабилизации обстановки в столице, король был вынужден согласиться с этими предложениями, и 7 июня 1877 г. было сформировано министерство, получившее название «экуменическое правительство» (по-гречески — «Oikoumeniki kyvernisi», буквально: «правительство национального единства») или «правительство премьеров», поскольку в его состав вошли практически все видные политические деятели того времени. Премьер-министром и министром морского флота стал престарелый адмирал Канарис, участник национально-освободительной революции 1821–1829 гг. Министром иностранных дел был назначен Трикупис, внутренних дел — Кумундурос, юстиции — Заимис, финансов — Делигиоргиос, обороны — Х. Зимвракакис (выходец с Крита), религии и образования — Делияннис¹². Правительство выдвинуло следующую программу: Греция будет энергично вмешиваться в конфликт, подготавливая и поддерживая восстания в исконно греческих землях. Для осуществления этого требуется реорганизация армии, сбор необходимого вооружения для повстанческих отрядов, многосторонняя дипломатическая подготовка. Главные задачи настоящего момента — установление связей с общим антитурецким фронтом балканских стран и оборона морских границ от турецкого флота¹³. Заимис официально заявил 19 июня в Палате, что «политика Греции состоит в быстром вооружении, ибо если война примет большие размеры, то Греция будет вовлечена в нее»¹⁴. На словах, как видно, большинство ответственных греческих политиков высказалось за участие Греции в войне. На деле же состоявшее из амбициозных деятелей, менявших свою точку зрения в зависимости от особенностей взаимоотношений друг с другом, «экуменическое правительство» в целом не было способно к более-менее согласованным действиям. Как верно подметил

позднее Трикупис, это было «правительство всеобщего нейтралитета»⁴⁵. Тем более что входившие в него министры, независимо от убеждений, должны были, думая о войне, постоянно принимать во внимание, по крайней мере, одно существенное обстоятельство — состояние вооруженных сил страны, на чем хотелось бы остановиться несколько подробнее.

Греческая армия была одной из самых слабых в Европе. Ее характерными чертами были недостаточная профессиональная подготовка рядового и командного состава, низкое качество и нехватка вооружения, боеприпасов, обмундирования и т.п. По наблюдениям как греческих, так и иностранных специалистов, солдаты греческой армии обладали замечательными качествами: осторожностью, предусмотрительностью, находчивостью и смелостью, способностью выполнить все поставленные перед ними боевые задачи и вынести тяготы и лишения походной жизни. Но, с другой стороны, им были присущи «недостаточная дисциплинированность и эмоциональность»⁴⁶. Интересную оценку боевых качеств греческих солдат дает в письме к отцу королева Ольга. «Греки не раз показывали, что они храбры и драться умеют, — отмечала монархиня, и добавляла с грустью: — но надо же иметь что-нибудь порядочное для этого», поскольку «у нас ведь только два броненосца и несколько других маленьких судов»⁴⁷.

Профессиональная подготовка офицеров была значительно ниже уровня европейских стандартов. В стране не существовало офицерских школ (первая была создана в 80-х годах XIX в.)⁴⁸, в связи с чем, по сообщению российского военного атташе Эйхлера, проводившего в сентябре 1877 г. и марте 1878 г. поездку по ряду гарнизонов на греко-турецкой границе, в большинстве батальонов ощущалась потребность в 4–8 офицерах⁴⁹. Лишь немногие из офицеров получали возможность обучаться в европейских высших военных учебных заведениях, редкими были и посещения военных маневров в Европе.

В то же время, в верхнем эшелоне армии процветала коррупция: незаслуженно присваивались чины, численность генералитета в мирные годы была так велика, что соответствовала условиям военного времени²⁰. Плачевным было состояние кавалерии: на 4 эскадрона общей численностью 800 человек приходилось около 200 лошадей, в основном старых или плохо выезженных. Войска в основном были вооружены устаревшими французскими винтовками системы Шаспо: намечавшееся в начале 70-х годов XIX в. перевооружение всей пехоты более современным оружием было сорвано франко-прусской войной 1870–1871 гг. Артиллерия была представлена орудиями, заряжавшимися с дула. Только в 1877 г. правительство заказало более современное вооружение у Круппа, что позволило вдвое (с 12 до 14) увеличить число артиллерийских батарей. Практически не существовало интендантского ведомства, в результате чего в случае войны войскам пришлось бы добывать провиант у местного населения в районе дислокации — со всеми вытекающими отсюда последствиями²¹.

Всего же в 1877 г. греческая армия насчитывала около 30 тыс. чел., большая ее часть была сосредоточена на границе с Турцией (20–22 тыс. чел.), где ей противостояла турецкая армия численностью 16 тыс. чел.²². По мнению французского военного атташе в Константинополе Тореи, этого было достаточно, чтобы вторгнуться в Фессалию и захватить территорию вплоть до Ларисы в случае русско-турецкой войны²³. Однако при столкновении с Турцией один на один этого было бы явно недостаточно, о чем свидетельствовал пример Сербии, обладавшей гораздо лучшим военным оснащением сухопутных войск, чем Греция²⁴. Кроме того, следовало учитывать, что, как отмечал Эйхлер, администрация, как военная, так и гражданская, не были способны, «вследствие своей неповоротливости», ни организовать призыв резерва в кратчайшие сроки, чтобы увеличить численность личного состава, ни обеспечить его

необходимым снаряжением²⁵. Не мог стать военным козырем Греции и флот, имевший, как уже отмечалось выше, 2 броненосца, 8 деревянных паровых судов, 11 парусников и 2 транспортных судна (к которым, правда, мог быть присоединен и мобилизованный в случае необходимости греческий торговый флот)²⁶. И хотя с июня 1877 г. военные приготовления стали проводиться более активно, финансовая слабость страны не позволила в конечном итоге радикально улучшить состояние греческих вооруженных сил²⁷.

Летом 1877 г. происходит активизация политики России в Греции по двум основным направлениям. Во-первых, российская дипломатия стремилась подтолкнуть к решительным действиям население греческих провинций Османской империи, поскольку восстания в этих землях отвлекли бы значительные силы турок с русско-турецкого фронта. Во-вторых, Россия, по крайней мере, в лице своего посланника Сабурова, пыталась ускорить вступление Греции в войну, в связи с чем со всей остротой возник вопрос о заключении формального союза между Петербургом и Афинами.

В самом начале русско-турецкой войны глава МИД России А.М. Горчаков телеграфировал в Афины: «Всякие диверсии в интересах наших войск были бы желательны. Мы предпочли бы пойти на окончательное раздробление Турции. Оружие для Эпира и Фессалии будет размещено на Корфу. Будьте осторожны в отношении гарибальдийцев»²⁸. О каком оружии могла идти речь в послании канцлера? В предыдущей главе шла речь о визите генерала Н.П. Игнатьева в Афины в январе 1877 г. Российский посол в Османской империи обещал тогда предоставить греческим повстанцам в Эпире, Фессалии и на Крите необходимое вооружение для организации «беспорядков». Но до начала русско-турецкой войны правительство России не спешило с выполнением этих обещаний. Сабуров неоднократно сообщал в МИД, что без ведома греческого

**Светлейший князь
Александр Михайлович
Горчаков (1798–1883),**

канцлер Российской империи,
дипломат и государственный
деятель. *Афины, Библиотека
Геннадийон*

правительства готовятся выступления в Фессалии, Эпире и Македонии, при этом руководители (вожди) местных греков продолжают ждать приказа со стороны России, а также винтовок и денег²⁹. В конце апреля 1877 г. повстанцы получили от российского посланника 40 тыс. франков³⁰, но этой суммы было явно недостаточно. Примерно в это же время Сабуров вступает в тесный контакт с Леонидасом Вулгарисом, а также с неким полковником Беккером, о котором автору известно, что он был русским офицером, состоял в 1875–1876 гг. на службе в сербской армии в качестве добровольца и в то время познакомился с упомянутым греческим революционером. В 1877 г. Беккер уже не являлся сербским военно-служащим³¹. Автору этих строк удалось также выяснить, что П.А. Сабуров не был до 1877 г. лично знаком с Вулгарисом. В одном из своих донесений за 1876 г. российский посланник характеризовал его как «смутьяна», поддерживающего связь с «гарибальдийской партией» и не принимаемого всерьез как политического деятеля в общественном мнении греческой столицы³². По-видимому, Сабурова познакомил с Вулгарисом Игнатьев в январе 1877 г. — в одной из телеграмм посланник пишет о нем как о человеке, знакомом «лично с Игнатьевым»³³. В свою очередь по настоянию рос-

сийского посланника греческий революционер установил тесный контакт с «комитетом Михоса». Как удалось установить, под этим названием скрывалась этерия «Adelphotis»³⁴. Что же касается «Михоса», то, по-видимому, речь идет о генерале А. Михосе, который был представителем греческого правительства в объединенном Центральном комитете этерий «Ethniki Amyna» и «Adelphotis», организационное слияние руководства которых с целью координации усилий произошло летом 1877 г.³⁵ Возможно, что генерал являлся связующим звеном между Центральным комитетом этерий и, в частности, входившим в него руководством «Adelphotis» и российским посланником в Афинах Сабуровым.

Известно, что в свое время, видимо, еще до создания Центрального комитета этерий, представители «Adelphotis» обратились к известному греческому торговцу в Петербурге Т. Петрококкиносу, чтобы тот посодействовал в приобретении оружия³⁶. Кофос отмечает в этой связи, что 10 000 винтовок были предложены русскими этерии «Adelphotis» через Петрококкиноса³⁷. Имеющиеся в распоряжении автора настоящего исследования документы позволяют более подробно рассмотреть это событие.

Дело в том, что Т. Петрококкинос ходатайствовал о просьбе «Adelphotis» перед российским правительством, в результате чего Петербург принял решение оказать помощь грекам в организации повстанческого движения³⁸. Российский посланник в Афинах понимал, конечно, к какому международному резонансу может привести огласка этого факта. С другой стороны, он видел, что обстановка в греческих провинциях «все больше склоняется к восстанию»³⁹. Поэтому он рекомендовал канцлеру сделать так, чтобы о российской помощи не было известно даже руководству организации, которой она оказывалась. Сабуров советовал передать оружие через Вулгариса⁴⁰, однако руководство МИД России выбрало

иной путь. Винтовки были переданы Петрококкиносу, и тот отправил их по назначению, о чем российский посланник был заблаговременно поставлен в известность⁴¹. Со своей стороны российский дипломат, догадавшись в ходе переговоров с одним из руководителей «Adelphotis», что его собеседник не знает о реальном происхождении этих винтовок, воспользовался этим и заявил, что это, без сомнения, патристический дар Т. Петрококкиноса и петербургских греков. «Было бы действительно желательно, — отмечал он в письме к Н.К. Гирсу, — чтобы эта версия распространилась, ибо важно, чтобы правительство Греции не подозревало о нашем живом интересе к греческому движению»⁴². По-видимому, детали операции действительно не были преданы огласке — по крайней мере, ни в источниках, ни в современной историографии не содержится указаний на то, что греческая общественность и политические круги были информированы о ней. К тому же греческое правительство, хотя и могло получить нужные ему сведения от Михоса, было заинтересовано в вооружении организаций, в какой-то степени стоящих под его контролем.

Параллельно Сабуров содействовал Вулгарису и Беккеру в получении ими 10 тыс. винтовок, переданных через Игнатьева. С этой целью в Венеции был организован склад, в который поступило это оружие. В июне 1877 г. Беккер, отправившись в Италию, получил его в свое распоряжение⁴³. Неожиданно возникла необходимость скорейшей отправки груза, так как российский посланник получил сведения о том, что греческое правительство располагает об этом информацией и собирается направить в Венецию эмиссара для его розысков⁴⁴. В этот период личные отношения Вулгариса с Кумундуросом были весьма натянутыми, и поэтому революционер хотел скрыть от кабинета свои контакты с Сабуровым и не желал уступать правительству даже часть

российского оружия. Россия, в свою очередь, была крайне заинтересована в ускорении темпов подготовки восстаний, а потому шла навстречу пожеланиям Вулгариса. Так случилось, например, когда Вулгарис и Беккер потребовали от Сабурова предоставления субсидии в 300 тыс. франков на транспортировку (они хотели для этого нанять английский пароход), и в конце июня российский посол в Вене Новиков сообщил своему коллеге в Афинах, что Петербург пошел на удовлетворение этого требования и деньги уже находятся в Мюнхенском банке⁴⁵. Не будучи сторонником необдуманных затрат, Сабуров убеждал Вулгариса договориться с Кумундуром о транспортировке за счет греческого правительства, уступив ему часть полученных винтовок⁴⁶. В конце концов греческий революционер, отказавшись от предложения посланника в связи с неприязнью к Кумундуросу, обратился за помощью к руководству этерии «Ethniki Amyra» и лично к Рениерису, который согласился перебросить груз из Венеции в Пирей силами своей организации, потребовав уступки половины винтовок⁴⁷. В результате все заинтересованные стороны остались вполне удовлетворенными условиями сделки, особенно Сабуров, с одной стороны, сэкономивший казенные средства, а с другой — содействовавший тому, что часть оружия досталась критским повстанцам. В конце июля посланнику удалось скоординировать действия Центрального комитета этерий и Вулгариса: в его присутствии был разработан общий план восстания, согласно которому предусматривалось одновременное начало боевых операций на Крите, в Эпире, Фессалии и южной Македонии силами повстанцев и вооруженных формирований, которые должны прибыть из Греции. Военным руководителем всех восстаний был назначен капитан К. Исхомахос⁴⁸. Однако российской дипломатии в конечном итоге так и не удалось добиться успеха на этом направлении: в течение 1877 г. ни в одной из греческих

провинций Османской империи не вспыхнули восстания. Это было связано как с международной обстановкой, так и с внутренним положением в этих землях, о чем пойдет речь в четвертой главе данной работы.

На втором из указанных направлений российской внешней политики в Греции — попытке ускорить вступление Греции в войну — активность России с самого начала натолкнулась на решительное противодействие Лондона. В начале июня 1877 г. в Афинах состоялись переговоры между Трикуписом (а несколько дней спустя — и Кумундуросом) и английским посланником Стюартом. Во время переговоров греческая сторона попыталась выяснить позицию Англии по поводу требований Греции о предоставлении греческим провинциям Турции тех же привилегий, что и славянским, испросив при этом рекомендаций по поводу возможной внешнеполитической линии Афин⁴⁹. В своем послании британскому министру иностранных дел лорду Э.Г. Дерби по окончании переговоров Стюарт рекомендовал «поддержать и усилить эллинский элемент» в противовес «панславизму»⁵⁰. Через месяц пришел ответ Дерби, который представляется целесообразным привести практически полностью: «Английское правительство не расположено давать уверения по предмету событий, которые могут вызвать распадение Турецкой империи в Европе... Тем не менее, правительство готово удостоверить греческое правительство, что когда наступит час решения вопросов, возбужденных войной, оно употребит все свое влияние, чтобы обеспечить греческому населению в турецких провинциях все те реформы и административные преимущества, которые могут быть дарованы христианскому населению других племен. В ожидании этого оно приглашает правительство сохранять осторожное положение и не лишать себя симпатий Англии (принимаящей такой сильный интерес в благосостоянии Греции), возбуждая инсurreкцион-

ное движение в турецких провинциях, что повело бы только к увеличению бедствия и ко вреду населений, интересы коих желает защищать греческое правительство»⁵¹.

Как видно из приведенного документа, Англия, призывая афинский кабинет к сохранению нейтралитета, в то же время не желала давать Греции каких-либо гарантий, что ее требования будут удовлетворены в случае следования рекомендациям Лондона. Во многом, на наш взгляд, это было следствием воздействия на Foreign office влиятельных протурецких кругов. Так, британский посол в Константинополе Остин Лейрд, например, предлагал даже «послать 1–2 британских военных корабля в Пирей, чтобы утихомирить в случае чего греков»⁵². Естественно, что позиция, занятая официальным Лондоном, ни в коей мере не отвечала намерениям Афин. В этих условиях греческое правительство более охотно начинает идти навстречу Петербургу. Объясняя свою позицию Стюарту, король Георг заявил, что он не сможет удержать свой народ в спокойствии, если в соседних провинциях начнутся восстания. «Если я пойду против национальных устремлений, — добавил он, — тогда моя позиция станет слишком уязвимой. Я должен буду встать во главе движения»⁵³.

Учитывая изменения в настроениях правящих кругов страны, Сабуров пытался в июне–июле 1877 г. окончательно склонить Афины к вступлению в войну. Одновременно он заручился поддержкой австрийского посланника Дубского, и в результате посчитал, что австрийское правительство «будет рассматривать соглашение или союз между Россией и Грецией как неизбежность, естественно вытекающую из хода событий, ради которой нет никаких причин для беспокойства»⁵⁴. Усилия российского дипломата увенчались успехом: король и правительство сообщили ему, что наметили 13 августа 1877 г. начать восстание в Фессалии и на Крите, и просили передать это главнокомандующему российской армией великому князю Николаю Николаевичу⁵⁵.

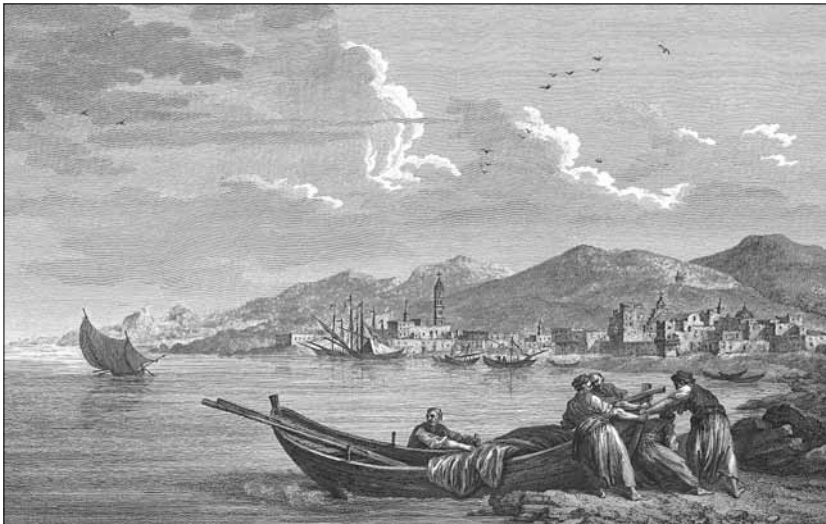
В то же время российское правительство не стремилось к заключению формального союза с Грецией, опасаясь осложнения англо-русских отношений⁵⁶. Согласно донесению греческого посланника в Петербурге П. Враиласа-Армениса товарищ министра иностранных дел России Николай Карлович Гирс говорил ему: «Мы бы желали, чтобы Греция проявила к нам больше доверия; мы не можем заключить соглашение с вами, которое вызвало бы гнев Англии и, следовательно, принесло бы вам больше вреда, чем пользы. Но поверьте, что Россия вовсе не желает, чтобы греческий элемент был поглощен славянским элементом; ... она будет справедливой в отношении Греции; все, что является греческим, будет вашим»⁵⁷.

Неудачи русской армии под Плевной изменили позицию Афин. По-видимому, греческое правительство полагало, что осада Плевны затянется на долгий срок, в связи с чем армии в случае вступления Греции в войну предстоит один на один сражаться с турецкими войсками в течение неопределенного промежутка времени. Поэтому были свернуты военные приготовления, и Сабурову пришлось сообщить главнокомандующему, что ожидать поддержки греков пока не приходится⁵⁸. Однако позиция, занятая Афинами, вовсе не означала, что правительство отказывается от участия в военных действиях. Греческое правительство стало еще настойчивей, чем прежде, добиваться заключения формального союза, а также предоставления Россией военной помощи в виде посылки военных кораблей, которые плавали бы под греческим флагом и имели бы команды, составленные из греческих моряков Одессы⁵⁹. В общем-то, последнее требование было вполне законным, поскольку в условиях затянувшейся войны необходимо было обезопасить наиболее крупные города Греции, включая столицу, расположенные на побережье. Другое дело, что Россия не могла в тот момент выполнить эту просьбу.

Тем временем воинственные настроения в Греции достигли своего апогея. «Не было бы преувеличением сказать, — пишет греческий историк Г. Зоидис, — что в немногие периоды истории греческий народ был так сплочен, как в 1877–1878 гг., потому что он осознавал значение русско-турецкой войны для Греции. И не только был сплочен, но и боролся за вступление в войну»⁶⁰. Активизировалась деятельность организаций, готовивших восстания в греческих провинциях Османской империи. Центральный комитет этерий устанавливал контакты с консулами Греции в этих землях, туда направлялись эmissары («апостолы»), поднимавшие греческое население на борьбу с турками⁶¹. Учитывая настроения в обществе, греческое правительство решило предпринять еще один демарш в Петербурге. 1 августа 1877 г. Трикупис направил Враиласу-Арменису депешу следующего содержания: «Решено в ближайшее время начать восстание в греческих провинциях Турции. Я узнал от Сабурова, что это нашло понимание у российского правительства; но в момент, когда дается санкция на его осуществление, греческое правительство желало бы получить гарантии того, что не будет заключен мир, который не учитывал бы законные пожелания эллинизма»⁶². Греческий посланник сообщил содержание депеши Гирсу и телеграфировал в Афины, что оно встретило «теплый прием» со стороны товарища министра⁶³. Со своей стороны, Сабуров рекомендовал Горчакову не давать греческому правительству никаких конкретных обещаний по поводу аннексий, чтобы не лишаться козыря на переговорах относительно союзного договора с Грецией. Посланник советовал канцлеру не отвергать полностью идею о посылке кораблей. «Обещание о морском сотрудничестве, все равно, в какой форме, — заключал он, — заставило бы меня быстрее вести дело»⁶⁴. Однако на Певческом мосту не разделяли точку зрения Сабурова. На запрос греческого правительства от 1 августа Горчаков отвечал, что в случае раздела Турции Россия не

будет против присоединения Фессалии и Эпира к Греции. Что же касается других областей, то это «будет зависеть от обстоятельств». Руководитель российского МИД вновь отверг идею заключения договора с греческим королевством⁶⁵.

Позиция, занятая Горчаковым, не поколебала стремления Сабурова добиться оформления союзнических отношений между двумя государствами, и он продолжал активно работать в этом направлении. В конце августа 1877 г. российский дипломат имел беседу с Георгом, во время которой монарх заверил его в том, что продолжает оставаться сторонником участия Греции в войне. «Мне нет необходимости повторять, — заявил король, — что я буду считать позором для греков оставаться в стороне, тогда как сербы, черногорцы, румыны, все христиане наконец собираются под знаменем России, чтобы сражаться с нашим общим врагом»⁶⁶. Вскоре, а если быть точным — 1 сентября Трикупис сообщил Сабурову, что после недельных дебатов совет министров Греции выработал союзные предложения, с которыми правительство обращалось к России. Согласно этим

предложениям Греция обязывалась вступить в войну через два месяца, т.е. к 1 ноября, если русские войска ранее этой даты не перейдут Балканы, при условии совместных действий двух флотов в греческих водах. Если же военные операции будут перенесены за Балканский хребет ранее указанного срока, то в таком случае Греция, не изменяя даты своего выступления, не настаивала бы на содействии российского флота и смирилась бы с принесением в жертву своего побережья. В ответ Россия, в случае раздела территорий, не возражала бы против присоединения Эпира и Фессалии к Греции⁶⁷. Сабуров передал депешу с этими предложениями Горчакову, однако руководство МИД и на этот раз не спешило дать ответ на греческие инициативы.

Дипломатическая активность Афин не осталась незамеченной в Лондоне. 3 сентября 1877 г. Дерби направил британскому поверенному в делах в Афинах Уиндхему депешу, в которой содержалось указание потребовать от греческого правительства заверения, что Греция не нападет на Турцию и не будет поощрять попытки начать восстания в греческих провинциях Османской империи. Со своей стороны Великобритания в качестве державы-покровительницы гарантирует независимость Греции и выполнение своих обязательств по отношению к ней⁶⁸. Позиция Великобритании была очевидной: заставив Грецию соблюдать нейтралитет, она тем самым содействовала Турции в критический для всей войны момент. Имея надежный тыл, Турция могла бы отправить свои части, дислоцированные в Фессалии, на Балканский фронт на помощь гарнизону Плевны. Понимая это, Трикупис дал уклончивый ответ на демарш Лондона — с одной стороны, он заверил Уиндхема, что в настоящий момент Греция не собирается вступать в войну, а с другой — отказался давать обязательства на случай, если интересы страны «заставят его действовать»⁶⁹. В то же время король получил косвенную поддержку своей политики в других столицах Западной Европы. Министр

иностранных дел Австро-Венгрии Дьюла Андраши через своего посланника в Афинах Дубского дал совет Греции вооружаться, «чтобы иметь возможность извлечь пользу». Правда, Берлин рекомендовал сохранять нейтралитет, однако это не было высказано в столь ультимативной форме, как английские требования⁷⁰.

Между тем в Греции произошли события, в значительной степени повлиявшие на внутривнутриполитическую обстановку. 14 сентября 1877 г. скончался престарелый премьер-министр Канарис. Правительство не подало в отставку, но не был назначен и новый премьер. Заседания Совета министров проводили поочередно все входившие в него политические деятели, но любое решение не могло быть принято без единогласного одобрения. Естественным последствием стало снижение дипломатической активности и решительности Афин. Практически были прекращены переговоры с Сербией и Румынией о совместных действиях, возобновленные в мае–июне 1877 г.⁷¹ Но наибольшую обеспокоенность правительственных кругов вызывало молчание Петербурга по поводу предложений, сделанных Трикуписом 1 сентября. Осознавая, что «правительство без премьера» находится в критической ситуации и что оно уже не решится на объявление войны без четких гарантий, Сабуров посылает Горчакову депешу следующего содержания: «Осмелюсь настойчиво просить указаний по поводу приема, который был сделан греческим предложениям. Наше молчание заставляет короля опасаться, что мы более не хотим выступления Греции. Министры рассматривают его как попытку прекращения активных военных действий в течение зимы, и они свыкаются с мыслью о перенесении выступления Греции до весны. В настоящий момент я говорю им, что, вероятно, правительство Его Императорского Величества не желает давать ответа до взятия Плевны, чтобы не ставить Грецию в весьма рискованное положение. Я полагаю, что если греческие

предложения не совпадают с предложениями, исходящими от нас, было бы предпочтительней честно отказаться, ибо продолжение переговоров вынудит Грецию держать свою армию наготове и этим сковывать до конца какую-то часть турецкой армии»⁷². Заметим, что российский посланник в Афинах считал аморальным достижение политических целей неблагородными средствами, даже если речь шла, как в данном случае, о сохранении жизни тысячам русских солдат ввиду невозможности для Порты помочь гарнизону Плевны присылкой турецких войск из Фессалии.

31 октября 1877 г. князь Горчаков направил Сабурову ответную депешу. Мы также приводим ее текст почти без сокращений: «Вы знаете, что условия... для заключения оборонительного и наступательного союза состоят в том, чтобы мы направили русские суда в греческие воды в распоряжение афинского кабинета и, кроме того, в том, что Греция не объявит войны Турции, пока наши войска не перейдут Балканы. Вам уже сообщали, что посылка русских судов невозможна, и я поручил Вам повторить, что если греки придут на помощь христианам, то мы, в случае раздела Турции, постараемся обеспечить им Эпир и Фессалию. Я не считаю, чтобы мы могли честно пойти дальше этого. С другой стороны, ввиду национального движения, которое проявляется в Греции, король Георг подверг бы свою династию опасности, если бы распустил войска, которые он собрал к настоящему времени. Но присутствие этих войск вынудило бы Порту, со своей стороны, сохранять часть своих сил на этом направлении — в результате получится та диверсия, которую Вы желаете»⁷³. Анализируя текст этой депешы, можно сделать вывод, что Россия окончательно отказалась от заключения формального договора с Грецией. Вступление Греции в войну все меньше стало отвечать устремлениям официального Петербурга, не заинтересованного, по-видимому, накануне заключительного этапа войны (участь Плевны к концу октября

фактически уже была предreshена) в осложнении международной обстановки. В то же время Горчаков не откликнулся на последнее предложение, сделанное Сабуровым в депеше от 13 октября. Аргументация престарелого канцлера относительно угрозы династии могла вызвать негативную реакцию со стороны греческих политиков (узнай они содержание переписки) — такой угрозы в тот период не существовало, если не считать «опасностью» возможность оказания давления на монарха и правительство со стороны широких народных масс по вопросу о скорейшем вступлении Греции в войну. И здесь российский посланник нашел, как представляется, наилучший в создавшейся ситуации выход, чтобы, действуя в рамках полученных инструкций, не оттолкнуть от себя греческое правительство. Посоветовавшись с королем, он заявил Трикупису и Кумундуросу, что Россия не сможет послать военные суда в Грецию, поскольку российское правительство полагает, что ко взаимной выгоде обеих сторон не стоит подписывать договор о союзе, оставляя грекам свободу действий, лишь бы они не выбрали только для начала войны тот момент, когда Россия будет думать о мирных переговорах с Портой, — в таком случае Греция стала бы препятствием. «Если греки хотят действовать, — резюмировал Сабуров, — то они должны это делать задолго до окончания кампании». Во время встречи Кумундурос объявил, что он подаст в отставку после падения Плевны, если к тому времени его коллеги будут по-прежнему мешкать с выступлением⁷⁴.

Тем временем английское правительство, понимая, что наступает критический момент, предпринимает ряд демаршей в Афинах. В середине ноября 1877 г. Стюарт попытался убедить Георга, что никакого раздела турецких земель не предвидится и что русское правительство якобы завершило в этом Лондон⁷⁵. Вскоре Дерби сообщил в Афины, что в случае созыва послевоенной международной конференции Греция могла бы быть допущена на нее, если то же решение будет принято и в отноше-

нии других государств, не участвовавших в Парижской мирной конференции 1856 г.⁷⁶ Одновременно британский поверенный в делах Уиндхем предупредил греческое правительство, что если Греция вступит в войну, она не сможет впоследствии рассчитывать на благосклонность Англии⁷⁷. Английские предложения повлияли на тех членов кабинета министров, которые традиционно проявляли симпатии к Лондону. Трикупис, например, перестал поддерживать те взгляды, которые он защищал буквально накануне. Министр иностранных дел выступил против вступления Греции в войну, предлагая, чтобы «великие державы показали пример в оккупации Турции для того, чтобы Греция смогла бы извлечь выгоду из этого примера, не очень рискуя раздражить Англию»⁷⁸. Его поддержал Делигиоргис, заявивший (уже после падения Плевны 10 декабря 1877 г.), что если Греция и решится на участие в конфликте, то она подвергнется серьезной опасности остаться один на один в войне с Турцией, если Россия «вдруг» пойдет на заключение мира⁷⁹.

С каждым днем становилось все более очевидным, что «правительство премьеров» не способно руководить ни внешней, ни внутренней политикой страны. Греческие министры были застигнуты врасплох известием о падении Плевны. «Они, — сказал Георг Сабурову, — имели вид человека, получившего удар дубиной по голове»⁸⁰. Понимая, что стране предоставляется последний шанс принять участие в войне, правительство начинает лихорадочно действовать. Однако разногласия не были преодолены, и крайней мерой, на которую оно смогло пойти в начале января 1878 г., была частичная мобилизация резервов греческой армии⁸¹. В то же время греческие министры практически ежедневно консультировались с российским посланником, который советовал им «решиться», если они хотят еще «извлечь выгоду из этих событий», подчеркивая при этом, что Россия может обойтись и без помощи Греции⁸². Король и Кумундурос, понимая, что время может быть безнадежно упу-

щено, и опасаясь, что народ может взять инициативу в свои руки, добивались отставки правительства. Единственный вопрос, который их беспокоил в начале января 1878 г. — успеет ли Греция объявить войну Турции до заключения русско-турецкого перемирия. Сабуров практически ежедневно отправлял запросы в МИД России, ожидая инструкций. «Если Греция объявит войну Турции, — телеграфировал он Горчакову 11 января, — то перемирие даст Турции возможность послать в Фессалию превосходящие силы. Если мы намереваемся теперь заключить мир, то мы избавим Грецию от военной катастрофы, предупредив ее сейчас о наших намерениях, ибо все теперь понимают здесь, что если надо действовать, то нельзя терять ни минуты»⁸⁵. На следующий день Вraithас-Арменис сообщил из Петербурга своему руководству, что переговоры о перемирии еще не начались, и мало того — по-видимому, они будут затягиваться, а боевые действия продолжатся и далее⁸⁴. Подтверждения этой информации, равно как и ответа на свои предыдущие запросы, Сабуров так и не получил⁸⁵. В этих условиях он решает занять активную и самостоятельную позицию — позднее он вспоминал, что определял свой долг как долг постового, который должен стрелять во врага до тех пор, пока не получит приказа о прекращении огня⁸⁶.

Между тем обстановка в стране накалялась. Афинская газета «*Messenger d'Athenes*» писала в те дни: «Нам скажут, может быть, что со стороны эллинов не великодушно объявлять себя против турок в ту минуту, когда русские сокрушили Оттоманское могущество. Великодушие, которое понятно в отношениях одной державы к другой, совершенно неуместно, когда речь идет об угнетенных народах... Ожидать, чтобы Турция восстала, новила свои силы, и тогда уже поднять знамя восстания, значит начинать борьбу слишком поздно, при неравных условиях, и подвергаться верному поражению»⁸⁷. Чувствуя за своей спиной поддержку народа, король Георг, проигнорировав мнение

правительства, отдал 18 января приказ главнокомандующему армией генералу С. Суцосу сконцентрировать войска вдоль границы⁸⁸. 22 января 1878 г. министры подали в отставку, кабинет вновь возглавил А. Кумундурос. В тот же день греческий посланник в Берлине Р. Рангавис сообщил, что германский император Вильгельм заметил во время встречи с ним, что у греков есть только несколько дней, чтобы принять участие в войне⁸⁹. Откладывать выступление не имело больше смысла. Получив от палаты практически неограниченные полномочия, правительство без промедления расширило контакты с Центральным комитетом этерий «Ethniki Amyna» и «Adelphotis» и обязало эти организации действовать исключительно под контролем кабинета министров в охваченных восстанием греческих провинциях Турции. В свою очередь правительство полностью брало на себя предоставление этериям необходимой помощи в виде вооружения и денежных средств⁹⁰. 26–28 января 1878 г. в столице состоялась демонстрация, участники

Мыс Сунион, храм Посейдона. Москва, из собрания В.П. Меншикова

которой, напуганные слухами о готовящемся перемирии, требовали объявления войны и пытались забросать камнями дома видных политических деятелей — сторонников нейтралитета. Как писала королева Ольга, «народ бросился к домам прежних министров и перебил их окна, ... пришлось их усмирять оружием; были раненные и даже убитые. Все это было более, чем грустно, особенно, так как надо было употреблять силу против толпы, чувства которой были так понятны и естественны»⁹¹. 28 января Сабуров получил от Горчакова телеграмму, в которой канцлер извещал посланника, что «до настоящего момента мы не имели подтверждения ставки о заключении перемирия», высказывая предположение, что задержка, возможно, объясняется неполадками в телеграфной связи⁹². Этого оказалось достаточно, чтобы Сабуров продолжил заверять короля и Кумундурса, что ему ничего не известно о заключении перемирия⁹³. Между тем существует мнение (основанное на донесении австрийского посланника в Греции), что депеша французского телеграфного информантства Гавас (Navas) о перемирии была доставлена вечером 1 февраля, через несколько часов после того, как 31 января (собственно, в день заключения перемирия) Георг отдал приказ греческой армии вступить в пределы Фессалии. В результате чего 2 февраля войска численностью 8 тыс. человек пересекли границу в трех пунктах — Сурпи, Дербенд-Фурка и Янница и, не встречая сопротивления, начали продвигаться по направлению к укрепленной турецкой крепости Домокос. Однако, по данным М. Леритье, Кумундурс, поощрявшийся Сабуровым, задержал депешу информантства, не информировав о ней короля⁹⁴.

В тот же день (2 февраля) король обратился к Сабурову с просьбой передать императору Александру II телеграмму следующего содержания: «Наши войска только что пересекли границу. Я и все греки твердо рассчитываем на Ваше благожелательное отношение к нашему делу — общему с делом всех

христиан, которое Вы столь великодушно поддерживаете»⁹⁵. А министр иностранных дел Делияннис в своем циркуляре, направленном в греческие миссии за границей, заверил державы, что действия Греции носят временный и оборонительный характер и что вступление греческих войск на турецкую территорию вызвано присутствием иррегулярных турецких войск на границе Греции и разбоями и грабежами, ими учиненными⁹⁶.

3 февраля 1878 г. Сабуров получил от Горчакова телеграмму, в которой сообщалось о заключении перемирия⁹⁷. В тот же день пришел и ответ императора на телеграмму Георга, в котором говорилось: «Я могу только сожалеть, что Ваше Величество, объявляя войну Турции, выбрали тот момент, когда я подписываю с ней мир»⁹⁸. Российский дипломат, сознавая свою ответственность за случившееся, решился передать ответ Александра II королю только 4 февраля, понимая, какое впечатление это может произвести на греческого монарха. С другой стороны, он тянул время, поскольку считал, что чем дольше греческие войска будут находиться на территории Фессалии, тем большее внимание Европа обратит на греческий вопрос⁹⁹. Возвратившись с аудиенции, Сабуров обратился к Горчакову с прошением об отставке¹⁰⁰. В ответной телеграмме канцлер извещал посланника, что «Император уважает заслуги, которые Вы имели во время Вашего пребывания в Греции, и желает, чтобы Вы оставались его представителем в Афинах»¹⁰¹. По-видимому, российское правительство не считало действия Сабурова в январе 1878 г. серьезной и непоправимой ошибкой, иначе трудно объяснить повышение его сначала в чине (в апреле 1878 г.), а затем — и по службе¹⁰².

Между тем возникла опасность греко-турецкой войны. Высвободившаяся турецкая армия могла нанести теперь удар по небольшому греческому военному контингенту в Фес-

салии, турецкий флот под командованием А. Гобарт-паши представлял опасность для прибрежных городов Греции. Греческое правительство думало в тот момент, как бы с меньшими потерями выйти из создавшегося положения. Однако ни одна из европейских держав не была в тот момент заинтересована в продолжении вооруженного конфликта на Балканах. Франция выступила с инициативой вывести греческие войска с турецкой территории, угрожая, в противном случае, прекратить военную помощь Греции¹⁰³. 5–6 февраля 1878 г. посланники Австро-Венгрии, Англии, Германии, Италии, России и Франции в Афинах выступили с коллективным демаршем к правительству Греции по поручению правительств своих стран с требованием немедленного вывода греческих войск из Фессалии¹⁰⁴. При этом Игнатьев, который вел в Сан-Стефано переговоры, заявил турецким представителям, что русская армия готова продолжить свое наступление в сторону Константинополя, если Турция нападет на Грецию¹⁰⁵. Обрадованные таким поворотом событий, Георг и Кумундурос отдали 6 февраля приказ Суцосу избегать столкновений с турецкой армией, остановить продвижение к Домокосу и начать отвод войск на территорию Греции¹⁰⁶. Опасность войны была ликвидирована.

Не решившись на активные действия в 1877 г., упустив благоприятный момент, греческие правящие круги с опозданием приняли сторону России в начале 1878 г. В результате они не добились выполнения своей национальной программы в период русско-турецкой войны. Оставалось только надеяться на противоречия между Россией и остальными державами на заключительном этапе кризиса. Вместе с тем греческое правительство надеялось извлечь политический капитал и из народных восстаний, вспыхнувших в начале 1878 г. в Эпире, Фессалии и на Крите (об этих событиях речь пойдет в четвертой главе этой книги).

МЕЖДУ РОССИЙСКИМ МОЛОТОМ И БРИТАНСКОЙ НАКОВАЛЬНЕЙ

После вывода войск из Фессалии правящие круги Греции начинают постепенную переориентацию своей внешней политики в поисках союзников, которые помогли бы им в осуществлении национальной программы. С этой целью 10–11 февраля 1878 г. посланник Греции в Лондоне И. Геннадис провел переговоры с лордом Дерби. Министр иностранных дел Великобритании заявил греческому дипломату, что Англия, Греция и Австро-Венгрия занимают сходные позиции и можно в будущем скоординировать их усилия. Дерби одобрил пропагандистскую деятельность греческого правительства в ряде провинций европейской Турции со смешанным греко-славянским населением¹⁰⁷. Почувствовав, что англичане не прочь разыграть «греческую карту» на мирном этапе развития кризиса, Афины предприняли перед Лондоном демарш с целью добиться допущения Греции на возможную конференцию по итогам событий, созыв которой декларировался еще Рейхштадтским соглашением. 23 февраля 1878 года министр иностранных дел Греции Т. Делияннис направил своему посланнику в Лондоне (как, впрочем, и остальным дипломатическим представителям в Европе) циркуляр, в котором, в частности, говорилось: «Мы не сомневаемся, что этот вопрос (судьбы греков в Османской империи. — С.Ц.) будет возбужден и подвергнется обсуждению на предстоящем конгрессе. В таком случае не было ли бы справедливо и разумно отвести на нем место Греческому королевству, дабы оно могло изложить права этих населений». Но И. Геннадис передал эту депешу Дерби только 4 марта, то есть

на следующий день после подписания договора в Сан-Стефано¹⁰⁸. По-видимому, греческое правительство опасалось преждевременных шагов в этом направлении. В феврале 1878 г. еще существовала надежда на то, что требования Греции будут учтены при разработке договора. Об этом свидетельствует то, что премьер-министр Кумундурос неоднократно в течение этого месяца просил Сабурова определить ему линию поведения, заверяя посланника, что по-прежнему будет надеяться лишь на Россию. Тревога главы греческого кабинета была вполне понятной — в прессу просачивались сведения о предполагаемых границах Болгарии, что вызвало недовольство широких слоев общественного мнения страны, поскольку в состав нового государства должны были войти спорные территории. К тому же МИД России не откликался на запросы своего посланника в Афинах дать четкие указания Кумундуросу, разъяснив ему сущность российской политики на данном этапе кризиса¹⁰⁹.

Не оставляла попыток повлиять на позицию России по греческому вопросу и королевская чета. 2 марта 1878 г. королева Ольга направила своему отцу, великому князю Константину Николаевичу, письмо, в котором содержалась просьба «умолить» Александра II удовлетворить греческие требования — «ведь Государь начал эту святую войну за всех христиан Востока, и греки ведь не виноваты, что у них во главе были люди, забывшие свой долг к Отечеству!!!» «То, что я желаю, — продолжала она, — это чтобы все греческие провинции достались бы Греции, мне кажется, что это справедливо». Далее королева высказывала опасение, что если Россия не согласится на присоединение греческих земель к королевству, то этим может воспользоваться Англия «в своих собственных видах». Необходимость расширения территории страны Ольга мотивировала также и тем, что это укрепит позиции королевского двора, так как появление на политической сцене новых лидеров — выходцев из этих земель — позволит династии вырваться из «по-

рочного круга», найти замену Кумундурсу, Заимису, Делигису и Трикупису. «Нам от них просто тошно, — в сердцах восклицала она, — но если не они, то кто будет министром?» Королева подчеркивала, что после фессалийской кампании обстановка в стране крайне сложная, кое-где проявляются антимонархические настроения, и поэтому игнорирование Александром II ее просьбы может привести к серьезной угрозе существованию монархии¹¹⁰.

Греческие правящие круги (а с ними и Сабуров) не могли знать, что вопрос о Греции был решен еще 17 января 1878 г. на совещании у императора в присутствии А.М. Горчакова, военного министра Д.А. Милютина, Н.П. Игнатьева, Н.К. Гирса и А.Г. Жomini, когда в основном был утвержден проект мирного

Делегация Греции на Берлинском конгрессе 1878 г. во главе с Т. Делияннисом (сидит в центре). Афины, Библиотека Геннадийон

договора с Турцией⁴¹¹. Первоначально Горчаков предполагал, что необходимо поставить вопрос о присоединении Крита, части Эпира и части Фессалии к Греции, однако он не получил поддержки из опасения, что «Европа не согласится принять эти условия» и было решено ограничиться проведением реформ в этих провинциях. Накануне своего отъезда в Адрианополь, где должны были проходить мирные переговоры, Игнатьев еще раз попытался выяснить точку зрения канцлера относительно будущего острова Крит: стоит ли ограничиться только требованием улучшения прежнего управления Критом, или необходимо добиваться его автономии либо присоединения к Греции? Горчаков ответил, что «лучше ограничиться для Крита улучшением существующего устава». Находясь проездом в Бухаресте, Игнатьев получил информацию о начавшихся в Эпире и Фессалии восстаниях. В связи с этим 2 февраля 1878 г. он направил Горчакову телеграмму, в которой, обращая внимание на изменившиеся обстоятельства, просил новых инструкций по данному вопросу, считая, что необходимо его более радикальное решение⁴¹². Ответа на запрос генерала не последовало. Российский дипломат продолжал руководствоваться прежними предписаниями, запрещавшими вносить какие-либо изменения в текст договора без специального разрешения императора или канцлера⁴¹³. В результате в Сан-Стефанском прелиминарном мирном договоре, подписанном 3 марта 1878 г., нашла отражение позиция, выработанная российским правительством в январе. Статья 15 договора гласила: «Блистательная Порта обязуется ввести добросовестно на острове Крите Органический устав 1868 г., сообразуясь с желаниями, уже выраженными мирным населением. Подобный же устав, примененный к местным потребностям, будет также введен в Эпире и Фессалии и в других частях Европейской Турции, для коих особое административное устройство не предусмотрено настоящим актом»⁴¹⁴.

Греческий историк Э. Кофос в одной из своих работ отмечает, что отказ российской дипломатии удовлетворить требования Греции о присоединении к ней Эпира, Фессалии и Крита был вызван прежде всего опасением правящих кругов Петербурга, что выдвижение на авансцену греческого вопроса нарушит хрупкое равновесие и ускорит вмешательство Британии¹⁴⁵. Соглашаясь по существу с этой оценкой, позволю себе высказать некоторые соображения. Предположим, что российское правительство удовлетворило бы греческие требования. Это неизбежно вызвало бы еще большее противодействие Лондона, не заинтересованного в тот период в окончательной гибели «больного человека». С другой стороны, Петербург не мог не предвидеть того, что их игнорирование позволит англичанам найти удобный предлог для пересмотра мирного договора, как и случилось впоследствии. Наконец, можно было бы, удовлетворив часть греческих требований, одновременно сократить территорию предполагаемого болгарского государства. Но здесь, как представляется, сыграл свою роль такой фактор, как неучастие Греции в войне. Понимая, что с позиций сегодняшнего дня многое видится иначе, можно тем не менее констатировать, что российские правящие круги не проявили в нужный момент политической гибкости, недостаточно трезво оценили международную обстановку и свои собственные силы.

Известие об условиях Сан-Стефанского договора вызвало волну протеста греческой общественности. «Все наши друзья, даже Кумундурос, обратили свои взоры к Англии, — вспоминал Сабуров в своих мемуарах, — в течение нескольких недель это была демонстрация неистовой злобы»¹⁴⁶. В стране началась кампания, направленная на убеждение правительств великих западных держав, и прежде всего Великобритании, что Македония и Фракия — исконно греческие земли. Был, в частности, организован сбор подписей под обращениями от греков Маке-

донии в Константинопольскую патриархию, предназначенными для европейской общественности, в которых доказывалось, что эта провинция населена преимущественно греками¹¹⁷. Практически все общество находилось в состоянии «массового психоза»¹¹⁸.

Позиция Афин совпала в этот период с желанием западных держав подвергнуть ревизии Сан-Стефанский договор. «Греческую карту» решено было разыграть в этой борьбе как своего рода противовес «болгарской». 9 марта 1878 г. Геннадийос получил ответ лорда Дерби на циркуляр Делиянниса, в котором, в частности, говорилось: «Правительство Ее Величества, рассмотрев требование..., чтобы Греция имела представителя на конгрессе, собрание коего назначено в Берлине, держится того мнения, что Греческое королевство имеет законное право представительства на конгрессе и немедленно сообщит об этом мнении всем прочим державам»¹¹⁹. Комментируя свою беседу с главой Foreign office, Геннадийос писал в Афины, что она «открывает дверь, которая была для нас закрыта в течение долгого времени»¹²⁰. В тот же день, во время своей беседы с германским послом в Лондоне графом Мюнстером, британский министр иностранных дел заявил, что со стороны Греции была высказана просьба быть допущенной на предстоящую конференцию великих держав, так как греческие интересы на Балканах затрагиваются самым существенным образом, и что британское правительство, насколько это возможно, будет считаться с этими пожеланиями и способствовать участию греков в работе конференции, хотя бы на тех заседаниях, где будет обсуждаться греческий вопрос. «Я должен по этому случаю констатировать, — отмечал Мюнстер, комментируя сообщение о беседе, — что греки сейчас здесь в правительстве, а также в парламенте находят гораздо больше симпатий, чем раньше, и что идея взять под защиту греческий элемент против славянского завоевывает все больше почвы»¹²¹.

Поначалу российская дипломатия, заручившись поддержкой Берлина¹²², выступала против участия Греции в работе конгресса, считая, что если допустить к ней все малые государства, то конгресс может превратиться в «политический Вавилон». Правда, не исключалась возможность участия всех этих стран с правом совещательного голоса¹²³. В конце концов, последняя точка зрения возобладала над остальными: малые страны допускались к работе конгресса с правом совещательного голоса на заседания, где затрагивались их интересы.

Одновременно с попытками добиться участия Греции в предстоящем конгрессе западные державы начинают выступать за изменение границ греческого государства. Министр иностранных дел Австро-Венгрии Андраши заявил российскому послу в Вене Новикову, что Сан-Стефанский договор противоречит Будапештской конвенции 15 января 1877 г., а потому следует присоединить к Греции Эпир и Фессалию, чтобы «уравновесить» Болгарию¹²⁴. Лорд Дерби в беседе с графом Мюнстером охарактеризовал предложенные границы Болгарии как «совершенно абсурдные», не имеющие ни географических, ни этнографических, ни исторических оснований и угнетающие «самым бесцеремоннейшим образом греческий элемент»¹²⁵. В поддержку греческих требований активно включилась западная пресса. Лондонская «Standart» писала в те дни: «Кроме небольших областей у подножия Балкан, Македония и Фракия с этнологической точки зрения являются греческими ... Греки, о которых, собственно говоря, забыли во время последних переговоров, являются самой сильной и преобладающей народностью европейской Турции». Венская «Neue Freie Presse» высказывала мнение, что «в случае войны между Англией и Россией Греция будет на стороне Англии. Наградой за это станет создание великой греческой империи»¹²⁶. «Греки, — писала лондонская «Times», — имеют множество недостатков, и афинское правительство оставляет многого желать, но Греция

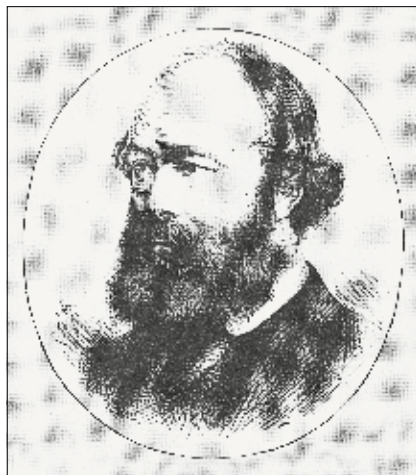
компактная и сильная была бы бесспорно лучшим оплотом против все возрастающего наплыва славизма»¹²⁷. Наконец, в пользу греческих требований высказался и премьер-министр Великобритании Бенджамин Дизраэли, заявив, что «Греция, оставаясь нейтральной, по совету Англии, получит больше, нежели славянские княжества, жертвовавшие всем для войны, совместно с Россией против Турции»¹²⁸.

Враждебный тон по отношению к России и славянам был подхвачен и греческой печатью. Так, например, в «*Messenger d'Athènes*» была опубликована статья, в которой шла речь о том, что «было бы несправедливо, если бы греческая национальность приобрела положение менее привилегированное, чем полуцивилизированные болгарские племена»¹²⁹. Та же газета предсказывала, что, как только русские войска отойдут за Дунай, начнется греко-болгарская война, которая приведет к полному истреблению одного из народов. Подобные рассуждения сопровождались демагогическими заявлениями, что это лишь послужит на пользу туркам, которые без труда вновь покорят и греков, и болгар, призванных осуществить «более высокую миссию, чем уничтожение друг друга». Поэтому «пусть болгары, народ, бывший еще вчера рабом, не заблуждаются в участи, которая их ожидает, если они будут иметь несчастье принять свое освобождение через господство над Македонией»¹³⁰.

Вскоре, однако, начали проявляться истинные цели английской дипломатии. Уже 10 марта 1878 г. поверенный в делах Англии в Афинах Уиндхем заявил Делианнису, что, поскольку его правительство высказалось за участие Греции в конгрессе, то настал черед Афин совершить ответный шаг. В качестве «платы за услугу» Лондон потребовал прекращения поддержки греческим правительством революционных комитетов, руководивших восстаниями в Эпире, Фессалии и на Крите¹³¹. Но это противоречило позиции Греции — напротив, греческое правительство было заинтересовано в продолжении повстан-

ческого движения и соглашалось на уступки в этом вопросе лишь при получении надежных гарантий того, что конгресс поддержит его требования¹⁵². Поэтому Афины не спешили давать преждевременные обещания. Со своей стороны, несмотря на риторические заявления своих политических лидеров, официальный Лондон, не будучи заинтересованным в том, чтобы Турция лишилась всех своих европейских владений, первоначально стремился к сближению между Турцией и Грецией, не давая последней гарантий относительно присоединения провинций, пытаясь лишь договориться с султаном об изменении границ в пользу Греции за счет сокращения территории болгарского государства¹⁵³. Однако сотрудничество между старыми противниками было в тот момент невозможным: единственной уступкой, на которую пошли Афины, было обещание, данное Делияннисом турецкому посланнику Фотиадис-бею: использовать «моральное влияние» правительства, чтобы остановить действия фессалийских комитетов восставших¹⁵⁴. Естественно, что такая позиция не могла вызвать одобрения ни в Константинополе, ни в Лондоне. Британское правительство постепенно склоняется к тому, что не следует больше поддерживать Грецию, разыгрывать «греческую карту», а можно добиться осуществления собственных целей путем нажима на Турцию, взяв в то же время ее под опеку. Эти тенденции наиболее отчетливо выявились в политике, проводимой новым министром иностранных дел Великобритании Солсбери, сменившем на этом посту Дерби в конце марта 1878 г. Сабуров сообщал в те дни в Петербург: «Англия не дала Греции никакого обещания об аннексиях и настаивает наоборот на том, чтобы Греция не создавала препятствий Турции. Все ее заверения ограничиваются обязательствами провести широкие реформы в греческих провинциях»¹⁵⁵. Позиция Великобритании вызвала недовольство широких слоев общественности, начались антианглийские выступления¹⁵⁶. Почувствовав изменение внеш-

Маркиз Роберт Солсбери (1830–1903) в рассматриваемый период был министром иностранных дел в правительстве Дизраэли. Впоследствии он трижды становился премьер-министром Великобритании. Именно Солсбери сыграл ключевую антироссийскую партию на Берлинском конгрессе 1878 г., за что и был удостоен королевой Викторией высшей награды империи – ордена Подвязки. *Афины, Библиотека Геннадийон*

не- и внутриполитической обстановки и осознав, что греки в этих условиях попытаются создать своего рода конкуренцию между Россией и Англией, не отказываясь напрямую от сотрудничества ни с той, ни с другой державой¹⁵⁷, Сабуров, в свою очередь, решил сыграть на этом, чтобы вернуть российскую дипломатию на утраченные после Сан-Стефано рубежи. Дождавшись момента, когда вражда к России стала ослабевать, а антибританские настроения, наоборот, усиливаться (это произошло после того, как в середине мая 1878 г. Англия в очередной раз дала «туманное обещание грекам по поводу расширения границ без уточнения сроков»¹⁵⁸), российский посланник разработал проект союзного договора, который намеревался представить для обсуждения греческому правительству. Договор имел антибританскую направленность. Он предусматривал, что в случае мирного развития кризиса Греция обязуется держать свои войска вдоль границы в состоянии повышенной боевой готовности. Россия, со своей стороны, обещает в случае созыва конгресса добиться изменения греческих границ и присоединения Крита к Греции. Если же мирное развитие

кризиса будет прервано и начнется англо-русская война, и одного присутствия греческих войск на границе будет недостаточно, чтобы сковать войска Турции, союзницы англичан, то Греция обязуется оккупировать Фессалию и часть Македонии. В этом случае возможны «более широкие территориальные изменения», чем предусмотренные первой частью договора¹³⁹. Неизвестно, обсуждал ли Сабуров данный проект с кем-либо из греческих политиков. Скорее всего, нет. Важно другое — российское правительство не исключало принципиальной возможности заключить подобного рода договор, о чем свидетельствует пометка Горчакова на полях донесения: «Мы об этом будем говорить»¹⁴⁰. Однако события развивались столь стремительно, что опередили намерения российского посланника в Афинах.

30 мая 1878 г. было подписано секретное англо-русское соглашение об изменении Сан-Стефанского договора. Его условия случайно вскоре стали известны всей Европе. Согласно этому соглашению статья XV Сан-Стефанского договора должна была измениться «таким образом, чтобы другие державы, и особенно Англия, так же как и Россия, имели совещательный голос в будущей организации Эпира, Фессалии и прочих христианских областей, оставшихся под владычеством Порты»¹⁴¹. Никаких территориальных приобретений Греция не получала. «Опубликование ... условий, на которых сошлись русское и английское правительство, — писал Сабуров, — произвело на греков такое воздействие, которое можно было бы сравнить только с приемом, оказанным ими Сан-Стефанскому договору»¹⁴². Следует, правда, отметить, что Россия, несмотря на условия соглашения 30 мая, не выступала против удовлетворения требований Греции. 15 июня Горчаков направил Сабурову депешу, в которой отмечалось, что император сохранил свое «традиционное доброжелательное отношение к Греции», хотя правительство этой страны

и «позволяло себе во время политического кризиса, который мы преодолеваем, протянуть руку нашим противникам». Поэтому, продолжал канцлер, считая своей главной целью «освобождение христиан Востока», российское правительство заверяет греческое, что во время работы конгресса «представители России не потеряют из виду законные интересы греческой расы»¹⁴⁵. В то же время Англия, получившая после подписания Кипрской конвенции 4 июня 1878 г. в «аренду» остров Кипр — важный стратегический пункт Средиземноморья, стала ревностной защитницей территориальной целостности Османской империи, а Дизраэли (лорд Биконсфилд) не соглашался даже на обсуждение вопроса о присоединении к Греции Эпира, Фессалии и Крита, на чем, помимо России, настаивали и Австро-Венгрия, и Франция¹⁴⁴. А министр иностранных дел Солсбери в письме Уиндхему в начале июня рекомендовал убедить правительство Греции в необходимости сдержанности. Чрезмерные же требования Афин, по его мнению, могут изменить не в лучшую сторону отношение держав к Греции на предстоящем конгрессе¹⁴⁵.

Как известно, европейский ареопаг в Берлине начал свою работу 13 июня 1878 г. Для участия в нем была сформирована делегация Греческого королевства. Первоначально руководителем делегации был назначен Трикупис, но в самый последний момент его сменил Делияннис. Трикупис же был направлен с миссией в Лондон и Петербург, чтобы разъяснить там суть греческих требований. Кроме Делиянниса в состав делегации вошли посланники Греции в Берлине Рангавис и в Петербурге Враилас-Арменис¹⁴⁶. После того, как стало очевидным, что рассчитывать на помощь Англии не приходится (хотя Лондон и обещал посодействовать в допуске Афин — но не с первого заседания работы конгресса¹⁴⁷), Греция решила сделать ставку на сочувствие других держав, в частности, Франции, не исключая полностью возможное содействие со стороны России.

На втором заседании конгресса 17 июня 1878 г. был поставлен вопрос о допуске к его работе греческой делегации. С речью по этому поводу выступил министр иностранных дел Великобритании Солсбери. Обосновывая необходимость присутствия греков на конгрессе, он заявил, что если славяне могут надеяться на помощь и покровительство России, то греческий народ подобного защитника не имеет. Поэтому Англия ходатайствует о допущении греческой делегации на те заседания, «в которых будут обсуждены вопросы, имеющие связь с интересами греческого племени». Такая постановка вопроса удовлетворила всех участников форума, и по предложению французского представителя И. Депре было решено допустить греческих делегатов «к изложению замечаний Греции, когда речь пойдет об определении участи пограничных провинций королевства». В то же время Горчаков заметил, что Россия симпатизирует не только славянам, но и всем христианским народам Турции¹⁴⁸.

На следующем заседании, 19 июня, глава российской делегации зачитал документ, касавшийся греческого вопроса. В нем говорилось: «Россия всегда имела в виду интересы христиан в Турции без различия племени. Вся ее история достаточно доказала это... Россия всегда имела в виду распространить насколько возможно на греческие провинции преимущества, которые ей удавалось завоевать для болгар... Вследствие этого Императорское Российское правительство с готовностью присоединится к каждому предложению, которое будет сделано на конгрессе в пользу Эпира, Фессалии и Крита, каковы бы ни были размеры, которые державы пожелают дать преимуществам им назначенным»¹⁴⁹. Сообщая о реакции греческого народа на позицию России, Сабуров отмечал, что заявления канцлера произвели в Греции глубокое впечатление и полностью повернули общественное мнение в пользу России¹⁵⁰.

Вильям Генри Ваддингтон (1826–1894), французский политик британского происхождения. Министр иностранных дел Франции (1877–1879) в кабинете Армана Дюфора. В греческой историографии считается «филэллином»: несмотря на противодействие британского коллеги Роберта Солсбери, именно Ваддингтон сумел добиться на Берлинском конгрессе 1878 г. существенного расширения территории Греческого королевства.
Афины, Библиотека Геннадийон

29 июня 1878 г. перед делегатами конгресса выступили Делианнис и Рангавис. Министр иностранных дел Греции отметил в своем выступлении, что решение о присоединении Фессалии, Эпира и Крита к королевству отвечало бы, с одной стороны, интересам Европы, поскольку непрекращающееся повстанческое движение в этих землях может в конечном счете разжечь пожар новой войны на Балканском полуострове, а с другой — интересам Турции, поскольку это избавило бы последнюю от необходимости тратить огромные средства на подавление этих восстаний, а также привело бы к более добрососедским отношениям между Турцией и Грецией. Делианнис говорил также и о том, что Греческому королевству очень трудно оказывать помощь повстанцам, так как бюджет королевства невелик; расходуемые же средства могли бы быть употреблены на развитие экономики страны. Рангавис добавил к этому, что небольшая территория королевства не способствует благосостоянию Греции. Увеличение этой территории «не только необходимо для самого существования Греции, но и для мира на

Земли, присоединенные к Греции в 1881 г. согласно решениям Берлинского конгресса 1878 г.

Востоке», заключил греческий дипломат⁴⁵¹. В последовавших после этого заседания закулисных переговорах было принято решение, оглашенное французским министром иностранных дел В.Г. Ваддингтоном на заседании 5 июля: «Конгресс приглашает Высокую Порту условиться с Грецией для исправления границ в Фессалии и Эпире и выражает мнение, что исправление это могло бы следовать долиной Саламириас (древнего Пеней) на берегу Эгейского моря и долиной Каламас со стороны Ионического моря. Конгресс питает уверенность, что заинтересованные стороны смогут прийти к соглашению. Во всяком случае, для облегчения успеха переговорам державы готовы предложить обеим сторонам свое прямое посредни-

чество»¹⁵². Это неопределенное решение привело к тому, что спор между Турцией и Грецией относительно Эпира и Фессалии продолжался еще три года, не раз ставил оба государства на грань военного конфликта и закончился подписанием Константинопольских соглашений 24 мая 1881 г. между Турцией и державами (Англией, Францией, Германией, Австро-Венгрией, Россией и Италией), и 2 июля 1881 г. между Грецией и Турцией, по которым к Греции отошли Фессалия и округ Арта в Эпире. Что же касается Крита, то конгресс в основном сохранил соответствующее положение Сан-Стефанского договора¹⁵³. В октябре 1878 г. Порты предоставила Криту частичную административную автономию, закрепленную в Халепском пакте (об этом будет сказано ниже).

По окончании работы Берлинского конгресса по существу завершился Восточный кризис 70-х годов XIX в. Греция могла чувствовать себя удовлетворенной, поскольку решения конгресса объективно способствовали консолидации греческой нации, делу национального освобождения греков. Греция должна была получить земли, удобные для земледелия, что содействовало развитию страны. Присоединение Фессалии и части Эпира к Греческому королевству знаменовало собой завершение многовековой борьбы жителей этих земель за освобождение от османского ига. Оно придало гигантское ускорение национально-освободительному движению в других исконно греческих землях. Однако для окончательного решения задач национально-освободительного движения греческому народу предстояло пройти путь упорной и длительной борьбы, завершившийся лишь по окончании Балканских войн 1912–1913 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ III

- ¹ Московские ведомости. 27. IV. 1877 (русские газеты датируются в соответствии со старым стилем).
- ² АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1877. Д. 7. Л. 15. Донесение П.А. Сабурова Н.К. Гирсу, 12. V. 1877; Л. 10. Письмо П.А. Сабурова А.М. Горчакову, 28. IV. 1877.
- ³ Там же. Д. 8. Л. 127. Секретная телеграмма в.к. Николая Николаевича П.А. Сабурову, 15. IV. 1877.
- ⁴ Там же. Л. 126. Секретная телеграмма П.А. Сабурова в.к. Николаю Николаевичу, 16. IV. 1877.
- ⁵ Там же. Д. 7. Л. 152. Телеграмма П.А. Сабурова А.М. Горчакову, 23. IV. 1877.
- ⁶ *Driault E., Lheritier M.* Op. cit. P. 417.
- ⁷ Ibid.
- ⁸ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1877. Д. 8. Л. 172. Донесение П.А. Сабурова А.М. Горчакову, 4. V. 1877.
- ⁹ *Driault E., Lheritier M.* Op. cit. P. 418.
- ¹⁰ *Laskaris S.* *Diplomatiki istoria tis Ellados 1821–1914.* Athinai, 1947. S. 147.
- ¹¹ Московские ведомости. 24. VI. 1877; АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1877. Д. 7. Л. 178. Телеграмма П.А. Сабурова А.М. Горчакову, 28. VI. 1878.
- ¹² *Markezinis Sp.* *Politiki istoria tis neoteris Ellados.* T.2. Athinai, 1968. S. 116.
- ¹³ *Kofos E.* *O ellinismos...* S. 84.
- ¹⁴ Московские ведомости. 9. VI. 1877.
- ¹⁵ *Driault E., Lheritier M.* Op. cit. P. 420.
- ¹⁶ *Kofos E.* *Greek Insurrectionary Preparations...* P. 183–184.

- ¹⁷ ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 810. Л. 27. Письмо Королевы эллинов в.к. Константину Николаевичу, 8. XII. 1878.
- ¹⁸ ИЕЕ. Т. IД'. Athina, 1977. S. 126.
- ¹⁹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1878. Д. 7. Л. 309. Приложение к донесению П.А. Сабурова А.М. Горчакову, 4. IV. 1878. В XIX в. численность греческого батальона составляла 1 тыс. чел.
- ²⁰ *Kofos E.* O ellinismos... S. 78; Idem. Greek Insurrectionary Preperations... P. 183.
- ²¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1878. Д. 7. Л. 312, 314. Приложение к донесению П.А. Сабурова А.М. Горчакову, 4. IV. 1878; 1877. Д. 8. Л. 563, 566, 569. Приложение к донесению П.А. Сабурова А.М. Горчакову, 27. IX. 1877. Вооруженные силы Румынии, Сербии, Черногории, Египта и Греции. СПб., 1876. С. 102 (далее — Вооруженные силы...).
- ²² АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1878. Д. 7. Л. 305–308. Приложение к донесению П.А. Сабурова А.М. Горчакову, 4. IV. 1878; 1877. Д. 8. Л. 568. Приложение к донесению П.А. Сабурова А.М. Горчакову, 27. IX. 1877.
- ²³ ИЕЕ. Т. IIГ'. S. 326.
- ²⁴ См.: Вооруженные силы... С. 58–59.
- ²⁵ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1878. Д. 7. Л. 315–318. Приложение к донесению П.А. Сабурова А.М. Горчакову, 4. IV. 1878.
- ²⁶ Вооруженные силы... С. 110–111.
- ²⁷ *Sabouloff P.A.* Ma mission... Л. 242. Г.Л. Арш отмечает, что в казне не хватало средств, а бюджет 1876 г. был сведен с дефицитом в 3 млн драхм. // *Арш Г.Л.* Греция и Восточный кризис... С. 176.
- ²⁸ Цит. по: *Driault E., Lheritier M.* Op. cit. P. 415.
- ²⁹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1877. Д. 7. Л. 136, 141. Телеграммы П.А. Сабурова А.М. Горчакову, 18. II, 6. IV. 1877.
- ³⁰ Там же. Л. 154. Телеграмма П.А. Сабурова А.М. Горчакову, 29. IV. 1877.
- ³¹ *Kofos E.* Greece and the Eastern crisis... P. 50–52. В одном из донесений Сабуров пишет о Беккере как о «бывшем офицере сербской

- армии» // АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1877. Д. 8. Л. 148. Донесение П.А. Сабурова А.М. Горчакову, 28. IV. 1877.
- ³² АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876. Д. 8. Л. 103. Донесение П.А. Сабурова А.М. Горчакову, 15. IV. 1876.
- ³³ Там же. 1877. Д. 7. Л. 136. Телеграмма П.А. Сабурова А.М. Горчакову, 18. II. 1877.
- ³⁴ Там же. Л. 186. Телеграмма П.А. Сабурова А.М. Горчакову, 9. VI. 1877. То, что под «комитетом Михоса» скрывалась этерия «Adelphotis», становится очевидным при сопоставлении содержания ряда телеграмм и донесения П.А. Сабурова А.М. Горчакову от 28. VII. 1877 // Там же. Д. 8. Л. 426–428.
- ³⁵ *Kofos E.* О *ellinismos*... S. 86. В состав Центрального комитета этерий входили: от «Ethniki Amyua» — П. Каллигас, Г. Василиу, М. Мелас, С. Скулудис; от «Adelphotis» — Н. Дамаскинос, К. Исхомахос, Л. Пасхалис и С. Аравандинос. Кроме того, в ЦК входили представители правительства — А. Михос, А. Валтинос и С. Суцос (все трое — военные).
- ³⁶ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1877. Д. 7. Л. 42. Письмо П.А. Сабурова А.М. Горчакову, 9. VI. 1877.
- ³⁷ *Kofos E.* Greece and the Eastern crisis... P. 114–115.
- ³⁸ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1877. Д. 7. Л. 42. Письмо П.А. Сабурова А.М. Горчакову, 9. VI. 1877.
- ³⁹ Там же. Л. 189. Телеграмма П.А. Сабурова А.М. Горчакову, 14. VI. 1877.
- ⁴⁰ Там же. Л. 42. Письмо П.А. Сабурова А.М. Горчакову, 9. VI. 1877.
- ⁴¹ Там же. Л. 45. Донесение П.А. Сабурова Н.К. Гирсу, 30. VI. 1877.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Там же. Л. 191, 194. Телеграммы П.А. Сабурова А.М. Горчакову, 18, 21. VI. 1877.
- ⁴⁴ Там же. Л. 206. Донесение П.А. Сабурова А.М. Горчакову, 6. VII. 1877.
- ⁴⁵ Там же. Л. 46. Донесение П.А. Сабурова Н.К. Гирсу, 30. VI. 1877.
- ⁴⁶ Там же. Л. 49–50. Донесение П.А. Сабурова Н.К. Гирсу, 7. VII. 1877.

- ⁴⁷ Там же. Л. 47. Донесение П.А. Сабурова Н.К. Гирсу, 30. VI. 1877; Д. 8. Л. 427. Донесение П.А. Сабурова А.М. Горчакову, 28. VII. 1877. Сам факт передачи Вулгарисом половины полученных винтовок «ответственным организаторам повстанческих приготовлений в Афинах» известен современным историкам (см., например, *Kofos E. O ellinismos...* S. 116). Однако мотивы, вынудившие его пойти на такой шаг, оставались не совсем понятными.
- ⁴⁸ Там же. Л. 426–428. Донесение П.А. Сабурова А.М. Горчакову, 28. VII. 1877; *Kofos E. O ellinismos...* S. 87.
- ⁴⁹ *Laskaris S. O.p. S. 149–150; Driault E., Lheritier M. Op. cit. P. 420.*
- ⁵⁰ Опубликованные документы британского министерства иностранных дел. // Московские ведомости. 17. III. 1878. Послание Стюарта Э.Г. Дерби, 8. VI. 1877.
- ⁵¹ Там же. Послание Э.Г. Дерби Стюарту, 2. VII. 1877; см. также: *Kofos E. Greece and the Eastern crisis...* P. 118.
- ⁵² *IEE. T. II'. S. 328.*
- ⁵³ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1877. Д. 8. Л. 410. Донесение П.А. Сабурова А.М. Горчакову, 28. VI. 1877.
- ⁵⁴ Там же. Л. 448. Донесение П.А. Сабурова А.М. Горчакову, 28. VII. 1877.
- ⁵⁵ *Sabouroff P.A. Ma mission...* Л. 242.
- ⁵⁶ *Арш Г.Л. Указ соч. С. 179.*
- ⁵⁷ *Laskaris S. La politique exterieure de la Grece avant et apres le Congres de Berlin (1875–1881). Paris, 1924. P. 86.*
- ⁵⁸ *Sabouroff P.A. Ma mission...* Л. 242–243.
- ⁵⁹ Международные отношения на Балканах 1856 — 1878. С. 385.
- ⁶⁰ *Zoidis G. Patroparadoti filia. Ellada — Rossia. Athina, 1956. S. 177.*
- ⁶¹ *Kofos E. O episkopos Kitrous Nikolaos kai i epanastasi toy 1878: ta anekdota apomnimoneymata tou. Thessaloniki IMHA, 1980. S. 200–201.*
- ⁶² *Driault E., Lheritier M. Op. cit. P. 423.*
- ⁶³ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1877. Д. 8. Л. 470. Донесение П.А. Сабурова А.М. Горчакову, 11. VIII. 1877.

- ⁶⁴ Там же. Д. 7. Л. 231. Телеграмма П.А. Сабурова А.М. Горчакову, 18. VIII. 1877.
- ⁶⁵ *Laskaris S.* Op. cit. P. 88.
- ⁶⁶ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1877. Д. 8. Л. 488–490. Донесение П.А. Сабурова А.М. Горчакову, 1. IX. 1877.
- ⁶⁷ Там же. Л. 504–506. Донесение П.А. Сабурова А.М. Горчакову, 1. IX. 1877.
- ⁶⁸ *Driault E., Lheritier M.* Op. cit. P. 429.
- ⁶⁹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1877. Д. 7. Л. 241. Телеграмма П.А. Сабурова А.М. Горчакову, 5. IX. 1877.
- ⁷⁰ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1877. Д. 8. Л. 529. Донесение П.А. Сабурова А.М. Горчакову, 8. IX. 1877.
- ⁷¹ *Арш Г.Л.* Указ. соч. С. 182; Международные отношения на Балканах 1856–1878. С. 386.
- ⁷² АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1877. Д. 7. Л. 248. Дешеша П.А. Сабурова А.М. Горчакову, 13. X. 1877.
- ⁷³ Там же. Л. 354–355. Дешеша А.М. Горчакова П.А. Сабурову, 31. X. 1877.
- ⁷⁴ Там же. Д. 8. Л. 591. Донесение П.А. Сабурова А.М. Горчакову, 17. XI. 1877.
- ⁷⁵ Там же. Д. 7. Л. 261. Телеграмма П.А. Сабурова А.М. Горчакову, 16. XI. 1877.
- ⁷⁶ Там же. Л. 271. Телеграмма П.А. Сабурова А.М. Горчакову, 6. XII. 1877.
- ⁷⁷ *Driault E., Lheritier M.* Op. cit. P. 442.
- ⁷⁸ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1877. Д. 8. Л. 603. Донесение П.А. Сабурова А.М. Горчакову, 7. XII. 1877.
- ⁷⁹ Там же. Л. 620. Донесение П.А. Сабурова А.М. Горчакову, 15. XII. 1877.
- ⁸⁰ Там же. Л. 639. Донесение П.А. Сабурова А.М. Горчакову, 22. XII. 1877.
- ⁸¹ Московские ведомости. 3. I. 1878.
- ⁸² *Sabouroff P.A.* Ma mission... Л. 243.

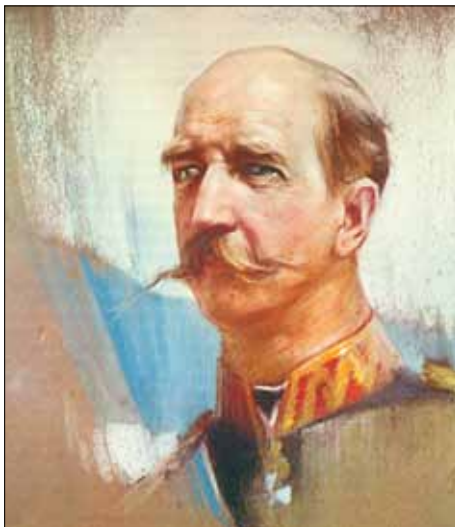
- ⁸³ АВПРИ. Ф. Канцелярия, 1878. Д. 7. Л. 797. Телеграмма П.А. Сабурова А.М. Горчакову, 11. I. 1878.
- ⁸⁴ *Driault E., Lheritier M.* Op. cit. P. 448.
- ⁸⁵ См. в этой связи: АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1877. Д. 7. Л. 281. Телеграмма П.А. Сабурова А.М. Горчакову, 1. I. 1878.
- ⁸⁶ *Sabouroff P.A.* Ma mission... Л. 243.
- ⁸⁷ Московские ведомости. 25. I. 1878.
- ⁸⁸ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1878. Д. 7. Л. 815. Телеграмма П.А. Сабурова А.М. Горчакову, 18. I. 1878.
- ⁸⁹ Там же. Л. 819. Телеграмма П.А. Сабурова А.М. Горчакову, 22. I. 1878.
- ⁹⁰ *Koukkou E.* Anekdoti eggrafa tou apeleytherotikou kinimatos tis Thessalias kata to 1878 // *Praktika...* S. 317.
- ⁹¹ ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 810. Л. 32. Письмо Королевы эллинов в.к. Константину Николаевичу, 12. III. 1878.
- ⁹² АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1878. Д. 7. Л. 943. Телеграмма А.М. Горчакова П.А. Сабурову, 28. I. 1878.
- ⁹³ *Арш Г.Л.* Указ. соч. С. 184.
- ⁹⁴ *Kofos E.* Greece and the Eastern crisis... P. 158. Историю с депешей агентства Гавас см. в: *Driault E., Lheritier M.* Op. cit. P. 454.
- ⁹⁵ Международные отношения на Балканах 1856–1878. С. 388.
- ⁹⁶ *Diplomatika eggrafa peri tou ellinikou zitimatos. Athinai*, 1878. № 56; *Игнатьев Н.П.* Сан-Стефано. Пг., 1916. С. 121; Московские ведомости. 24. I. 1878.
- ⁹⁷ *Sabouroff P.A.* Ma mission... Л. 243.
- ⁹⁸ Международные отношения на Балканах 1856–1878. С. 389.
- ⁹⁹ *Sabouroff P.A.* Ma mission... Л. 244–245.
- ¹⁰⁰ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1878. Д. 7. Л. 831. Телеграмма П.А. Сабурова А.М. Горчакову, 4. II. 1878.
- ¹⁰¹ *Sabouroff P.A.* Ma mission... Л. 245.
- ¹⁰² В конце апреля 1878 г. Сабурову по ходатайству Горчакова был пожалован чин тайного советника. См.: АВПРИ. Ф. Миссия в Афинах. 1878. Д. 1023. Л. 52. В 1879 г. Сабуров был назначен послом в Берлине.

- ¹⁴⁰³ *Kofos E.* Greece and the Eastern crisis... P. 163–164.
- ¹⁴⁰⁴ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1878. Д. 7. Л. 68–69. Донесение П.А. Сабурова А.М. Горчакову, 8. II. 1878; Международные отношения на Балканах 1856–1878. С. 389.
- ¹⁴⁰⁵ *Игнатъев Н.П.* Сан-Стефано. С. 200.
- ¹⁴⁰⁶ *ИЕЕ. Т. II*'. S. 322.
- ¹⁴⁰⁷ *Driault E., Lheritier M.* Op. cit. P. 471.
- ¹⁴⁰⁸ Опубликованные документы британского МИД. // Московские ведомости. 17. III. 1878. Т. Делияннис — лорду Э.Г. Дерби, 23. II. 1878.
- ¹⁴⁰⁹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1878. Д. 7. Л. 842. Донесение П.А. Сабурова А.М. Горчакову, 19. II. 1878.
- ¹⁴¹⁰ ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 810. Л. 31–37. Письмо Королевы эллинов в.к. Константину Николаевичу, 2. III. 1878.
- ¹⁴¹¹ *Чернов С.Л.* Россия на завершающем этапе Восточного кризиса 1875–1878 годов. М., 1984. С. 33.
- ¹⁴¹² *Игнатъев Н.П.* Сан-Стефано. С. 16–18, 28–29, 48.
- ¹⁴¹³ *Чернов С.Л.* Указ. соч. С. 34.
- ¹⁴¹⁴ Сборник договоров России с другими государствами 1856 — 1917. С. 168.
- ¹⁴¹⁵ *Кофос Э.* Указ. соч. С. 150.
- ¹⁴¹⁶ *Sabouroff P.A.* Ma mission... Л. 255.
- ¹⁴¹⁷ *Данова Н.* Указ. соч. С. 230.
- ¹⁴¹⁸ *Кофос Э.* Указ. соч. С. 145.
- ¹⁴¹⁹ Опубликованные документы британского МИД. // Московские ведомости. 17. III. 1878. И. Геннадис — Т. Делияннису, 9. III. 1878; *Diplomatika eggrafa...* № 114.
- ¹⁴²⁰ *Driault E., Lheritier M.* Op. cit. P. 471.
- ¹⁴²¹ *Die Grosse Politik der europaischen Kabinette. Bd. 2* (далее — *Die Grosse Politik...*). Berlin, 1927. S. 212. Мюнстер — статс-секретарю по иностранным делам К. фон Бюлову, 9. III. 1878.
- ¹⁴²² Об этом свидетельствует, в частности, депеша германского посла в Петербурге Швайница К. фон Бюлову, 17. III. 1878. См.: *Die Grosse Politik...* № 71.

- ¹²³ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1878. Д. 7. Л. 844. Телеграмма П.А. Сабурова А.М. Горчакову. 25. II. 1878; Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 2. М., 1964. С. 39–40. А.М. Горчаков — П.А. Шувалову, 18. III. 1878.
- ¹²⁴ *Игнатъев Н.П.* Сан-Стефано. С. 338–339.
- ¹²⁵ *Die Grosse Politik...* S. 243. Мюнстер — К. фон Бюлову, 27. III. 1878.
- ¹²⁶ *Naltsas Ch.* Der San-Stefano Vertrag und das Griechentum. Thessaloniki, 1956. S. 55–57.
- ¹²⁷ Московские ведомости. 10. III. 1878.
- ¹²⁸ *Игнатъев Н.П.* После Сан-Стефано. Пг., 1916. С. 109.
- ¹²⁹ Московские ведомости. 9. III. 1878.
- ¹³⁰ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1878. Д. 7. Л. 228. Выписка из газеты «*Messenger d'Athenes*», 25. II. 1878.
- ¹³¹ *Driault E., Lheritier M.* Op. cit. P. 478.
- ¹³² АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1878. Д. 7. Л. 847. Телеграмма П.А. Сабурова А.М. Горчакову, 6. III. 1878.
- ¹³³ Там же. Л. 298. Донесение П.А. Сабурова А.М. Горчакову, 4. IV. 1878.
- ¹³⁴ Там же. Л. 325–326. Донесение П.А. Сабурова А.М. Горчакову, 6. IV. 1878.
- ¹³⁵ Там же. Л. 857. Телеграмма П.А. Сабурова А.М. Горчакову, 13. IV. 1878.
- ¹³⁶ Там же. Л. 858. Телеграмма П.А. Сабурова А.М. Горчакову, 17. IV. 1878.
- ¹³⁷ Там же. Л. 293. Донесение П.А. Сабурова А.М. Горчакову, 4. IV. 1878.
- ¹³⁸ Там же. Л. 335. Донесение П.А. Сабурова А.М. Горчакову, 13. V. 1878.
- ¹³⁹ Там же. Л. 373–374. Донесение П.А. Сабурова А.М. Горчакову, 13. V. 1878.
- ¹⁴⁰ Там же. Л. 371.
- ¹⁴¹ Сборник договоров России с другими государствами. С. 178.
- ¹⁴² АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1878. Д. 7. Л. 403. Донесение П.А. Сабурова А.М. Горчакову, 7. VI. 1878.

- ¹⁴³ Там же. Л. 968. Депенша А.М. Горчакова П.А. Сабурову, 15. VI. 1878.
- ¹⁴⁴ *Κοφός* Э. Указ. соч. С. 152.
- ¹⁴⁵ *Diplomatika eggrafa...* № 125. И. Геннадииос — Т. Делияннису, 7. VI. 1878.
- ¹⁴⁶ *ΙΕΕ*. Т. II'. С. 347; *Kordatos G. Istoría...* С. 373.
- ¹⁴⁷ *Diplomatika eggrafa...* № 123. И. Геннадииос — Т. Делияннису, 31. V. 1878.
- ¹⁴⁸ Протокол № 2 // *Documents Diplomatiques. Affaires d'Orient. Congres de Berlin 1878* (далее — DD). Paris, 1878. P. 74–75.
- ¹⁴⁹ Протокол № 4 // *Ibid.* P. 82–84.
- ¹⁵⁰ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1878. Д. 7. Л. 877. Телеграмма П.А. Сабурова А.М. Горчакову, 2. VIII. 1878.
- ¹⁵¹ Протокол № 9 // DD. P. 152–155.
- ¹⁵² Протокол № 13 // *Ibid.* P. 200–201.
- ¹⁵³ Сборник договоров России с другими государствами. С. 193.

За долгие годы своего правления Георг I пережил не один политический или международный кризис. И в большинстве случаев он преодолевал их вполне успешно благодаря своему дару «монархической дипломатии», не раз отмеченному его современниками. *Афины, Библиотека Геннадийон*

И в XIX в., и по сей день греческая кофейня остается «первичной политической ячейкой» общества. *Афины, Национальный Исторический музей*

Отряды регулярной греческой армии готовятся к вторжению в Фессалию (см. также ниже и справа вверху).
Афины, Национальный Исторический музей

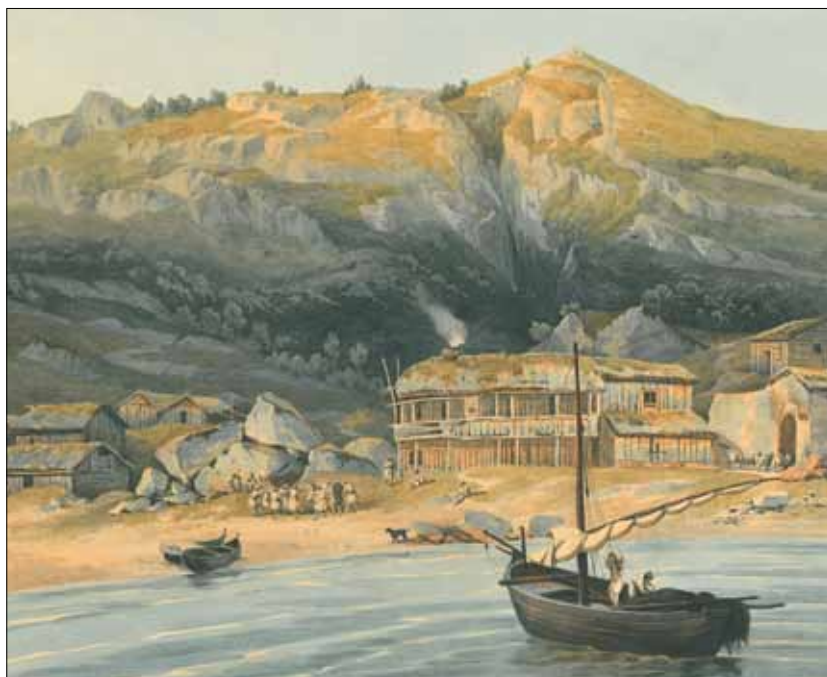
Берлинский конгресс 1878 г. Афины, Библиотека Геннадийон

В последней четверти XIX в. греки считали Стамбул (Константинополь) главным центром «порабощенного эллинизма». Из 650 тыс. жителей (1878 г.) 250 тыс. были греками. Греки играли ведущую роль в экономике столицы Османской империи, особенно в финансово-банковской сфере

Берег моря в Пелопоннесе (справа вверху).
Москва, из собрания В.П. Меншикова

Школа Гомера в Итаке (справа внизу).
Москва, из собрания В.П. Меншикова

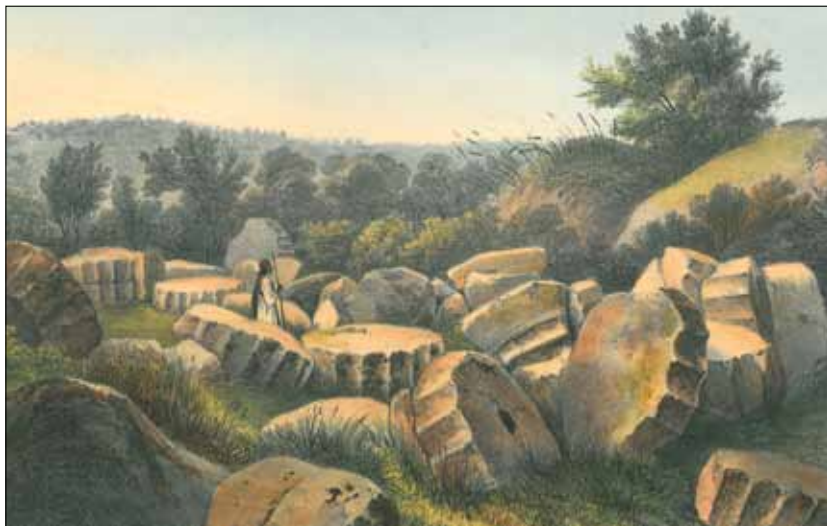
Храм Эрехтейон на афинском Акрополе.
Москва, из собрания В.П. Меншикова

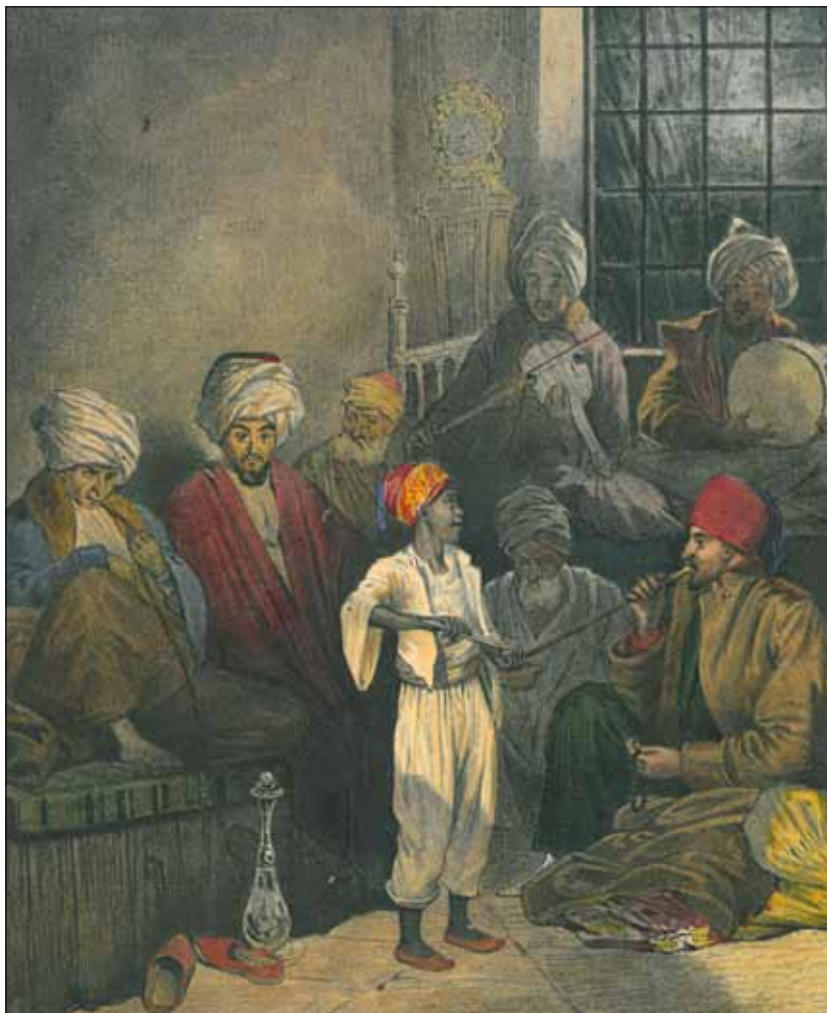
Храм Зевса Олимпийского в Афинах.
Москва, из собрания В.П. Меншикова

Храм Аполлона Эпикурейского в Бассах (Фигалии).
Москва, из собрания В.П. Меншикова

Развалины храма Зевса в Олимпии.
Москва, из собрания В.П. Меншикова

Кофейня в Смирне (Измире). Москва, из собрания В.П. Меньщикова

ГЛАВА IV

ПРОВИНЦИИ

*Рабы, рабы! Иль вами позабыт
Закон, известный каждому народу?
Вас не спасут ни галл, ни москвит,
Не ради вас готовят их к походу,
Тиран падет, но лишь другим в угоду.
О Греция! Восстань же на борьбу!
Раб должен сам добыть себе свободу!*

Джордж Гордон Байрон. Паломничество
Чайлд-Гарольда. 1812 г. Перевод В. Левика

ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ К ОСВОБОЖДЕНИЮ

В данной главе речь пойдет о событиях в тех самых «исконно греческих землях», на воссоединение которых с Грецией были брошены все силы Афин в период Восточного кризиса 1870-х гг. (включая освещение основных этапов освободительной борьбы в предшествующие десятилетия). Причем основной упор автор решил сделать на освещении ситуации на острове Крит, где уровень политического сознания, пожалуй, был гораздо выше, чем, например, в Фессалии, Эпире и Македонии, и где проявились во всей полноте как мирные, реформистские, так и вооруженные, революционные формы борьбы за освобождение. Можно также утверждать, что «критская модель», несмотря на все ее своеобразие, позволяет выявить и некоторые типологические черты, которые были характерны для остальных балканских народов, боровшихся против турецкого господства.

Остров Крит, один из очагов цивилизации, был и остается наиболее крупным из островов, населенных греками (не считая, конечно, Кипра). По данным на 1881 г. численность его населения составляла 276 208 человек, 202 934 из которых по своему вероисповеданию относились к православным христианам и 72 353 — к мусульманам. Имеются сведения о том, что соотношение между мусульманской и христианской общинами находилось в соотношении 1:3 на всем протяжении XIX в. Помимо основных этнорелигиозных групп, на острове проживало также незначительное число католиков (253 чел.) и евреев-иудеев (647 чел.). Мусульмане составляли большинство в трех самых больших городах — администра-

тивном центре критского вилайета Канее (современная Ханья), Ретимноне (Ретимно) и Кандии (Ираклионе). В других городах и населенных пунктах острова преобладали христиане, а районы Сфакии и Лассити были исключительно христианскими¹.

Приблизительно 7/8 жителей Крита (на 1847 год) были заняты в сельском хозяйстве — главной отрасли экономики острова. По-видимому, эта цифра в XIX в. менялась незначительно. Основными сельскохозяйственными культурами были оливки, виноград, ячмень (кстати, главный продукт питания на Крите), пшеница, смоква, каштаны, миндаль, лен и хлопок (правда, весьма невысокого качества), цитрусовые, табак. Продукты переработки винограда — коринка (особый сорт изюма) и вино — предназначались на экспорт². Стоит, пожалуй, отметить, что только треть критских земель использовалась в полной мере; вторая треть, хотя и пригодная для обработки, лежала невозделанной из-за нехватки рабочей силы. Последнюю треть составляли скалы, поросшие кустарником, где летом паслись стада домашних животных — преимущественно неприхотливых коз³.

Ремесленное производство было развито в таких отраслях, как мыловарение, переработка кож, обработка хлопка. Изделия ремесленников, как и часть сельскохозяйственной продукции, экспортировались во многие страны Европы и Азии (Турцию, Египет, Россию и другие). Внешняя торговля традиционно находилась в руках греков. Структура импорта определялась слабым развитием местной промышленности: на остров ввозились железо, шерстяные и хлопчатобумажные ткани, стекло, а также бакалейные товары — кофе, сахар, рис и т.п.⁴.

Мусульманская община Крита состояла преимущественно из греков, диссимилировавшихся в XVII — XVIII вв. по причинам экономического и политического характера. Принятие ислама освобождало подданных Османской империи

от уплаты подушного налога — хараджа, открывало доступ в армию и административные органы. В силу своего происхождения критские мусульмане имели немало точек соприкосновения с соседями-христианами — общность языка, обычаев, привычек, обрядов. Нередкими были смешанные браки, создание совместных торговых предприятий, проживание мусульман и христиан в одних и тех же районах городов⁵. Все перечисленные факторы свидетельствуют о том, что в критском обществе существовала объективная база для мирного сосуществования основных этнорелигиозных групп, которая могла бы содействовать развитию реформистского направления в национально-освободительном движении. В пользу такого предположения свидетельствует и тот факт, что критян-мусульман отличала невысокая степень религиозного фанатизма и большая веротерпимость, чем, например, у турок, поскольку принятие ислама не было для них актом осознанного религиозно-этнического выбора. Следствием этого стала заметная политическая индифферентность мусульманской деревни. Что же касается представителей этой общины в городах, то лишь отдельные группы мусульман имели четкие политические интересы. Если же и происходили межобщинные столкновения, то за фасадом религиозной борьбы чаще всего скрывались социально-экономические причины: городская мусульманская беднота поголовно находилась в долговой зависимости от христиан — предпринимателей, торговцев и ростовщиков — и надеялась, что сможет сбросить с себя эту кабалу в результате беспорядков. На селе и в тех районах острова, где экономические отношения между общинами носили более равноправный характер, подобных столкновений не было даже в эпоху кризисов⁶.

В результате вооруженные акции, потрясавшие Крит на всем протяжении XIX в., были в основном направлены не против соседей-мусульман, а против османского режима в

целом. Среди причин многочисленных критских восстаний можно выделить и стремление критян к воссоединению с Грецией, и их надежды на избавление от налогового гнета, основу которого составляли традиционный для немусульманских подданных Порты харадж, десятина (ашар), доходившая на деле до 12,5 % дохода, а также военный налог (бедель и-аскерие), взимавшийся с мужчин независимо от их возраста⁷. Характерная для Порты неупорядоченность налоговой системы вела к производству и злоупотреблениям со стороны турецких чиновников, что не раз приводило к вспышкам народного недовольства. Одной из причин восстаний было, несомненно, и то, что политическая система Османской империи не способствовала развитию капиталистических отношений на Крите, как, впрочем, и в других ее провинциях. Опасаясь произвола турецких властей, греческие купцы и банкиры не спешили вкладывать свои капиталы в выгодные предприятия. Наконец, христианское население Крита страдало от политической дискриминации. До начала эпохи танзимата (1839 г.) христиане были лишены всех прав: фактически не могли служить в местной администрации, подвергались притеснениям со стороны судебной власти, их имущество не было защищено законом. Да и впоследствии многие прогрессивные положения знаменитых султанских указов — хатт-и-шерифа 1839 г. и хатт-и-хумаюна 1856 г. оставались на бумаге, ограничивая участие коренного населения в управлении островом⁸.

Вместе с тем христианская община Крита не была единой. Внутри нее существовало несколько уровней противоречий, которые не позволяли христианскому большинству достичь состояния политической стабильности и единства взглядов и сохранить его на более-менее длительный промежуток времени, что, в свою очередь, могло бы привести к преобладанию одного из направлений в освободительном движении — ре-

волюционного или реформистского. Следует особо подчеркнуть, что эти противоречия не носили антагонистического характера.

В основе первой группы противоречий лежал геополитический фактор. Дело в том, что по своему географическому положению Крит можно условно разделить на две отличающиеся друг от друга природные зоны. Северная часть острова представляет собой долину, в которой было сосредоточено сельскохозяйственное производство. В этом районе находились и все значительные населенные пункты, включая Канею, Кандию и Ретимнон. Центр и юг Крита — области горные, в определенной степени изолированные от других частей острова. Население северной зоны было наиболее уязвимым для любого военного конфликта на Крите. Как это не раз случалось во время восстаний, жители долины, имущество которых было преимущественно недвижимым (дома, поля и т.п.), больше других христиан страдали как от самих боевых операций, так и от неизбежного после подавления выступлений турецкого возмездия. В итоге постепенно происходила трансформация их политического сознания, характерными чертами которого все более становилось стремление к компромиссу с османскими властями и к решению национального вопроса мирным путем.

Христиане горных районов имели совсем другой менталитет. Особенностью социальной организации горцев было сохранение у них патриархально-клановой структуры. Клан, будучи основной социально-экономической единицей, выполнял одновременно и военные функции. Подчинение его членов авторитарной власти вождя (или капитанлыка) позволяло в случае необходимости превратить клан в сильное боевое формирование, скованное жесткой внутренней дисциплиной. Но сила клана была и его слабостью: разделенным кланам редко удавалось объединиться для организации

общекритского восстания. Ю. Абегг, бывший в последнем десятилетии XIX в. сотрудником российского политического агентства в Софии, писал в этой связи в своей обширной «Заметке о Крите», что повстанцы регулярно терпели поражения, прежде всего вследствие «чрезвычайной разрозненности» и постоянной вражды «не только отдельных уездов, но даже деревень и кланов»⁹. Но, несмотря на это, именно кланы, по существу, являлись основой повстанческих армий. Революционная психология находила здесь благодатную почву также и потому, что члены кланов, не исключая вождей, не были скованы недвижимостью — основой хозяйства в горах было, как уже отмечалось, скотоводство. Это обеспечивало клану максимальную мобильность в момент опасности, не говоря уже о том, что горы всегда были естественным союзником повстанцев, а не их противников.

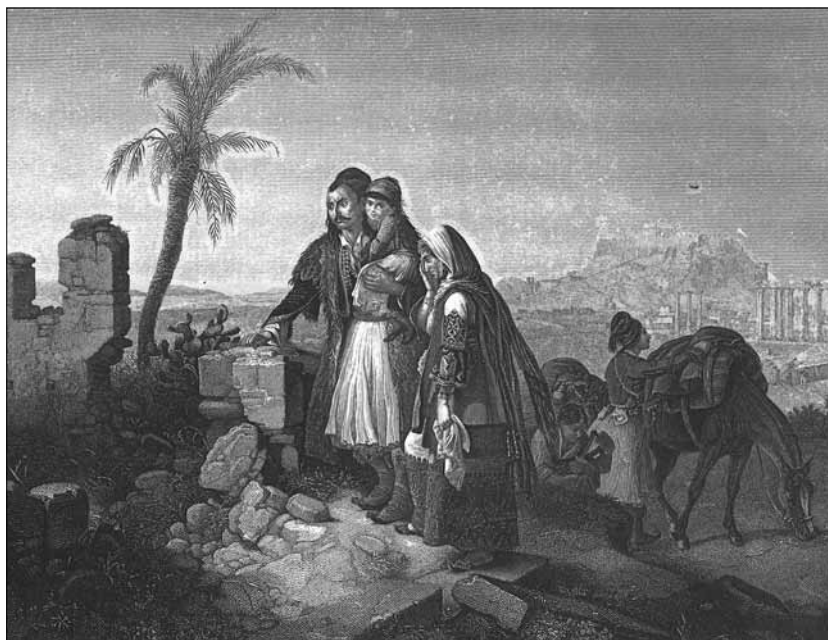
Среди горцев выделялась группа жителей района Сфакии (юго-западный Крит). Сфакиоты имели особый режим налогообложения, а их главным промыслом, помимо скотоводства, была торговля. Греческий историк К. Каллиатаки-Мертикопулу называет сфакиотов наиболее воинственной частью критян, имея в виду, что они являлись застрельщиками восстаний 1821 и 1841 гг. и наиболее активными участниками других выступлений¹⁰. Но эта оценка нуждается в определенной корректировке. Двойственность экономических интересов жителей Сфакии накладывала существенный отпечаток на их политические позиции. Поэтому сфакиоты (в отличие от других горцев) не только не отвергали реформистский путь решения национального вопроса, но и предложили в рассматриваемый период одну из его разновидностей, о чем будет сказано ниже.

Сочетание и переплетение геополитических и экономических факторов было характерно и для другой группы противоречий — между христианами Восточного и Запад-

ного Крита. Восточная часть была наиболее развитым в экономическом отношении районом острова. Ее население, заботившееся об экономическом процветании, было более заинтересовано в спокойствии на Крите, чем жители западных областей, отвергавшие гибкое решение национального вопроса⁴¹. Эти противоречия не были определяющими, их можно условно охарактеризовать как противоречия второго уровня (если под противоречиями первого уровня понимать взаимоотношения между горцами и жителями равнин). То же самое можно сказать и о классовых противоречиях внутри христианской общины — в условиях нерешенности национального вопроса они отходили на второй план. Классовая борьба в рассматриваемый период неизбежно принимала национальную и религиозную окраску и проявлялась главным образом в тех случаях, когда эксплуататоры и эксплуатируемые принадлежали к различным этнорелигиозным группам.

В то же время на протяжении XIX в. постоянно усиливалась тенденция к обособлению мусульманского меньшинства от христианских соплеменников, что особенно наглядно проявилось после Великого критского восстания 1866–1869 гг. Начиная с 1869 г. турецкие власти острова, заинтересованные в сохранении и укреплении своего господства на Крите, проводили политику противопоставления основных этнорелигиозных групп. В качестве главной ее задачи был выдвинут принцип улучшения положения мусульманского меньшинства, повышения уровня его благосостояния и образования за счет христиан. Так, в 1874 г. турецкая администрация Крита издала указ о прекращении преследования за долги, что привело к упадку кредита и торговли — основных традиционных занятий христианского городского населения — и вызвало серьезное недовольство местных торговцев и предпринимателей. Чиновники-христиане были поставлены под

строгий надзор администрации; в судах степень наказания за уголовные преступления стала зависеть от того, кто к нему привлекается: «Там, где для христиан едва достаточно наибольшей степени, — отмечал российский консул в Кане А.Е. Лаговский, — для мусульман, ради нравственной поддержки, довольно наименьшей». Поощряемые властями мусульмане оскорбляли религиозные чувства христиан, и в результате накануне Восточного кризиса 1870-х гг. «ненависть между двумя элементами критского народонаселения значительно увеличилась»¹². Возможность достижения компромисса между основными этнорелигиозными группами постепенно сводилась к нулю, равно как и вероятность развития критского национально-освободительного движения в реформистском

Бегство греческой семьи из турецкого плена.
Москва, из собрания В.П. Меншикова

направлении. Сознававшее свою растущую изолированность в христианской массе и опиравшееся на войска и администрацию, мусульманское меньшинство представляло собой в этот период достаточно сплоченную силу и предпочитало скорее пожертвовать частью своих интересов, чем защищать их вместе с христианами¹³.

Если говорить о политической истории Крита в XIX в., то первое крупное выступление христиан произошло здесь в годы греческой национально-освободительной революции. Оно началось в 1821 г., очагом сопротивления стали горные районы Сфакии. В течение двух лет на острове шли бои, и войска султана не могли сломить сопротивления повстанцев. Лишь посылка на остров в 1824 г. Ибрагима-паши, приемного сына султанского вассала, правителя Египта Мехмеда Али-паши позволила туркам одержать победу. В благодарность за «услугу» Крит был передан султаном Египту, что было закреплено в решениях Лондонской конференции великих держав 1830 г.¹⁴

Период египетского владычества, продолжавшийся до 1841 г., не поддается однозначной оценке. Назначенный вали (генерал-губернатором) острова один из родственников Мехмеда Али-паши албанец Мустафа-паша обещал от имени правителя Египта дать Криту «мир и справедливость», и эти слова не стали пустой декламацией. Как отмечал Ю. Абегг, правление нового генерал-губернатора «во многом отличалось от правления султанских сатрапов периода до 1821 года и даже не лишено было некоторого оттенка гуманности»¹⁵. Так, например, им была сделана попытка в какой-то степени уравнивать права христиан и мусульман: создавались два смешанных совета для судопроизводства в Канее и Канадии, были учреждены два апелляционных совета в Ретимно и Сфакии. Всем критянам, независимо от вероисповедания, запрещалось иметь оружие, что уменьшало вероятность вооруженных столкновений по незначительным поводам. Были

запрещены произвольные сборы и принудительные работы на «местных беев», приняты указы о защите имущества и личности христиан, оживилась торговля, в том числе и внешняя — Крит стал привлекать иностранные капиталы. В Суде открылась больница, строились дороги, водопроводы в крупных городах¹⁶.

В то же время Мустафа-паша был сыном своего времени, и это наложило отпечаток на его деятельность. Ю. Абегг констатировал, что он «не оставил после себя ни одного полезного учреждения, не издал ни одного закона, обладающего жизненностью; дав вздохнуть населению острова, он не подготовил ему условий, в которых он мог бы дышать и впоследствии»¹⁷. «Своим управлением Мустафа-паша доказал, что он вполне готов подражать своему знаменитому родственнику (т.е. Мехмеду Али-паше Египетскому. — С.Ц.); — писал в 1867 году С.К. Смирнов, — в продолжение своего долголетнего губернаторства он высасывал богатства острова неслыханным образом. От одних только сделанных им конфискаций он получил до пяти миллионов драхм. Память о его насилиях, притеснениях, грабежах до сих пор еще жива на острове»¹⁸. В 1833 г. на Крите вспыхнуло восстание, вызванное ростом налогов в связи с войной, которую Мехмед Али-паша вел против своего сюзерена — турецкого султана. Оно было жестоко подавлено генерал-губернатором, использовавшим египетский флот под командованием Османа-паши. Неудача не сломила крестьян, потребовавших в 1837 г. от Мехмеда Али-паши введения «управления, какое существует в Греции»¹⁹. Новое восстание произошло в 1842 г. в Сфакии после того, как в силу трактата великих держав, принятого египетским правителем 15 ноября 1840 г. после его поражения в войне с Портой, остров был возвращен Турции. Как и предыдущее, оно было подавлено войсками Мустафы-паши, оставшегося и в новых услови-

ях генерал-губернатором — вплоть до конца 1852 г., после чего в течение некоторого времени был великим визирем в Константинополе. Последний период его правления на Крите (1841–1852 гг.) был наиболее спокойным в истории острова первой половины XIX в. Вновь ограничив произвол чиновников и мусульманских судей — «кадиев», упорядочив налогообложение, Мустафа-паша временно предотвратил выступления христианского большинства²⁰. Эту линию попытались продолжить его преемники — Мехмед Эмин-паша (1852–1855), «который оставил о себе в Кандии (так в Европе XIX в. часто называли сам остров Крит. Не следует путать с городом Кандия – современным Ираклионом. — С.Ц.) хорошие воспоминания»²¹, и Вели-паша, сын Мустафы-паши, находившийся на посту генерал-губернатора в 1855–1858 гг. В годы правления Вели-паши были построены две городские больницы в Кандии и Канее (этот город стал резиденцией администрации острова), введены муниципальные сборы на их содержание, а также на освещение городов и поддержание чистоты улиц. Кроме того, вали попытался основать совместное народное училище для турок и греков, расширить дорожную сеть, которая соединила бы Канею с другими городами. Однако христианское большинство воспротивилось осуществлению этих планов, считая, что обучение в совместном училище приведет к «отуречиванию» греков, а дороги будут проложены к горным районам — базам возможных восстаний²².

Весной 1858 г. на Крите вспыхнуло восстание, продолжавшееся почти три месяца. Оно было вызвано требованием Порты выплатить налог на рекрутскую повинность сразу за три года. Султанское правительство сумело умиротворить критян провозглашением фирмана, по которому всем участникам выступления даровалась амнистия, христиане получили право носить оружие, запрещалось вмешательство властей в рели-

гиозные дела. Порта обещала отдать под суд вызывающих недовольство народа сборщиков податей, пересмотрев при этом принцип распределения податей. Ряд дел изымался из ведения мусульманского суда. Общины христианских селений получали право выбирать старост (демогеронтов) — посредников между турецкими властями и местным населением²³. Но, как и многие предыдущие распоряжения Порты, этот фирман остался лишь на бумаге.

Наиболее значительное выступление христиан Крита произошло в 1866–1869 гг. Не случайно оно получило название «Великое критское восстание». Его ход хорошо изучен в современной историографии²⁴. Несмотря на героическую четырехлетнюю борьбу критского народа, оно было жестоко подавлено. Сыграл свою роль и внешний фактор: в 1868 г. Греция была вынуждена принять турецкий ультиматум о прекращении всякой помощи повстанцам. Требования Порты были поддержаны участниками Парижской мирной конференции великих держав (1868 г.). В результате жители Крита были предоставлены собственным силам, и вопрос о прекращении вооруженного сопротивления турецким войскам был лишь делом времени.

Тем не менее восстание не окончилось безрезультатно. В 1868 г. султан «даровал» критянам «Органический устав», согласно которому остров представлял собой отдельный вилайет, управлявшийся вали (генерал-губернатором), при котором должны были состоять два советника, один из которых был христианином. Народное собрание (Генеральная ассамблея), созданное во время восстания 1866–1869 гг., превращалось в постоянный, собирающийся на 40 дней в году, совещательный орган. Христиане допускались в административные советы, состав судов. Разрешалось употребление греческого языка в качестве официального в «округах со смешанным населением», т.е. почти на всей террито-

рии Крита, включая его административный центр Канею²⁵. «Органический устав» 1868 г. не выходил за рамки предоставления христианскому населению элементов местного самоуправления, однако в случае его последовательного и добросовестного осуществления мог в какой-то степени сгладить противоречия между мусульманами и христианами Крита и, хотя бы на время, предотвратить новые восстания. Но, как это не раз бывало, слова и дела Порты существенно расходились. К середине 1870-х гг. Крит вновь стал очагом социальной напряженности, возникла реальная угроза нового восстания.

Анализ приведенного материала свидетельствует о том, что в третьей четверти XIX в. в критском обществе существовали потенциальные возможности для развития как революционной, так и реформистской тенденций в решении национального вопроса, в целом находившихся в состоянии динамического равновесия. Однако действия внутренних факторов было явно недостаточно для смещения равновесия в пользу одной из этих тенденций, в результате чего на передний план выходил внешний фактор, игравший роль своеобразного катализатора критского национально-освободительного движения в кризисные эпохи.

Наиболее сильное влияние на позиции критян оказывала политика независимого Греческого королевства, стержневым элементом которой была идея воссоздания Великой Греции в границах бывшей Византийской империи — «Великая идея» или «*Megali idea*» (см. главу первую данной работы). Поскольку в рассматриваемый период греческие правящие круги пытались решать внешнеполитические задачи преимущественно мирным путем, стремясь использовать противоречия между великими европейскими державами, в Афинах рассматривали критское освободительное движение так же, как и борьбу христианского населения в других греческих провин-

циях Османской империи, в качестве своего рода «козырной карты», использование которой в подходящий момент способно привести к желанным результатам (как это, собственно, и произошло на Берлинском конгрессе в 1878 г.). Понимая, что только вооруженная борьба против османского гнета может привлечь внимание держав к «греческому вопросу», правящие круги Греции препятствовали развитию национально-освободительного движения на Крите по реформистскому пути. Одновременно Греция не была заинтересована в форсировании революционной тенденции, ясно отдавая себе отчет в том, что успех любого критского восстания невозможен без складывания благоприятной международной обстановки в регионе. Однако «политика сдерживания», оборотной стороной которой в годы Восточного кризиса зачастую становились обман, лицемерие, интриги со стороны Афин, включая готовность Греции оказать Турции помощь в подавлении восстания в том случае, если оно препятствовало бы достижению определенных внешнеполитических планов греческого руководства²⁶, вызывала недоверие у большинства христианского населения Крита. Это стало одной из причин роста популярности реформистских проектов решения критской проблемы, особенно в 1875–1877 гг. — в канун русско-турецкой войны.

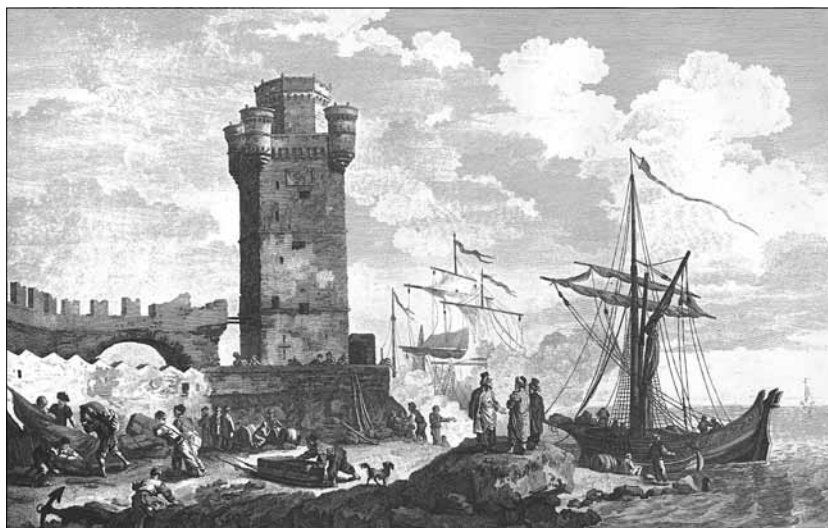
К числу внешних факторов следует отнести деятельность эмигрантов с Крита, наиболее значительные колонии которых находились в Афинах, на Сире (Кикладские острова, Греция) и в Триесте (Австро-Венгрия). Среди критян, эмигрировавших в Грецию, преобладали радикальные настроения. Непререкаемым авторитетом пользовались здесь легендарные вожди Великого критского восстания Хаджимихалис Яннарис, К. Криарис, Э. Маврогенис и другие, являвшиеся убежденными сторонниками революционной борьбы. Созданный уже в период кризиса в Афинах Критский коми-

тет осуществлял подготовку к новому восстанию, получая поддержку общественного мнения и правительственных кругов Греции. Переброска оружия и боеприпасов на Крит осуществлялась через критскую колонию на Сире²⁷. В случае начала восстания население этих колоний готово было сформировать боевые отряды, чтобы принять в нем непосредственное участие.

Выходцы с Крита, проживавшие в Триесте, имели особый взгляд на перспективы критского национально-освободительного движения. Дело в том, что основу здешней колонии составляли торговцы. В Триест отправлялась значительная часть произведенных на Крите мыла, хлопка, льна, оливкового масла и другой сельскохозяйственной продукции. Через Крит проходил морской торговый путь из Триеста в Египет²⁸. Перечисленные факторы определяли склонность населения колонии в Триесте к компромиссному, реформистскому решению критской проблемы.

Наконец, хотелось бы выделить основные моменты, характеризовавшие политику великих держав в отношении Крита во второй половине 1870-х гг. Ведущую роль играла здесь Великобритания. Помимо экономических причин, активность Лондона в этом регионе объяснялась также соображениями военно-стратегического характера. Как указывает российский исследователь О.Б. Шпаро, начиная с 1875 г. британские правящие круги разрабатывали планы захвата плацдарма в Восточном Средиземноморье. В качестве одного из возможных опорных пунктов для создания английской военно-морской базы рассматривался и Крит. Это обусловило активность британской дипломатии на острове в 1875–1877 гг., главными задачами которой стали предотвращение вооруженного конфликта и стабилизация внутривосточной обстановки. К началу 1877 г. англичане отказались от своих замыслов в отношении Крита, поскольку их осуществление потребовало

бы значительных расходов материальных и людских ресурсов, проведения широкомасштабных строительных работ. Не последнюю роль в принятом Лондоном решении сыграли национально-освободительное движение критского народа, его боевые традиции²⁹. Что же касается других европейских держав, то их влияние на Крите было минимальным. Сфера жизненных интересов России, Франции, Германии и Австро-Венгрии находилась в то время далеко от этих мест, в континентальной части Европейской Турции. Следует, правда, подчеркнуть, что Россия традиционно воспринималась критянами как естественная покровительница православных народов Османской империи. Греко-славянские противоречия, существенно осложнившие обстановку на Балканском полуострове, почти не затронули Крит вследствие его удаленности от мест соприкосновения славянского и греческого населения³⁰.

Набережная и башня св. Николая на острове Родос.
Москва, из собрания В.П. Меншикова

Итак, пути развития национально-освободительного движения на Крите в 1875–1878 гг. зависели от многих внутренних и внешних факторов. В каждый конкретный исторический отрезок времени степень воздействия этих сил была различной, но их равнодействующая в конечном итоге обеспечивала преобладание одной из двух рассматриваемых тенденций, в рамках которых существовали альтернативные подходы к решению критской проблемы.

Во многом похожим на критское и в то же время имевшим свои отличительные черты, было историческое развитие Эпира и Фессалии, с 1867 г. входивших вместе с Албанией в Янинский вилайет с центром в Янине. К 1876 г. численность населения Фессалии, по данным переписи, произведенной греческими консулами в Ларисе и Волосе по указанию МИД Греции, составляла 354 230 чел., 311 850 из которых были греками-христианами, 38 730 — мусульманами (турки, черкесы, албанцы и греки), а 3650 — евреями, исповедовавшими иудейскую религию. В Эпире, по данным, собранным в 1878 г. специальным посланником министра иностранных дел Великобритании Солсбери Лонгвортом, из 646 000 жителей христиане составляли $\frac{2}{3}$ (402 000 чел.), а 244 000 были мусульманами. В число христиан, помимо греков, входили албанцы и куцовлахи. В трех из четырех санджаков (турецкая административно-территориальная единица; в греческих провинциях санджаки делились на епархии (каза)) Эпира преобладало христианское население³¹.

Как и на Крите, основу экономики Фессалии и Эпира составляло сельское хозяйство. Здесь выращивались зерновые культуры, чему благоприятствовало географическое положение: значительную часть территории Фессалии занимала плодородная равнина. Равнинными были и районы Эпира, прилегавшие к морю. Кроме того, возделывались маслины, табак (в Янинском санджаке), виноград, миндаль, смоква. Достаточ-

но развитым было животноводство. В ремесленном мелкотоварном производстве выделялись обработка кож, ткачество, а также (в Эпире) — ювелирное дело и вышивание золотом. Продукция сельского хозяйства и ремесленные изделия были основными статьями экспорта Фессалии и Эпира. Провинции торговали с Грецией, Европой (Женева, Ливорно, Триест), Турцией, Египтом. Главными торговыми центрами являлись Лариса, Волос (Фессалия); Янина, Арта (Эпир). Предметами импорта были те же товары, что и на Крите. И Эпир, и, особенно, Фессалия имели в 70-х годах XIX в. положительный баланс внешней торговли: по данным Лонгворта, в 1877 г. Эпир вывозил товары на сумму 250 200 фунтов стерлингов, ввозил — на 249 300, а Фессалия (в 1876 г.) — соответственно на 340 080 и 101 360 ф. ст.⁵².

Национально освободительное движение в Эпире и Фессалии было обусловлено практически теми же причинами, что и на Крите. Танзимат не изменил коренным образом положение христиан в этих провинциях⁵³, хатт-и-шериф и хатт-и-хумайюн проводились в жизнь весьма ограниченно и не привели к равенству христиан и мусульман во всех сферах общественной и экономической жизни. В 50–60-х годах XIX в. здесь, как и во всех провинциях Европейской Турции, наблюдается усиление налогового гнета.

Географическое положение Эпира и Фессалии, казалось, способствовало подъему освободительного движения. Общая граница со свободным греческим королевством давала возможность получения подкреплений из Греции в случае восстаний. Однако нельзя не учитывать и другого фактора — общей границы с иными турецкими владениями, что позволяло Порте в кратчайшие сроки перебрасывать сюда войска для подавления восстаний. В этом смысле положение повстанцев-фессалийцев и эпиротов было менее выгодным, чем, например, критян. В результате восстания, вспыхивавшие практически

каждое десятилетие XIX в., неизменно оканчивались поражением. Причины поражений, помимо названной, заключались, как и на Крите, в локальности выступлений, недостаточной вооруженности и организованности повстанцев, разногласиях между их руководством. Кроме того, турки искусно подогревали межнациональные противоречия, главным образом, греко-албанские конфликты в Эпире.

Самым мощным народным выступлением, охватившим Фессалию и Эпир в период, предшествовавший событиям Восточного кризиса 70-х годов XIX в., было восстание 1854 г., непосредственным толчком к которому стала Крымская война. Оно нашло поддержку во всей Греции: король, правительство, видные политические деятели, пресса оказывали повстанцам моральную и материальную помощь. Непосредственное участие в военных действиях принимали отряды добровольцев, сформированные в Греции и состоявшие из офицеров и солдат греческой армии, ветеранов освободительной революции. Руководство боевыми операциями взяли на себя известные греческие военачальники — К. Дзавеллас, Т. Гривас и С. Карайскакис в Эпире и Х. Хаджипетрос в Фессалии. Несмотря на то, что восстание охватило обширную территорию, а повстанцы одержали ряд побед над турецкими войсками, главные цели достигнуты не были. Не удалось взять турецкие укрепленные пункты (Арта, Домокос, Алмирос и другие). После того как в мае 1854 г. англо-французские войска оккупировали Пирей, Греция была вынуждена приостановить военную помощь восставшим. Вскоре восстание было подавлено³⁴. Такая же участь постигла движение 1866–1868 гг., которое было связано с событиями на Крите. Однако к началу Восточного кризиса 70-х годов XIX в. надежды эпиротов и фессалийцев на воссоединение с Грецией вновь начали обретать почву. Эпир и Фессалия стояли на пороге нового восстания.

В ОЖИДАНИИ СИГНАЛА

В силу перечисленных выше причин накануне Восточного кризиса наиболее взрывоопасным районом из всех греческих провинций Османской империи был Крит. И не случайно поэтому известие о начале восстания в славянских владениях Порты быстро распространилось по Криту, возбуждая между христианами, по словам консула А.Е. Лаговского, «сильное сочувствие к восставшим». Христианское население Крита осознавало, что наступает подходящий момент для свержения османского владычества, но, в отличие от событий 60-х годов XIX в., не спешило подкреплять солидарность с восставшими славянами вооруженной борьбой. Лаговский констатировал, что «после восстания 1866 г. критяне сделали гораздо осмотрительнее и менее скоры на отчаянные предприятия»³⁵. Помимо печального опыта прошлого, их активность сдерживалась также недостатком боеприпасов (запасы пороха, складированные в малодоступных горных районах острова, были уничтожены дождливой зимой 1874–1875 гг.), а также отсутствием указаний из Афин. В конце лета 1875 г. жители Крита надеялись, что эти проблемы будут разрешены с приходом к власти правительства Кумундурса. Готовились к возможному восстанию и турецкие власти, поспешно заменяя жандармов-христиан «мусульманскими критянами или албанцами»³⁶.

Возлагая свои надежды на помощь Греции, христиане не исключали и других путей решения критского вопроса. Опыт прежних лет показывал им, что греческие правящие круги в своей внешней политике зачастую ориентируют-

ся на соблюдение нейтралитета в кризисных ситуациях, не решаясь «очертя голову» ринуться в борьбу³⁷. Поэтому в 1875 г. среди значительной части критян получила распространение идея об учреждении на острове вассального княжества по образцу придунайских, во главе которого стоял бы князь, избранный населением³⁸. В качестве основного претендента на княжеский престол ими назывался князь Григориос Ипсиланти, племянник героя борьбы за независимость Греции Александра Ипсиланти, греческий посланник в Вене³⁹. Другая часть критян поддерживала идею английского протектората над островом, усиленно пропагандировавшуюся английским консулом на Крите Сэндвитом с весны 1875 г. Возникновение этой идеи относится к 40-м годам XIX в., но тогда, как уже отмечалось выше, она пользовалась успехом лишь в ряде районов острова (округ Сфакия). Памятуя об этом, Сэндвит установил контакты с влиятельными вождями сфакиотов, убеждая их «в превосходстве английского правительства перед всеми другими», в «процветании английских колоний, благодаря предоставленной им свободе», не забывая при этом признавать законность требований критян свергнуть турецкое иго. Моральное воздействие английский консул неизменно подкреплял материальным, щедро раздавая «пособия» жителям Сфакии, главным образом, вождям⁴⁰. Надежды Сэндвита не были безосновательными. Богатые греки-торговцы и предприниматели поддерживали их, привлекаемые коммерческими выгодами от покровительства. Нельзя полностью игнорировать и другой фактор — критяне помнили, что английский протекторат над Ионическими островами стал последней ступенью в деле их воссоединения с Грецией, и предполагали, что нечто подобное может осуществиться и в отношении Крита, в то время как Англия, в свою очередь, была заинтересована в Крите как в базе для своей средизем-

номорской эскадры. Убежденных сторонников «английской идеи» было, по данным МИД России, немного⁴⁴. Большинство из тех, кто ее поддерживал, делали это, как показали последующие события, с целью напугать греческое правительство угрозой захвата Крита Англией.

В начале октября 1875 г. критяне направили записку на имя Кумундурса, избранного премьер-министром Греции. Выражая ему доверие, они с сожалением констатировали, что официальные круги королевства «хладнокровно» смотрят на события в Боснии и Герцеговине. В записке содержался упрек греческому правительству за отсутствие соглашения между греками и славянами «в смысле совокупности действий, могущей обеспечить успех предприятия». Критские вожди сообщали Кумундурсу о нетерпении народа, его готовности подняться на борьбу, а также о недостатке

Повседневная жизнь Ираклиона, второго по значению города Крита. Именно в Ираклионе находилась резиденция критского митрополита. *Афины, Библиотека Геннадия*

вооружения и боеприпасов на острове. «Но если Греция не захочет сделать необходимые жертвования для их освобождения, — предупреждали вожди, — то они будут принуждены оставить свою любимую мечту и просить на острове княжества». Принимая записку, греческий консул в Кане П. Логофетис заметил, что критяне ошибаются, полагая, что Греция бездействует. Правительство втайне совершает военные приготовления, однако «Греция не начнет ничего прежде Сербии и Черногории из опасения увлечься приключением вроде движения 1866 года». Получив требования критских вождей, греческий премьер-министр так и не дал на них конкретного ответа, сообщив одному из критских эмигрантов в Афинах, К. Криарису, что обещает лишь «принять их к сведению»⁴².

Тем временем Порта решила пойти на некоторые послабления, способные, по ее мнению, смягчить взрывоопасную обстановку в европейских провинциях империи. 2 октября 1975 года был обнародован султанский указ (ирадэ) об уступках в налоговой политике. Критяне восприняли его с недоверием, и не напрасно — подати по-прежнему взыскивались в полном размере. Таковую же реакцию вызвал запоздалый ответ султана на последнее обращение к нему христианского большинства, нисколько не отличавшийся «от других подобного рода актов турецкого правительства, назначенных только для успокоения Европы, а не для облегчения участи христиан». Обстановка на острове продолжала накаляться, мусульманские семейства начали переселяться из отдаленных областей Крита в укрепленные города, крестьяне, в ожидании восстания и из боязни потерять свой труд, не спешили с осенними полевыми работами⁴³.

Однако воинственные настроения серьезно сдерживались из Афин. Не надеясь после ответа Кумундурса на деятельное участие Греции в судьбе Крита, греческое население стало все

более настойчиво обращаться к идее княжества, тем более что сам Ипсиланти, казалось, был готов снабдить критян всем необходимым для борьбы и по первому требованию отправить все это на остров⁴⁴. В то же время Сэндвит отправился в поездку по отдаленным районам Крита агитировать население принять его план. Активность консула беспокоила турецкие власти, и британский посол в Константинополе сэр Генри Эллиот был вынужден запретить ему, по крайней мере открыто, привлекать христиан идеей английского протектората. В письме консулу, содержавшем указание довести его до сведения вали Самих-паши, Эллиот писал: «Вам следует внушать критянам мысли о повиновении султану и при случае помогать им в делах ходатайством перед местными властями»⁴⁵. Преждевременное рассекречивание своих целей, по видимому, не входило в тот период в планы английской дипломатии, поэтому Сэндвит стал усиленно распространять слухи о том, что просто не совсем точно понял просьбу одного из вождей о «покровительстве Англии». На деле он продолжал тайные контакты с отдельными вождями, рассчитывая на то, что, по словам Лаговского, «турецкая администрация везде успела до такой степени опротиветь критянам, что они готовы броситься в объятия первого попавшегося избавителя, с какой бы стороны он ни появился»⁴⁶. Несомненно также и то, что, скрывая свои замыслы, Лондон надеялся на невмешательство Греции в события Восточного кризиса, поскольку «английская интрига» на Крите вызывала обеспокоенность греческого правительства, считавшего ее «главной опасностью», которая разъединяет христианское население острова⁴⁷. И хотя критяне провели в конце 1875 г. антибританскую демонстрацию, их вожди предупредили Логофетиса, что христианам надоело терпеть и ждать, поэтому Греция может потерять Крит, если будет придерживаться прежнего образа действия⁴⁸.

Сознавая, что события могут выйти из-под контроля, Порта решила укрепить фасад власти на острове. В начале января 1876 г. вместо Самих-паши новым вали был назначен Реуф-паша, который уже дважды находился на посту генерал-губернатора после 1869 г. (в последний раз в 1874–1875 гг.). Турецкое правительство полагало, что Реуф-паша, сумевший за время своего предыдущего пребывания привлечь к себе как мусульман, так и христиан и пользовавшийся, как полагали в турецкой столице, уважением последних, сумеет успокоить возбужденное население Крита. В Константинополе, по-видимому, еще не знали, что за последнее время были вскрыты многочисленные факты злоупотребления властью со стороны Реуф-паши, позволявшие некоторым его приближенным во главе с советником Хамид-беем по сути шантажировать своего начальника и управлять островом в собственных корыстных целях от его имени. Репутация Реуф-паши была также основательно подмочена известием, что он является должником Хамид-бея⁴⁹. Поэтому удаление относительно честного Самих-паши и возвращение прежнего вали не были восторженно, как ожидали турецкие власти, восприняты христианским большинством, равно как и объявление нового султанского ираде, наполненного, как и прежде, голословными обещаниями предоставить критянам «новые права» путем увеличения, в частности, доли христиан среди глав местной администрации (каймакамов) и председателей местных судов⁵⁰.

Между тем значительная часть христианского населения продолжала питать уверенность в помощи греческого правительства освободительному движению на Крите. Один из вождей был послан в феврале 1876 г. в Афины для переговоров с руководством критян-эмигрантов и с представителями правительственных кругов. Вернувшись на родину, он привез с собой послание Кумундурса. Греческий пре-

мьер-министр категорически объявил, что пока Черногория и Сербия не вступят в войну с Турцией, критяне не могут рассчитывать на помощь Греции и должны воздерживаться от вооруженных действий. Когда же упомянутые княжества объявят войну, Крит и другие греческие провинции Османской империи должны последовать их примеру, и тогда они получат поддержку Греции⁵¹. Такая позиция греческого руководства, безусловно, не могла удовлетворить критян. В поисках выхода из создавшегося положения они еще больше укрепляются в мысли о необходимости создания критского княжества, тем более что эмигранты с острова, проживавшие на территории Австро-Венгрии в Триесте, неоднократно настаивали на избрании Ипсиланти если не князем, то, по крайней мере, председателем временного управления островом на случай восстания, которое (в этом никто не сомневался) должно было начаться весной 1876 г. О преобладании таких настроений среди критских эмигрантов на острове Сира сообщает и Г.К. Дубницкий. Не удивительно, что, получив отказ Кумундурса от поддержки движения, критские вожди обратились к Ипсиланти, хотя некоторые из них подозревали, что князь втайне следует советам греческого премьера⁵².

В начале марта 1876 г. был получен ответ Ипсиланти с принципиальным согласием стать во главе повстанцев. Вместе с тем в ряде писем кандидат в правители Крита выдвинул критянам некоторые условия, в числе которых были: сохранение переговоров и решений в полном секрете из опасения противодействий короля Георга; восстание не должно начаться ранее, чем в войну с Турцией вступят Сербия и Черногория (этот пункт был снят князем в апреле 1876 г.); акт о признании князя должен быть подписан не менее чем 60 влиятельными вождями, причем критяне-эмигранты в Афинах не должны узнать о подписании прежде, чем об этом узна-

ет сам Ипсиланти; необходимо ликвидировать разногласия среди вождей; князь должен получать подробные сведения об обстановке на острове, чтобы «вовремя принимать меры против интриг»⁵³. Посланный Ипсиланти эмиссар дал понять вождям, что критяне «не потерпят недостатка в необходимых пособиях, если только они исполнят требования князя». Но

Греческие партизаны на оккупированных турками территориях.
Афины, Библиотека Геннадийон

поначалу большинство вождей не торопились с их исполнением, считая, что еще не исчерпаны все возможности для воссоединения с Грецией⁵⁴. В то же время Порты со своей стороны начинает неофициально поддерживать «княжеский проект», вкладывая в него иное содержание и считая, что его осуществление поможет нейтрализовать влияние идеи воссоединения Крита с Грецией, а также «английскую интригу». Правда, турецкие власти обуславливали создание княжества сохранением за Константинополем полного и неограниченного права назначения князей, что, по сути, было равнозначно изменению титула вали с неприкосновенностью прежней системы управления⁵⁵. Помимо этого, турецкая администрация Крита с целью раскола среди влиятельных христиан предложила некоторым из вождей занять посты на государственной службе, а руководству эмигрантов — вернуться на Крит, обещая возратить им конфискованное имущество и выплатить денежное вознаграждение. Но эти инициативы не нашли отклика среди критян⁵⁶.

В мае 1876 г. состоялась очередная сессия Генеральной ассамблеи. На ней был выработан проект исправления «Органического устава», в основе которого лежали принципы равноправия мусульман и христиан, а также их пропорционального представительства во всех органах власти. Предлагалось превратить Генеральную ассамблею в подобие законодательного учреждения, в котором число христиан должно превышать количество мусульман в два раза, наделить ее правом пересмотра «Органического устава» и обсуждения бюджета острова, допускать публику в зал заседаний. Вали, согласно проекту, по-прежнему назначался турецким правительством из мусульман или христиан, однако единственный советник при нем всегда должен быть различного с ним вероисповедания — мусульманский советник при христианском вали и наоборот. Главный административный совет должен

состоять из 6 членов — 4 христиан и 2 мусульман. Все распоряжения Порты, противоречащие уставу, следовало объявлять незаконными⁵⁷.

Все эти решения были выработаны совместно мусульманскими и христианскими депутатами Генеральной ассамблеи, которые объявили Реуф-паше, что отказываются выбирать членов административной и судебной власти, пока не получат ответ от нового султана Абдул-Хамида II (пришедшего к власти в результате переворота в мае 1876 г.) на свои предложения. Вскоре вали получил телеграмму от великого визиря, в которой депутаты извещались о том, что для рассмотрения проекта создана комиссия. По своему опыту зная, что это лишь отговорка Порты, они подали протест Реуф-паше и, отказываясь по-прежнему от выборов чиновников, завершили заседание Генеральной ассамблеи⁵⁸. Многие из христианских депутатов стали после этих событий поддерживать «княжеский проект», не надеясь на достижения компромисса с турецкими властями⁵⁹.

С течением времени идея о приглашении Ипсиланти стала находить все больше сторонников на острове. Это вызвало ответную реакцию в Афинах. В мае 1876 г. Кумундурос вновь заверил одного из вождей, посланных в греческую столицу, что правительство принимает все необходимые меры для подготовки к участию Греции в событиях и что Сербия сама якобы просила ничего не предпринимать до объявления ею войны⁶⁰. В то же время Логофетис, полагавший, что, добившись создания княжества, критяне перестанут бороться за воссоединение, угрожал вождям, что «Греция будет помогать Турции даже силой оружия, чтобы воспрепятствовать осуществлению противного ее интересам замысла об учреждении здесь княжества». Аргументация такого рода могла привести лишь к обратному эффекту. Не случайно некоторые вожди предупреждали греческого консула, что если Греция будет мешать движению,

то критяне обратятся за помощью к Англии⁶¹. Положение Логофетиса было непростым. В одной из бесед с Лаговским он признался, что находится как бы «между двух огней» — между Кумундуросом, который «ищет средства выполнять свои обещания» и министром иностранных дел Кондоставлосом, который «под влиянием английской интриги предписывает удерживать критян от всякого движения»⁶².

Начало сербо-черногорско-турецкой войны придало дополнительный импульс национально-освободительному движению на Крите. В защиту «княжеского проекта» высказалось население таких значительных округов, как округ Канеи, Киссамос, Селинос, Сфакия, Ретимнон, Амари, Милопотамос и др. Г. Ипсиланти просил вождей как можно скорее прислать акт, опасаясь возможной негативной реакции короля Георга⁶³. Акт был отправлен князю в начале июля 1876 г. Активизировался и британский консул Сэндвит, разославший своих агентов в различные округа, где они вновь пытались убедить (хотя и безуспешно) местное население в преимуществах английского протектората. Впрочем, слухи об английских предложениях часто намеренно раздувались вождями с целью оказать воздействие на Грецию. Афины же в свою очередь не прекращали попыток утихомирить критян, уговаривая их посредством своего консула «оставить мысль о возможности увлечь Грецию, уверяя при этом, что афинское министерство твердо решило соблюдать нейтралитет»⁶⁴.

Тем временем Порта отправила на Крит чрезвычайного комиссара Кадри-бея, который уже приезжал с подобной миссией в июле 1866 г., после чего, кстати, началось Великое критское восстание⁶⁵. На сей раз Кадри-бей не был уполномочен вести переговоры с представителями христианского большинства, он привез категорический отказ Порты на прошение депутатов Генеральной ассамблеи об изменении «Органического устава». Критяне справедливо расценили ответ султана

как открытый вызов, брошенный с умыслом, «при полном сознании достаточности средств к подавлению восстания»⁶⁶. Одновременно ряд стратегических пунктов был занят турецкими войсками, а в прибрежные воды Крита была направлена эскадра Гобарт-паши, состоявшая из трех броненосцев и двух обычных военных судов, чтобы пресечь возможную переброску подкреплений критянам из Греции и Австрии. В то же время, осуществляя политику «кнута и пряника», Порта вновь дала обещание провести на острове реформы. Из окружения вали были удалены наиболее скомпрометировавшие себя и ненавидимые народом чиновники⁶⁷.

Деятельность турецкого правительства летом 1876 г. поставила руководство освободительного движения в весьма затруднительное положение. Вожди не решались брать на себя инициативу и начинать восстание, не получив надежных гарантий от греческого правительства. В то же время их озадачило и затянувшееся молчание князя Ипсиланти. В этих условиях критяне приняли решение о проведении вооруженной демонстрации, однако разногласия помешали ее осуществлению. «Одни желали бы немедленно и невзирая на скудность средств, — сообщал о планах критских вождей Лаговский, — другие же, напротив, предпочитают дождаться присылки этих средств, чтобы обеспечить успех и не быть принужденными оставить едва начатое предприятие». Верх взяло мнение более осторожных, подкреплявшееся к тому же советами критских эмигрантов, проживавших в Греции, «избегать открытого восстания»⁶⁸.

В середине сентября 1876 г. критяне наконец получили долгожданное послание князя Ипсиланти. Князь советовал им не начинать восстания, проводить кампанию гражданского неповиновения властям, не доверять консулу Логофетису. Он уверял, что продолжает приготовления, однако решить вопрос о руководстве движением сможет лишь по возвращении ко-

роля Георга в Грецию⁶⁹. Вскоре христианское население Крита перестало доверять князю, не получая от него конкретной помощи. И предчувствие не обмануло критян — через месяц Ипсиланти официально отклонил их предложения, подчинившись указанию короля. «Княжеский проект» окончательно провалился, несмотря на то, что доверенные лица Г. Ипсиланти сообщили вождям, что князь вынужден лишь избирать новый путь к достижению своей цели и обещает оказать им помощь путем отправки оружия на остров⁷⁰.

Осенью 1876 г. происходит активизация греческой политики в отношении Крита. Критский комитет, созданный в Афинах представителями эмигрантов и общественной столицы, направил султану протест против отказа Порты удовлетворить требования Генеральной ассамблеи. По настоянию Кумундурса в текст было включено ходатайство о полном самоуправлении острова⁷¹. «В Афинах заговорили совершенно иначе, — отмечал Лаговский, — по крайней мере, письма критян оттуда наполнены воинственными кликами и воззваниями к патриотизму здешних деятелей»⁷². Старания Афин объяснялись очень просто — в канун Константинопольской конференции правящие круги Греции пытались привлечь внимание держав к положению в греческих провинциях Турции. Хорошо понимали это и сами критяне, отказавшись подписывать протест Критского комитета, требуя предварительно прислать оружие и боеприпасы. В ответ из Греции им пришел совет дожидаться будущей весны⁷³. Сознывая, что престиж греческого правительства среди населения Крита неуклонно снижается, Логофетис, вопреки инструкциям своего МИД, перестал уговаривать вождей оставить всякую идею об освобождении острова. Это вызвало незамедлительную реакцию со стороны Реуф-паши, который предупредил турецкого посланника в Афинах Фотиадис-бея об изменении поведения греческого консула. В результате Логофетис получил от Кондоставлоса строгий выговор с

формальным заявлением о решении правительства Греции сохранить с Турцией «самые дружественные отношения» и с угрозой принять еще более строгие меры в случае «дальнейших покушений уклониться от исполнения данных в начале славянского движения министерских инструкций»⁷⁴.

В то же самое время Критский комитет, не заметив по возвращении Георга из зарубежного турне в конце октября 1876 г. изменений во внешней политике правительства, решил действовать самостоятельно, не координируя свою деятельность с Афинским кабинетом. Он обратился к богатым грекам диаспоры с просьбой предоставить материальную помощь на покупку необходимых повстанцам оружия и боеприпасов. Известие об этом придавало уверенность вождям, которые к концу 1876 г. в основном сумели преодолеть разногласия и теперь связывали свои помыслы только с восстанием. Повсюду на острове началось совершение обряда «братской клятвы», характерное для «эпохи смуты». Обнародование же султанской «конституции» 4 января 1877 г. было воспринято на острове как нарушение особых привилегий критского населения, зафиксированных в «Органическом уставе»⁷⁵. Пытаясь остановить приготовления к восстанию, турецкое правительство вновь произвело замену вали — вместо Реуф-паши на этот пост был назначен Ахмед-Мухтер-паша. Ранее был смещен и ненавистный народу советник Хамид-бей, однако на его место прибыл Мустафа Нури-паша, известный своей нетерпимостью к христианам⁷⁶.

В январе 1877 г. критяне стали собираться на вооруженные сходки, восстание назревало. Вожди заявили Логофетису, что «обманутые Грецией критяне не нуждаются больше в ее советах и постараются сами создавать себе более или менее независимое положение»⁷⁷. Российский консул сообщал, что почти все сходки начинаются и заканчиваются возгласами: «Да здравствует православный император и Россия»⁷⁸. Пол-

Вот так в середине позапрошлого века выглядела набережная главного города Крита – Ханьи (Кании).
Афины, Библиотека Геннадийон

ностью провалились попытки нового вали избрать двух депутатов, одного христианина и одного мусульманина, в Константинопольский парламент⁷⁹. Однако официальная Греция продолжала удерживать критян от выступления: Кумундурос объявил вождям, что «Греция поможет им только в видах присоединения». В то же время вожди неоднократно обращались к Лаговскому, «прося его известить их о том, когда наступит удобный момент для начала восстания, и умоляя о материальной помощи»⁸⁰. Но российский консул не мог оказать существенной поддержки в тот момент, когда Россия сама собирала силы, готовясь к войне.

Накануне русско-турецкой войны критские вожди установили прямые контакты с Черногорией, Албанией, Эпиром и Фессалией. Предполагалось отправить в помощь повстанцам Эпира отряд из 500 хорошо вооруженных критян, во главе ко-

торого должны были встать известные вожди Хаджимихалис Яннарис и К. Криарис, проживавшие в Афинах со времен подавления восстания 1866–1869 гг. На самом острове, как сообщал Лаговский, «вожди с трудом удерживают народ и опасаются преждевременного перехода от незначительных, отдельных столкновений к общей борьбе»⁸¹.

Подведем краткие итоги. В отличие от боснийцев и герцеговинцев, критянам не удалось до начала войны России с Турцией поднять восстание против османского владычества. Сказался прежде всего горький опыт предыдущего десятилетия, а также отсутствие поддержки со стороны Греции, придерживавшейся официальной политики невмешательства в события Восточного кризиса. Однако и попытка решить критский вопрос относительно мирным путем — созданием вассального княжества либо компромиссом с турецкими властями — также не имела результатов. В апреле 1877 г. христианское большинство Крита готово было взяться за оружие и начать восстание, «ожидая с лихорадочным напряжением событий на Дунае»⁸².

Весть о начале боснийско-герцеговинского восстания «с полнейшим сочувствием» была встречена жителями Эпира и Фессалии⁸³. Здесь, как и на Крите, резко возросла напряженность, усилились противоречия между греческим населением и турецкими властями, что грозило вылиться в открытые вооруженные столкновения. Султанский ирадэ от 2 октября 1875 г. был встречен в Эпире и Фессалии равнодушно, как и на Крите. Христиане знали по собственному опыту, что злоупотребления турецкой администрации не могут быть искоренены одними приказами из Константинополя. Мусульмане в свою очередь также не придавали никакого значения обещанным христианским реформам. В результате подати, которые должны были быть уменьшены согласно ирадэ, продолжали взиматься в прежнем размере⁸⁴.

Постепенно в этих провинциях вызревали предпосылки новых восстаний. Однако и эпироты, и фессалийцы в большей степени, чем критяне, зависели от колебаний внешнеполитического курса Афин. Особенно взрывоопасной была обстановка в Фессалии. Греческий консул С. Гацос сообщал, что местным жителям «не представляется возможным улучшить свое положение в условиях ига». Тем не менее они воздерживаются от вооруженной борьбы, поскольку уверены, что «свободная Греция добьется дипломатическим путем удовлетворения их чаяний»⁸⁵. Подобные настроения были характерны до начала сербо-турецкой войны, после него фессалийцы начали выражать недоверие правительству Кумундурса, требуя от него решительных действий, а также предоставления материальной помощи и моральной поддержки. Одновременно они противодействовали некоторым распоряжениям турецких властей: не выставляли рекрутов для действующей армии, отказывались снабжать турок лошадьми для перевозки военных припасов, протестовали против заселения ряда приграничных округов иррегулярными формированиями, состоявшими из черкесов, и т.п.⁸⁶

Аналогичной была обстановка в Эпире. Следует отметить, что эта провинция являлась эпицентром политических и стратегических планов греческого руководства и одновременно — яблоком раздора между Грецией и албанской верхушкой. Это не мешало, впрочем, эпиротам готовиться к восстанию с целью свержения османского ига. В начале января 1876 г. вожди округов Сули и Джумерка провели совместное совещание, на котором было принято решение вооружить к весне 3 тыс. человек и просить покровительства России. Избранные совещанием доверенные лица обратились к российскому консулу в Янине А. Троянскому, заявив, что «обещаниям султана верить нельзя и что христиане, доведенные до отчаяния, восстанут весной, если на то будет согласно русское правительство»⁸⁷. Однако

Россия не давала конкретных обещаний эфиротам, опасаясь форсирования событий Восточного кризиса. А. Троянский, не получая инструкций от российского посла в Константинополе Игнатьева, мог лишь посоветовать вождям «ожидать исполнения обещанных султаном реформ»⁸⁸. Не могла их удовлетворить и официальная политика греческого правительства. В результате планировавшееся на весну восстание так и не началось, хотя подготовка к нему не прекращалась: в горных районах, недоступных для турецких властей, создавались запасы оружия и пороха на случай выступления⁸⁹. Одновременно, как и Фессалии, жители Эпира саботировали распоряжения администрации. В частности, управляющий Янинским вилайетом Хюсни-паша приказал создать летом 1876 г. отряды башибузуков из местных жителей. В ответ представители Лаки Сулийской и Джумерки наотрез отказались выполнить распоряжение вали⁹⁰.

Источники из архивов МИД России, имеющиеся в распоряжении автора, не дают возможности всесторонне рассмотреть освободительное движение греческого населения Эпира и Фессалии в 1875–1877 гг. Можно только констатировать, что к началу русско-турецкой войны обстановка в этих провинциях была сложной и ее нельзя оценивать однозначно. С одной стороны, эфироты и фессалийцы, страстно желая воссоединения с Грецией, готовились поднять восстание. С другой стороны — эти стремления сдерживались греческими правящими кругами, а также греко-славянским антагонизмом. Не случайно российский консул в Корфу М. Якиманский сообщал Сабурову, что солидарность эфиротов и жителей Ионических островов с повстанцами Боснии, Герцеговины и Болгарии сошла к концу 1876 г. на нет — греки «быстро поменяли минутную симпатию в более продолжительную антипатию»⁹¹, что, конечно, не могло не отразиться на освободительном движении в греческих провинциях в целом.

ВОССТАНИЯ

Известие о начале русско-турецкой войны было встречено греческим населением острова Крит с «восторженным энтузиазмом». В момент отъезда консула Лаговского критяне, собравшиеся у его дома, «поспешили заявить свою искреннюю благодарность России», оглашая при этом здравицы в честь русского народа и Александра II⁹². Однако разрыв между Турцией и Россией не послужил сигналом к восстанию. Христианское большинство решило предпринять последнюю попытку решить критский вопрос мирным путем.

8 мая 1877 г. открылась очередная сессия Генеральной ассамблеи. Перед началом ее работы Самих-паша, вновь назначенный на пост вали в конце марта, заявил депутатам, что султан приказал ему «применить Органический устав, в котором ясно обозначены права народа и обязанности служащих. Занятия ваши, — добавил генерал-губернатор, — не должны выходить из круга, предначертанного этим уставом»⁹³. В ответ на заявление Самих-паши депутаты-христиане передали ему свои требования, в которых, отмечая свое неприятие султанской «конституции» от 4 января 1877 г., торжественно объявили остров Крит привилегированной автономной провинцией. Критяне вновь потребовали утверждения султаном изменений к «Органическому уставу», выработанных на предыдущей сессии народного собрания, и признания права этого органа власти вносить в устав необходимые поправки в случае необходимости. В конце своего обращения они заявили, что не будут присутствовать на заседаниях, пока Порты не даст «категорического ответа» на указанные требования,

а также отказались признать законными судей трибуналов и членов совета управления, избранных или назначенных турецкими властями, равно как и решения этих трибуналов. Однако турецкая администрация в очередной раз отказалась пойти навстречу христианскому большинству, и Самих-паша распустил ассамблею⁹⁴. Многие из депутатов-христиан покинули Канию и направились в горные районы острова (округ Апокорона), куда начали стекаться все недовольные, среди которых было немало участников восстания 1866–1869 гг. Здесь вырабатывались планы совместной политической и вооруженной борьбы. В середине июля 1877 г. был образован комитет с целью координации действий на всем острове, в который входили 24 члена⁹⁵.

В то же время критские эмигранты, проживавшие в Греции, активизировали свою помощь соотечественникам. Повсюду формировались вооруженные отряды, готовые в любую минуту отправиться на остров. К этим мероприятиям подключились этерии «Ethniki amyna» и «Adelphotis». 15 сентября 1877 г. на Афинском стадионе состоялся митинг, в котором участвовало более 700 критских эмигрантов. На митинге было принято решение о начале вооруженной борьбы⁹⁶. Вскоре был создан «Критский центр» в Афинах, объединивший усилия этерий и Критского комитета. Его председателем был избран Маркос Рениерис, а помощником — И. Зимвракакис, брат военного министра Х. Зимвракакиса⁹⁷. Само же греческое правительство, соблюдая нейтралитет, по-прежнему отказывалось, по крайней мере официально, оказывать действенную помощь критскому повстанческому движению.

Между тем накал страстей на Крите все более усиливался. Христианское население острова перестало уплачивать положенные подати. В августе 1877 г. в округе Решимно произошли первые вооруженные столкновения⁹⁸. Турецкое правительство, всерьез обеспокоенное событиями, не распо-

Банкир **Маркос Ренниерис** участвовал во всех волнениях на Крите в 60–70-х гг. XIX в. В 1878 году он возглавлял «Критский центр», координировавший действия повстанцев. *Афины, Библиотека Геннадийон*

лагало, однако, значительными военными силами для подавления движения. Поэтому оно обратилось за помощью к английской дипломатии. Еще в начале июля 1877 г. глава Foreign office лорд Дерби официально отмежевался от деятельности «английской партии» на Крите, заявив, что «Англию мало интересует взятие Крита под свою опеку с последующей перспективой передачи его Греции»⁹⁹. Действительно, британские правящие круги в этот период были более заинтересованы, как показало время, в захвате Кипра с целью превращения его в свою военно-морскую базу¹⁰⁰. Заявляя об отказе от притязаний на Крит, Дерби тем самым успокаивал Афины и в то же время — критян, надеясь, что в кризисной ситуации британская дипломатия сможет как нейтральное лицо стать посредником между христианами и мусульманами и предотвратить восстание. В начале декабря 1877 г. на Крит со специальной миссией, по поручению посла Великобритании в Константинополе О. Лейрда, был послан капитан британского Генерального штаба Кларк, который встретился с руководством повстанцев. Кларк пытался уговорить вождей не начинать восстания, уверяя их, что султан готов рассмотреть все требования критян, однако

ему не удалось получить их согласия¹⁰¹. В середине декабря 1877 г. Порты, поощряемая Лейрдом, решила направить на остров двух комиссаров — христианина К. Адосидис-пашу и мусульманина Селима-эфенди. Их полномочия были ограничены рассмотрением требований греческого населения Крита и принятием решений, которые могли бы способствовать примирению противоборствующих сторон¹⁰². Нельзя сказать, что в Константинополе недооценивали опасность, поскольку комиссары привезли с собой оружие для критских мусульман. Первый раунд переговоров с представителями христианской и мусульманской общин острова завершился неудачей для представителей Порты — мусульмане выступили против предоставления христианам равных с ними прав; христиане же в свою очередь отказались вести переговоры, объясняя это тем, что не получили соответствующих полномочий «от сограждан»¹⁰³.

Тем временем на Крите повсюду с энтузиазмом проходили выборы представителей округов в Генеральную ассамблею. Первое заседание 2 тысяч избранных депутатов состоялось 20 декабря в деревне Фре (округ Апокорона). На нем был создан специальный комитет для управления всеми внутренними округами, оставленными мусульманами, спешно покидавшими свои дома и уходившими под защиту городов-крепостей, учреждалась местная милиция, принимались меры для укрепления различных пунктов в горных районах острова¹⁰⁴. Четыре турецких броненосца, курсировавшие в прибрежных водах Крита, не смогли помешать регулярной высадке отрядов греческих добровольцев, возглавлявшихся легендарными вождями восстания 1866–1869 гг. Хаджимихалисом, Яннарисом, Л. Милонакисом, Г. Коркидисом, Л. Бояндзоглу и другими, а также выгрузке продовольственного и военного снаряжения. В начале января 1878 г. в европейской печати появились первые сообщения о начале военных стол-

кновений между повстанцами и регулярными частями турецкой армии¹⁰⁵. Однако Порта еще, по-видимому, не потеряла надежды на урегулирование конфликта. Как сообщали «Московские ведомости», «Самих-паша вновь получил приказ выслать семь батальонов своих регулярных войск в Болгарию... Самих-паша не спешит, однако, с исполнением этой меры, он был очень рассержен этим приказом и заявил, что если у него возмут упомянутые семь батальонов, то в его распоряжении останется всего... 150 человек, с которыми он не отвечает за спокойствие на Крите»¹⁰⁶. Тогда же при посредничестве Сэндвита в деревне Фре состоялась встреча руководства Генеральной ассамблеи и комиссаров Порты. Критяне выдвинули следующие требования: Крит должен стать автономным вассальным княжеством под управлением князя, избранного народом; ежегодно жители острова обязуются выплачивать дань в размере 500 тыс. пиастров (5 тыс. турецких лир); великие державы должны дать гарантии осуществления этих требований. Для ответа турецкому правительству предоставлялся 7-дневный срок¹⁰⁷. Условия эти явно оказались не по душе комиссарам: вернувшись в Канею, они объявили, что считают «унизительным продолжение прямых контактов с повстанцами»¹⁰⁸.

Хорошо понимая истинные намерения турецкого правительства, руководство повстанческого движения поспешило заручиться поддержкой великих держав. 3 января 1878 г. Генеральная ассамблея направила консулам Англии, Франции, Австро-Венгрии и Греции на Крите два циркуляра, в которых шла речь о бедственном положении критян и содержался призыв к державам оказать покровительство христианскому населению острова¹⁰⁹. Одновременно в Петербург был направлен иеромонах Парфений Келайдис, который должен был добиться приема у Александра II и просить его «не забыть Крита при заключении мира». Однако Келайдису было отказано во въезд-

ной визе, в связи с чем Игнатьев сетовал, что «критян мы не поддерживали», хотя этим можно было воспользоваться для нейтрализации усилий британской дипломатии¹⁴⁰.

Ввод греческих войск в Фессалию 2 февраля 1878 г. послужил началом нового этапа освободительной борьбы на Крите. За день до этого события Генеральная ассамблея, большинство депутатов которой было, по-видимому, заранее уверено в успехе фессалийской кампании, объявила османское правительство низложенным и провозгласила присоединение Крита к Греции¹⁴¹. Но последовавшие вслед за тем события показали, что решения Народного собрания критян во многом зависели от положения Греческого королевства на международной арене. Надежды на помощь Греции утасли уже 6 февраля, когда греческие войска получили приказ очистить территорию Фессалии. Поэтому большинство депутатов Генеральной ассамблеи вновь начинает поддерживать идею автономии Крита в составе Османской империи¹⁴². 15 февраля 1878 г. руководящий центр повстанческого движения направил консулам держав очередное послание, в котором содержался план урегулирования критского вопроса, предложенный в январе комиссарам Порты Адоссидис-паше и Селиму-эфенди¹⁴³. Разгоравшаяся вооруженная борьба выявила также противоречия между вождями, прибывшими из Греции, и местным руководством — ветераны освободительного движения, находившиеся долгое время в эмиграции, выступали за воссоединение. Анализ русской прессы позволяет предположить, что не все повстанческие формирования подчинялись решениям Генеральной ассамблеи Крита¹⁴⁴ по вопросу о будущей судьбе острова, что, к сожалению, не способствовало успеху восстания. «В серали, в округе Аликанос, — сообщал «Одесский вестник», — старый Маврогенис стал во главе отряда в 600 чел. и провозгласил соединение Крита с Грецией. То же самое сделал предводитель в Киссамосе Скалидес, который совместно с вождями Пападаян-

накисом и Парфением Перидесом поднял также знамя освобождения во главе 1500 чел. ... В Лакосе, в провинции Кидонии, вожди Хаджи-Михали, Крокидес и другие также провозгласили присоединение Крита к Греции. В Селиносе вожди Криарис, Георгакис и другие последовали примеру инсургентов Лакоса. Это решение будет доведено до сведения консулов и национального собрания»¹¹⁵.

К середине февраля военные действия охватили практически всю территорию острова. Наиболее ожесточенные столкновения происходили вокруг Канеи, где число повстанцев доходило до 3 тыс. чел. Повстанцы получали подкрепление — пароходы «Панэллинион», «Идра» и «Энозис» безостановочно курсировали между Критом и Грецией, снабжая восставших оружием и боеприпасами, доставляя новые отряды добровольцев. Успехи восставших позволили Генеральной ассамблее объявить о создании Временного правительства острова, состоявшего из 6 членов, двое из которых были мусульманами¹¹⁶.

Размах освободительной борьбы вынудил Порту прибегнуть к более решительным действиям. На Крит были отправлены отряды регулярной армии, насчитывавшие 3 тыс. человек¹¹⁷. В то же время Адоссидис-паша, назначенный в начале февраля на должность вали, обратился к Сэндвиту с просьбой оказать содействие в заключении перемирия, которое было необходимо туркам как воздух, поскольку к марту 1878 г. в руках восставших был почти весь Крит, за исключением нескольких крепостей, включая Канею. К тому же Адоссидис-паша хотел выиграть время, так как после подписания Сан-Стефанского договора турки смогли высвободить силы и часть из них направить на остров для подавления восстания. 10 марта повстанцы приняли предложенное вали перемирие с условием, «чтобы вся территория оставалась в распоряжении инсургентов, за исключением городов и крепостей, занятых турками»¹¹⁸.

Турецкие власти сумели в полной мере воспользоваться перемирием. Российский консул в Сире Дубницкий сообщал, что «шансы повстанцев на Крите уменьшаются ввиду прибытия еще 4 военных турецких судов», доставивших из Конс-

Семья греков. Москва, из собрания В.П. Меншикова

тантинополя еще 6 тыс. человек регулярного войска и четыре батальона жандармов под командованием Османа Нури-паши, в то время как греческий пароход «Омония» доставил на остров лишь 30 добровольцев из Греции¹¹⁹. В конце марта турки нарушили перемирие, турецкой армии удалось одержать ряд побед, однако это почти не отразилось на политической обстановке на острове. Становилось все более очевидным, что Порта не сумеет осуществить свой стратегический план — подавить восстание до начала работы Берлинского конгресса, а точнее — до обсуждения на нем греческого вопроса. Со своей стороны критяне попытались добиться того, чтобы их требования были рассмотрены на этом «европейском ареопаге». Для этого Генеральная ассамблея постановила образовать делегацию для участия в работе конгресса в составе Г. Ипси-ланти, М. Рениериса, Г. Костароса и И. Сфакианакиса¹²⁰, однако эта инициатива не получила поддержки со стороны держав. Тогда ассамблея направила германскому канцлеру О. фон Бисмарку и консулам держав в Кане меморандум, в котором отмечалось, что «критский вопрос интересует Европу, которая должна желать окончания периодической и кровавой борьбы, театром которой служит Крит». В меморандуме выражалась надежда, что «осуществится присоединение Крита к Греции»¹²¹. Державам пришлось прислушаться к голосу восставшего народа, не прекращавшего борьбу и в дни работы Берлинского конгресса. Согласно их решению Порты была вынуждена пойти на расширение привилегий критян, которые были зафиксированы в Халепском пакте (октябрь 1878 г.). В соответствии с этим документом Порты назначали — христианина или мусульманина — на 5-летний срок, что уменьшало его зависимость от Константинополя. Вместо двух советников вали оставался один, который должен был исповедовать христианство, если генерал-губернатор был мусульманином, и наоборот. Значительно расширилось учас-

тие христиан в различных органах управления, они получали большинство среди каймакамов. Жандармский корпус составлялся исключительно из критян (христиан и мусульман). Греческий язык признавался официальным во всех присутственных местах, разрешалось издание на нем газет, книг и т.п. Важными были пункты о том, что османская конституция не может отменять положений «Органического устава», а указы Порты, противоречащие ему, признавались недействительными на территории острова. Наконец, объявлялась всеобщая амнистия участникам последнего восстания¹²². В конце 1878 г. впервые на должность вали был назначен христианин — бывший турецкий посланник в Афинах Фотиадис-бей¹²³. Годы его правления (1878–1886) были самыми спокойными за все предыдущие десятилетия XIX в.

Следует, пожалуй, отметить, что прогресс в решении критской проблемы был достигнут лишь благодаря конструктивному взаимодействию двух рассмотренных в настоящей главе тенденций. По существу, контуры Халепского пакта были очерчены еще в период преобладания реформистской тенденции. Однако для воплощения этих планов в жизнь сил реформистов оказалось явно недостаточно, и эту функцию взяли на себя сторонники революционного пути. Результатом взаимодействия явилось восстановление динамического равновесия между тенденциями на новом уровне, обусловливавшееся отсутствием действия внешнего фактора. Влияние последнего неизбежно нарушало баланс сил, что в условиях нерешенности критского вопроса неоднократно приводило к новым потрясениям на острове, вплоть до его воссоединения с Грецией в 1913 г.

В течение 1877 г. продолжалась подготовка к восстаниям в Фессалии и Эпире. Однако они не могли начаться ранее января 1878 г. из-за политики, проводимой греческим правительством. Правящие круги Греческого королевства

сдерживали национально-освободительное движение в этих провинциях. «Сулиоты прямо объявили, что не намерены братья за оружие прежде, чем Греция не объявит войну Турции, — сообщил М. Якиманский, — это мнение разделяют и христиане Фессалии». Выступления сдерживались также намерением Порты прислать в Эпир и Фессалию 20-тысячную армию с Кавказского фронта, где, по мнению турок, война уже была закончена к августу 1877 г.¹²⁴ После неудач русской армии у Плевны правительство Греции стало направлять в эти провинции эмиссаров, отговаривавших местных жителей от решительных действий, запугивая их якобы отказом Афин от помощи восставшим. Только в декабре 1877 г., когда стало очевидным неминуемое поражение Турции, афинский кабинет начал активную подготовку к восстаниям, создавая вблизи греко-турецкой границы склады с оружием¹²⁵, координируя и направляя мероприятия, проводимые этериями «Adelphotis» и «Ethniki amyna».

Восстание в Фессалии вспыхнуло в первых числах января 1878 г. Как сообщали «Санкт-Петербургские ведомости», «500 инсургентов взяли за оружие, собравшись в деревнях Вицице и Пинакотес»¹²⁶. Турецкие власти укрылись в крепости Волос. Вскоре округ Волос (полуостров Пилио (Пелион) — *С.Ц.*) стал эпицентром восстания. Сюда прибывали греческие добровольцы из королевства, отсюда они направлялись в другие районы Фессалии. Одним из первых прибыл Леонидас Вулгарис во главе отряда «из 250 хорошо обученных волонтеров»¹²⁷, который в скором времени прорвался с боями в западную Македонию, где на протяжении нескольких месяцев принимал участие в партизанских операциях. В добровольцах, желавших отправиться в Фессалию, недостатка не ощущалось. Даже в Англии местная греческая колония организовала комитет в поддержку движения. Многие из лондонских греков отправились волонтерами в Эпир и Фес-

салию¹²⁸. Вовсю развернули свою деятельность неоднократно упоминавшиеся этерии, организовавшие в Греции бюро по набору добровольцев, сбор средств и оружия в помощь повстанцам и оказавшие давление на правительство, вынудив его отправить 500 тыс. франков в Фессалию «для раздачи бедным семействам, отцы и дети коих выступили на брань за веру и отечество»¹²⁹.

В начале февраля 1878 г. повстанцы, действовавшие в округе Волос, сформировали Временное правительство, принявшее на себя всю полноту власти в Фессалии и провозгласившее низложение султана и присоединение этой провинции к Греции. Председателем правительства был избран представитель зажиточных кругов Пелиона И. Кассаветис, его заместителями — З. Басдекис и Е. Стамулис. Фактическим главой правительства стал З. Басдекис, который к тому же являлся инициатором его создания. Офицер греческой армии, он был для жителей Пелиона олицетворением независимой Греции, живым доказательством «сочувствия греческого правительства к их делу и солидарности независимой Греции к восставшим в Фессалии»¹³⁰. Судя по всему, Временное правительство, созданное в Волосе, было наиболее влиятельным органом повстанческой армии в Фессалии. Оно именовало себя «Временным правительством Фессалии», это название употребляется и в современной греческой историографии¹³¹. Однако оно не было единственным в этой провинции. «Санкт-Петербургские ведомости» сообщают о том, что подобные же органы были сформированы в Алмиросе, Рендине и Лутро Смокову. Источники не дают нам возможность установить, существовали ли контакты между ними и Временным правительством в Волосе. И хотя повстанцы не сумели объединить свои силы, скоординировать действия и выступить единым фронтом, им удалось одержать ряд побед над турецкими войсками¹³².

Создание повстанческих органов власти совпало по времени с другим важным событием, в значительной степени повлиявшим на ход восстания. Речь идет о кратковременном вводе регулярных греческих войск в Фессалию. Отзыв греческой армии оказал деморализующее воздействие на повстанцев. Этот шаг вкупе с высвобождением турецких войск с русского фронта после подписания Сан-Стефанского договора привел к тому, что восстание начало быстро затухать, а победы, до тех пор сопутствовавшие восставшим, сменились неудачами. Желая выиграть время, турецкие военачальники Волоса обратились через иностранных консулов в Ларисе к «Временному правительству Фессалии» с предложением о перемирии, которое было отклонено З. Басдекисом, отметившем в ответном послании, что «пелионские повстанцы не посягают на чью-либо жизнь, ни на честь, ниже на достоинство, а имеют только в виду защищать всех без различия вероисповедания. Конечная цель их заключается в соединении Фессалии с Грецией, ради установления в их Отечестве благоустройства и силы законов. Будучи воинами порядка и законности, они обязаны защищать жителей и не обижать их, подобно туркам...»¹³³.

6/18 февраля 1878 г. произошло сражение у местечка Макриница. В нем турецкой армии численностью 4–5 тысяч человек противостоял небольшой отряд повстанцев (менее 800 чел.). Несмотря на подавляющее превосходство, туркам не удалось окончательно разгромить патриотов, которые, потеряв 300 соратников, ушли в горы¹³⁴. Однако положение существенно изменилось к середине марта, когда к побережью Пелиона подошел флот Гобарт-паши, в состав которого входило четыре броненосца. Под угрозой бомбардировки близлежащих деревень руководители повстанцев согласились на переговоры при условии признания их членами «Временного правительства Фессалии». В ходе переговоров Гобарт-па-

ша предложил от имени султана предоставление Фессалии административной автономии. Повстанцы в свою очередь потребовали присоединения провинции к Греции. Найти общий язык участникам переговоров так и не удалось, перемирие было сорвано¹³⁵. В последующие дни восстание было разгромлено, хотя его вспышки продолжались до начала мая. Основные силы повстанцев были разбиты при Макринице и у горы Пелион (конец марта — начало апреля 1878 г.). Интересно, что накануне последних сражений «Временное правительство Фессалии» попыталось вступить в контакт с эпирскими повстанцами, однако, судя по всему, эта попытка успеха не имела¹³⁶.

Из Фессалии восстание перекинулось на ряд областей Македонии. Еще в январе 1878 г. в Афинах был образован Македонский комитет, во главе которого стояли профессор Афинского университета И. Пандазидис (председатель), а также военный врач Г. Папазисис, профессор Н. Холкиопулос и адвокаты Л. Пасхалис и С. Драгумис. Центральный комитет этерий «Adelphotis» и «Ethniki amyna», действовавший в постоянном контакте с Македонским комитетом, предоставил в его распоряжение 4000 винтовок, чего было, конечно, недостаточно для организации восстания¹³⁷.

Восстание началось в середине февраля 1878 года, когда отряд из 500 греческих добровольцев во главе с капитаном К. Думбиотисом достиг побережья Литохоро. Здесь было создано Временное правительство Македонии во главе с Э. Коровангосом, объявившее о воссоединении Западной Македонии с Грецией. Подобные же органы власти были созданы и в других районах, охваченных восстанием¹³⁸.

В отличие от Фессалии или Крита, военные действия в Македонии не охватили обширной территории. Известно, что в марте повстанцы захватили крепость Платамонас, прервав сообщение между Македонией и Фессалией. Наиболее оже-

Эпирские повстанцы. Москва, из собрания В.П. Меньщикова

сточенными были столкновения в районах Пиериа-Олимп, а также в Китросе, где повстанческий отряд возглавлял местный епископ Николаос. В апреле 1878 г. отряды Думбиотиса и Николаоса под натиском превосходящих сил турок отошли в Фессалию. К началу мая повстанцы прекратили вооруженную борьбу¹³⁹.

Движение в Македонии имело ряд особенностей, отличавших его от восстаний, происходивших в других провинциях Османской империи, населенных греками. Во многом оно имело антиславянскую, в частности — антиболгарскую направленность. Многие из греков Македонии поднимались на вооруженную борьбу, понимая, что в обозримом будущем вряд ли можно надеяться на воссоединение с Грецией. В то же время они не желали присоединения ряда областей, населенных и греками, и славянами, к будущему болгарскому государству,

что предусматривали некоторые положения Сан-Стефанского договора. Этим во многом объясняется пассивность повстанцев, их надежды на решение македонского вопроса дипломатическим путем. Автор настоящей работы не ставил перед собой задачи подробного рассмотрения македонского движения в этот период¹⁴⁰.

Потерпело поражение и восстание в Эпире, начавшееся почти одновременно с критским и фессалийским, но не достигшее, в отличие от них, большого размаха — прежде всего из-за недостаточной материальной базы. Оно охватило лишь несколько округов, прилегающих к границе Греческого королевства. Восставшие образовали Временный административный совет, председателем которого был избран А. Маврояннис, а его заместителями — Г. Коссивакис и К. Иконому. В своем первом воззвании, подписанном 1500 эпиротами, совет провозгласил воссоединение Эпира с Грецией¹⁴¹. Однако вскоре повстанцы были разгромлены, а остатки их формирований отошли на территорию Греции.

В то же время на севере Эпира (территория современной Албании) произошло восстание в районе Саранды. Высадившийся на берег в Химаре в ночь на 11 февраля 1878 г. отряд греческих повстанцев, в который входили эпироты и добровольцы с Ионических островов, двинулся в глубь Эпира с целью установить контроль над епархией Делвино. И.Г. Сенкевич, основываясь на материалах российского консульства в Корфу, пишет, что созданный из случайных людей, авантюристов, прославившихся своими грабежами в пограничных районах, отряд «эпирских добровольцев» не встретил поддержки со стороны южных албанских районов¹⁴². Думается, что на первый план следует все же поставить национальный, а не социальный состав повстанцев, учитывая начавшееся национальное возрождение албанского народа. Уже 12 января 1878 г. главы ряда патриархальных кланов Албании состави-

ли протест, обращенный к соотечественникам и великим державам, в котором, в частности, говорилось: «Так как известно, что афинское правительство желает присоединить к Греции также и Эпир, и некоторые греки, живущие между нами или прибывшие недавно, провозгласили присоединение нашей страны к Греции, — то мы, настоящие албанцы, протестуем против этого... Мы клянемся кровью наших отцов и победоносным мечом нашего геройского короля Скандербега, что мы и наши дети будем защищать и отстаивать наши владения не менее твердо, чем наши предки»¹⁴⁵. Лишенные поддержки албанского населения, греческие повстанцы вряд ли могли рассчитывать на успех. Навстречу их отрядам были двинуты войска янинского вали Ибрагим-паши, включавшие в себя иррегулярные формирования (6 тыс. чел.). Турецкий флот блокировал побережье, отрезав повстанцам путь к отступлению. 11 марта 1878 г. вали известил Порту о «совершенном разбитии эллинских волонтеров в Эпире и о восстановлении там спокойствия»¹⁴⁴.

Несмотря на мужество и героизм повстанцев, туркам удалось подавить восстания на Крите, в Эпире, Фессалии и ряде областей южной и западной Македонии. Основными причинами поражений восстаний явились превосходство противника в численном отношении и боевой оснащенности; локальность, слабые организованность и координация действий восставших. Не последнюю роль сыграли разногласия между вождями повстанцев, прибывшими из Греции, и местным населением, отсутствие единого командования. Нельзя не учитывать недостаточную помощь со стороны свободной Греции, хотя при этом следует иметь в виду обстановку, сложившуюся в Европе после подписания Сан-Стефанского договора. Кроме того, в районах со смешанным населением в Македонии и Эпире положение осложнялось межнациональными противоречиями.

Тем не менее восстания в греческих провинциях Османской империи явились важным этапом национально-освободительного движения на Балканах. Впервые (после 1830 г.) они охватили столь обширную территорию. Характерным для восстаний было то, что повстанцы пытались создавать свои органы власти, руководившие борьбой, и от их имени официально обращаться за помощью к европейским державам. Героическая борьба греческих патриотов закончилась отнюдь не безрезультатно. Она, бесспорно, повлияла на позицию великих держав по отношению к Греции на Берлинском конгрессе, способствовала еще одному шагу вперед на пути воссоединения всех греческих земель.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ IV

- ¹ *Аберг Ю.* Заметка о Крите // Сборник консульских донесений. Вып IV–VI. СПб., 1898. С. 353–354; *ИЕЕ. Т. II'*. S. 412.
- ² *ИЕЕ. Т. II'*. S. 412–413; *Аберг Ю.* Указ. соч. С. 523.
- ³ *Аберг Ю.* Указ. соч. С. 522.
- ⁴ *ИЕЕ. Т. II'*. S. 413.
- ⁵ *Kalliataki-Mertikopoulou K.* Ellinikos alytrotismos kai othomanikes metarrythmiseis: i periptosi tis Kriitis, 1868 — 1877. Athina, 1988. S. 87.
- ⁶ *Sto idio.* S. 88–89, 92.
- ⁷ Подробнее о налоговой системе на Крите и в других греческих провинциях Османской империи см. в работах: *Сенкевич И.Г.* Албания в период Восточного кризиса (1875–1878 гг.). М., 1965; *Она же.* Россия и критское восстание 1866–1869 гг. М., 1970; *Аберг Ю.* Указ. соч.
- ⁸ *Сенкевич И.Г.* Россия и критское восстание... С. 25.
- ⁹ *Аберг Ю.* Указ. соч. С. 352.
- ¹⁰ *Kalliataki-Mertikopoulou K.* О. р. S. 96–97.
- ¹¹ *Sto idio.* S. 97.
- ¹² АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. 1875. Д. 1903. Л. 76–77. Донесение А.Е. Лаговского Н.П. Игнатьеву, 21. VI. 1875; там же, 1876. Д. 1904. Л. 257. Донесение А.Е. Лаговского Н.П. Игнатьеву, 4. XII. 1876.
- ¹³ *Аберг Ю.* Указ. соч. С. 350; *Kalliataki-Mertikopoulou K.* О. р. S. 92–93.
- ¹⁴ *Сенкевич И.Г.* Россия и критское восстание... С. 24; *М.М. Прошлое острова Крита* // Наблюдатель. СПб., 1898. № 7. С. 214.
- ¹⁵ *Аберг Ю.* Указ. соч. С. 346.
- ¹⁶ *Смирнов С.К.* Кандия. Исторический очерк // Русский вестник. СПб., 1867. № 3. С. 361–362; *Аберг Ю.* Указ. соч. С. 347.

- ¹⁷ Абегг Ю. Указ. соч. С. 347.
- ¹⁸ Смирнов С.К. Указ. соч. С. 361.
- ¹⁹ Там же. С. 362; Абегг Ю. Указ. соч. С. 347; М.М. Указ. соч. С. 214.
- ²⁰ Сенкевич И.Г. Россия и критское восстание... С. 24–25; Смирнов С.К. Указ. соч. С. 362–363; Абегг Ю. Указ. соч. С. 347; М.М. Указ. соч. С. 214.
- ²¹ Смирнов С.К. Указ. соч. С. 363.
- ²² Там же.
- ²³ Там же. С. 363–367; Сенкевич И.Г. Россия и критское восстание... С. 27–28.
- ²⁴ Помимо неоднократно упоминавшейся работы И.Г. Сенкевич, сведения о восстании 1866–1869 годов см. в книгах: *Mourellos I.D. I Istorია tis Kritis*. Т. 1–3. Iraklion, 1950; ИЕЕ. Т. II'.
- ²⁵ Сенкевич И.Г. Россия и критское восстание... С. 150–151; С.Т. Хроника дипломатической истории Крита с 1896 по 1913 годы. // Известия МИД. Кн. 4. СПб., 1913. С. 198.
- ²⁶ АВПРИ. Ф. Отчеты МИД, 1876. Л. 389–390.
- ²⁷ Сообщения об этом можно обнаружить практически в каждом донесении российского консула на Сире Г.К. Дубницкого за 1875–1878 гг. См.: АВПРИ. Ф. Миссия в Афинах. Д. 994, 1002, 1015, 1020.
- ²⁸ *Kalliataki-Mertikopoulou K.* О. р. S. 69, 71–72, 77, 199–200, 258.
- ²⁹ Шнапо О.Б. Захват Кипра Англией. М., 1974. С. 38–42.
- ³⁰ Кифос Э. Указ. соч. С. 145–146.
- ³¹ ИЕЕ. Т. II'. S. 388, 394, 396.
- ³² Sto idio. S. 389–391, 399–400.
- ³³ К немногим положительным последствиям указов 1839 и 1856 гг. можно отнести разрешение грекам выкупать крупные земельные владения у турок, подтвержденное законами 1858, 1868 и 1871 гг. В Фессалии этот процесс усилился в 70-х годах XIX в., накануне воссоединения. Простые крестьяне тоже получили право выкупа небольших земельных участков. Во владениях греческих помещиков-чифтликотладельцев условия эксплуатации были более мягки-

ми, чем в турецких поместьях. Греки чаще, чем турки, применяли и новые методы хозяйствования, сельскохозяйственную технику. См.: ИЕЕ. Т. II'. S. 399.

³⁴ ИЕЕ. Т. II'. S. 144–165.

³⁵ АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. 1875. Д. 1903. Л. 102. Донесение А.Е. Лаговского Н.П. Игнатьеву, 23. VIII. 1875.

³⁶ Там же. Л. 102, 106, 110. Донесения А.Е. Лаговского Н.П. Игнатьеву, 23. VIII, 12. IX, 19. IX. 1875.

³⁷ Там же. Ф. Канцелярия. 1875. Д. 8. Л. 508. Донесение Г.К. Дубницкого П.А. Сабурову, 6. X. 1875.

³⁸ Там же. Ф. Посольство в Константинополе. Д. 1903. Л. 126. Донесение А.Е. Лаговского Н.П. Игнатьеву, 27. IX. 1875; 1876 год. Д. 1904. Л. 54–55. Донесение А.Е. Лаговского Н.П. Игнатьеву, 19. III. 1876.

³⁹ Там же. Ф. Отчеты МИД. 1876. Л. 389.

⁴⁰ Там же. Ф. Посольство в Константинополе. 1875. Д. 1903. Л. 173–175. Донесение А.Е. Лаговского Н.П. Игнатьеву, 20. XII. 1875.

⁴¹ Там же. Ф. Отчеты МИД. 1876. Л. 388–389.

⁴² Там же. Ф. Посольство в Константинополе. 1875. Д. 1903. Л. 134–135, 153. Донесения А.Е. Лаговского Н.П. Игнатьеву. 3. X, 8. XI. 1875.

⁴³ Там же. Ф. Отчеты МИД. 1875. Л. 228–229; Ф. Посольство в Константинополе. 1875. Д. 1903. Л. 138. Донесение А.Е. Лаговского Н.П. Игнатьеву, 17. X. 1875; Л. 157. Донесение А.Е. Лаговского Н.П. Игнатьеву, 14. XI. 1875.

⁴⁴ Там же. Л. 177. Донесение А.Е. Лаговского Н.П. Игнатьеву, 20. XII. 1875.

⁴⁵ Там же. Ф. Миссия в Афинах. 1876. Д. 1002. Л. 29. Донесение Г.К. Дубницкого П.А. Сабурову, 18. II. 1876; Ф. Посольство в Константинополе. 1875. Д. 1903. Л. 181. Донесение А.Е. Лаговского П.Н. Игнатьеву, 26. XII. 1875.

⁴⁶ Там же. 1876. Д. 1904. Л. 7–8. Донесение А.Е. Лаговского Н.П. Игнатьеву, 17. I. 1876; Ф. Отчеты МИД. 1875. Л. 230; Ф. Посольство в Константинополе. 1875. Д. 1903. Л. 189. Донесение А.Е. Лаговского Н.П. Игнатьеву, 9. I. 1876.

- ⁴⁷ Там же. Л. 177, 183–184. Донесения А.Е. Лаговского Н.П. Игнатьеву, 20. XII, 26. XII. 1875.
- ⁴⁸ Там же. Л. 180–181, 184. Донесение А.Е. Лаговского Н.П. Игнатьеву, 26. XII. 1875.
- ⁴⁹ Там же. Л. 26. Донесение А.Е. Лаговского Н.П. Игнатьеву, 21. III. 1875; 1876. Д. 1904. Л. 5–6. Донесение А.Е. Лаговского Н.П. Игнатьеву, 17. I. 1876.
- ⁵⁰ Там же. Л. 19, 20. Донесения А.Е. Лаговского Н.П. Игнатьеву, 23. I, 31. I. 1876; Ф. Отчеты МИД. 1876. Л. 386–387; ИЕЕ. Т. II^г. S. 333.
- ⁵¹ АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. 1876. Д. 1904. Л. 36. Донесение А.Е. Лаговского Н.П. Игнатьеву, 28. II. 1876.
- ⁵² Там же. Л. 8–9. Донесение А.Е. Лаговского Н.П. Игнатьеву, 17. I. 1876; Ф. Миссия в Афинах, 1876. Д. 1002. Л. 29. Донесение Г.К. Дубницкого П.А. Сабурову, 18. II. 1876; Ф. Посольство в Константинополе. 1876. Д. 1904. Л. 74. Донесение А.Е. Лаговского Н.П. Игнатьеву, 10. IV. 1876.
- ⁵³ Там же. Л. 41–41. Донесение А.Е. Лаговского Н.П. Игнатьеву, 5. III. 1876; Д. 782. Л. 1–2. Донесение А.Е. Лаговского Н.П. Игнатьеву, 24. IV. 1876.
- ⁵⁴ Там же. Д. 1904. Л. 47–48. Донесение А.Е. Лаговского Н.П. Игнатьеву, 13. III. 1876.
- ⁵⁵ Там же. Л. 53–54. Донесение А.Е. Лаговского Н.П. Игнатьеву, 19. III. 1876.
- ⁵⁶ Там же. Л. 87. Донесение А.Е. Лаговского Н.П. Игнатьеву, 30. IV. 1876.
- ⁵⁷ Там же. Л. 98–99. А.Е. Донесение Лаговского Н.П. Игнатьеву, 28. V. 1876.
- ⁵⁸ Там же. Л. 136–138. Донесение А.Е. Лаговского Н.П. Игнатьеву, 19. VI. 1876.
- ⁵⁹ Там же. Л. 156. Донесение А.Е. Лаговского Н.П. Игнатьеву, 3. VII. 1876.
- ⁶⁰ Там же. Л. 121. Донесение А.Е. Лаговского Н.П. Игнатьеву, 5. VI. 1876.

- ⁶¹ Там же. Л. 134. Донесение А.Е. Лаговского Н.П. Игнатьеву, 11. VI. 1876; Д. 782. Л. 10. Донесение А.Е. Лаговского Н.П. Игнатьеву, 8. V. 1876.
- ⁶² Там же. Д. 1904. Л. 159–160. Донесение А.Е. Лаговского Н.П. Игнатьеву, 9. VII. 1876.
- ⁶³ Там же. Л. 156. Донесение А.Е. Лаговского Н.П. Игнатьеву, 3. VII. 1876.
- ⁶⁴ Там же. Л. 186. Донесение А.Е. Лаговского поверенному в делах России в Турции А.И. Нелидову, 14. VIII. 1876; Л. 165. Донесение А.Е. Лаговского Н.П. Игнатьеву, 23. VI. 1876.
- ⁶⁵ Там же. Л. 169–170. Донесение А.Е. Лаговского Н.П. Игнатьеву, 31. VII. 1876; Ф. Отчеты МИД. 1876. Л. 391.
- ⁶⁶ Там же. Ф. Посольство в Константинополе. 1876. Д. 1904. Л. 172. Донесение А.Е. Лаговского А.И. Нелидову, 6. VIII. 1876.
- ⁶⁷ Там же. Л. 174–175, 185–186. Донесения А.Е. Лаговского А.И. Нелидову, 6. VIII, 14. VIII. 1876.
- ⁶⁸ Там же. Л. 191, 206. Донесения А.Е. Лаговского А.И. Нелидову, 20. VIII, 3. IX. 1876.
- ⁶⁹ Там же. Л. 216–217. Донесение А.Е. Лаговского А.И. Нелидову, 18. IX. 1876.
- ⁷⁰ Там же. Л. 222. Донесение А.Е. Лаговского А.И. Нелидову, 25. IX. 1876; Л. 241. Донесения А.Е. Лаговского Н.П. Игнатьеву, 23, 29. X. 1876.
- ⁷¹ Там же. Л. 218. Донесение А.Е. Лаговского А.И. Нелидову, 18. IX. 1876.
- ⁷² Там же. Л. 233. Донесение А.Е. Лаговского А.И. Нелидову, 15. X. 1876.
- ⁷³ Там же. Л. 221. Донесение А.Е. Лаговского А.И. Нелидову, 25. IX. 1876; Л. 246. Донесение А.Е. Лаговского Н.П. Игнатьеву, 6. XI. 1876.
- ⁷⁴ Там же. Л. 249. Донесение А.Е. Лаговского Н.П. Игнатьеву, 12. XI. 1876.
- ⁷⁵ Там же. Л. 251, 263. Донесения А.Е. Лаговского Н.П. Игнатьеву, 20. XI, 18. XII. 1876; 1877. Д. 1905. Л. 51. Донесение А.Е. Лаговского А.И. Нелидову, 4. III. 1877.

- ⁷⁶ Там же. 1876. Д. 1904. Л. 277. Донесение А.Е. Лаговского Н.П. Игнатьеву, 8. I. 1877; Л. 224–225. Донесение А.Е. Лаговского А.И. Нелидову, 1. X. 1876.
- ⁷⁷ Там же. 1877. Д. 1905. Л. 34–35. Донесение А.Е. Лаговского Н.П. Игнатьеву, 22. I. 1877.
- ⁷⁸ Там же. Л. 36. Донесение А.Е. Лаговского Н.П. Игнатьеву, 29. I. 1877.
- ⁷⁹ Там же. Л. 56, 67. Донесение А.Е. Лаговского А.И. Нелидову, 12, 26. III. 1877.
- ⁸⁰ Там же. Ф. Отчеты МИД. 1876. Л. 394.
- ⁸¹ Там же. Л. 393; Ф. Миссия в Афинах. 1877. Д. 1015. Л. 59–60. Донесение Г.К. Дубницкого П.А. Сабурову, 17. IV. 1877; Ф. Посольство в Константинополе. 1877. Д. 1905. Л. 68. Донесение А.Е. Лаговского А.И. Нелидову, 26. III. 1877.
- ⁸² Там же. Ф. Отчеты МИД. 1876. Л. 393.
- ⁸³ Там же. 1875. Л. 206.
- ⁸⁴ Там же. Л. 207–208.
- ⁸⁵ *Kordatos G. Istoria...* T.12. S. 347–348.
- ⁸⁶ АВПРИ. Ф. Отчеты МИД. 1876. Л. 381–385.
- ⁸⁷ Там же. Ф. Посольство в Константинополе. 1976. Д. 790. Л. 1. Донесение А. Троянского Н.П. Игнатьеву, 4. II. 1876.
- ⁸⁸ Там же. Л. 4–5. Донесение А. Троянского Н.П. Игнатьеву, 6. VII. 1876.
- ⁸⁹ Там же. Ф. Отчеты МИД. 1876. Л. 381.
- ⁹⁰ Там же. Ф. Посольство в Константинополе. 1876. Д. 790. Л. 2–3. Донесение Н.П. Игнатьева А. Троянскому, 29. VI. 1876; Л. 7–8. Донесение А. Троянского Н.П. Игнатьеву, 7. VII. 1876.
- ⁹¹ Там же. Ф. Миссия в Афинах. 1876. Д. 1002. Л. 196–197. Донесение М. Якиманского П.А. Сабурову, 28. XI. 1876.
- ⁹² Там же. 1877. Д. 1015. Л. 66. Донесение Г.К. Дубницкого П.А. Сабурову, 28. IV. 1877.
- ⁹³ Там же. Ф. Посольство в Константинополе. 1877. Д. 1905. Л. 73. Донесение А.Е. Лаговского А.И. Нелидову, 1. IV. 1877; Ф. Мис-

- сия в Афинах. 1877. Д. 1015. Л. 98. Донесение Г.К. Дубницкого П.А. Сабурову, 16. V. 1877.
- ⁹⁴ Там же. Л. 101–102, 130. Донесения Г.К. Дубницкого П.А. Сабурову, 23. V, 21. VI. 1877.
- ⁹⁵ *Kofos E.* О ellinismos... S. 99.
- ⁹⁶ *Kordatos G.* Istoría... T.12. S. 364.
- ⁹⁷ ИЕЕ. Т. II'. S. 334.
- ⁹⁸ АВПРИ. Ф. Миссия в Афинах. 1877. Д. 1015. Л. 180, 220. Донесения Г.К. Дубницкого П.А. Сабурову, 21. VIII, 9. X. 1877.
- ⁹⁹ Там же. Ф. Канцелярия. 1877. Д. 8. Л. 393–394. Донесение П.А. Сабурова А.М. Горчакову, 7. VII. 1877.
- ¹⁰⁰ Подробнее об этих планах см.: *Шпаро О.Б.* Захват Кипра Англией (Кипрская конвенция 4 июня 1878 года) // Вопросы истории. 1958. № 3.
- ¹⁰¹ АВПРИ. Ф. Миссия в Афинах. 1877. Д. 1015. Л. 284–285. Донесение Г.К. Дубницкого П.А. Сабурову, 7. XII. 1877.
- ¹⁰² *Mourellos I.D.* О.р. Т. 3. S. 1534; *Kofos E.* О ellinismos... S. 100.
- ¹⁰³ Московские ведомости. 7. I. 1878. Особое прибавление к № 6.
- ¹⁰⁴ Там же. 1, 7.01.1878; АВПРИ. Ф. Миссия в Афинах. 1877. Д. 1015. Л. 316. Донесение Г.К. Дубницкого П.А. Сабурову, 26. XII. 1877.
- ¹⁰⁵ Московские ведомости. 4, 16. I. 1878; АВПРИ. Ф. Миссия в Афинах. 1877. Д. 1015. Л. 315. Донесение Г.К. Дубницкого П.А. Сабурову, 26. XII. 1877; Л. 336. 9. I. 1878; Санкт-Петербургские ведомости. 4. I. 1878.
- ¹⁰⁶ Московские ведомости. 4. I. 1878.
- ¹⁰⁷ АВПРИ. Ф. Миссия в Афинах. 1878. Д. 1020. Л. 52. Донесение Г.К. Дубницкого П.А. Сабурову, 8. II. 1878.
- ¹⁰⁸ Московские ведомости. 7. I. 1878. Особое прибавление к № 6.
- ¹⁰⁹ *Mourellos I.D.* О.р. Т. 3. S. 1535; Московские ведомости. 18. I. 1878.
- ¹¹⁰ Московские ведомости. 11. I. 1878; *Игнатьев Н.П.* После Сан-Стефано. Пг., 1916. С.50.
- ¹¹¹ Московские ведомости. 27. I. 1878.
- ¹¹² АВПРИ. Ф. Миссия в Афинах. 1878. Д. 1020. Л. 50. Донесение Г.К. Дубницкого П.А. Сабурову, 8. I. 1878.

- ¹¹³ Kordatos G. Istoría... T.12. S. 365; *Игнатьев Н.П.* После Сан-Стефано. С. 50.
- ¹¹⁴ Реакцию русской прессы на описываемые события см. в статье: *Цехмистренко С.П.* Восстания в провинциях Османской империи в 1878 году и их отражение в русской периодической печати // Политические, общественные и культурные связи народов СССР и Греции (XIX — XX вв.). М., 1989.
- ¹¹⁵ Одесский вестник. 22. II. 1878.
- ¹¹⁶ АВПРИ. Ф. Миссия в Афинах. 1878. Д. 1020. Л. 80–81. Донесение Г.К. Дубницкого П.А. Сабурову, 27. II. 1878; Московские ведомости. 18. II. 1878; Mourellos I.D. О.р. Т. 3. S. 1537; *Kofos E.* O ellinismos... S. 102.
- ¹¹⁷ АВПРИ. Ф. Миссия в Афинах. 1878. Д. 1020. Л. 97. Донесение Г.К. Дубницкого П.А. Сабурову, 9. III. 1878.
- ¹¹⁸ Московские ведомости. 5. III. 1878.
- ¹¹⁹ АВПРИ. Ф. Миссия в Афинах. 1878. Д. 1020. Л. 105–108. Донесение Г.К. Дубницкого П.А. Сабурову, 13. III. 1878.
- ¹²⁰ Там же. Л. 114. Донесение Г.К. Дубницкого П.А. Сабурову, 23. III. 1878; Московские ведомости. 15. III. 1878.
- ¹²¹ Московские ведомости. 11. VI. 1878; *Mourellos I.D.* О.р. Т. 3. S. 1537.
- ¹²² *Капнист И.* Исторический очерк о Крита. // Русская мысль. 1899. № 2. С. 32–33; ИЕЕ. Т. II. S. 357.
- ¹²³ *Капнист И.* Указ. соч. С. 33; *Штиглиц А.* Остров Крит, мирная блокада и международный плебисцит. СПб., 1897. С. 10.
- ¹²⁴ АВПРИ. Ф. Миссия в Афинах. 1877. Д. 1015. Л. 194. Донесение М. Якиманского П.А. Сабурову, 21. VIII. 1877.
- ¹²⁵ Там же. Л. 193. Донесение М. Якиманского П.А. Сабурову, 28. VIII. 1877; Ф. Канцелярия. 1877. Д. 8, Л. 635; донесение П.А. Сабурова А.М. Горчакову, 22. XII. 1877.
- ¹²⁶ Санкт-Петербургские ведомости. 9. I. 1878.
- ¹²⁷ Московские ведомости. 16. I. 1878.
- ¹²⁸ Там же. 31. I. 1878.
- ¹²⁹ Там же. 19. I. 1878.

- ¹⁵⁰ Московские ведомости. 23. II. 1878. Полностью текст воззвания «Временного правительства Фессалии» см. в: Санкт-Петербургские ведомости. 17. I. 1878.
- ¹⁵¹ См., в частности: *Kordatos G. Istoria...* T.12. S. 354; *Kofos E. Greece and the Eastern crisis 1875–1878*. P. 180.
- ¹⁵² Санкт-Петербургские ведомости. 11, 17. II. 1878; Московские ведомости. 24, 26. I. 1878.
- ¹⁵³ Московские ведомости. 23. II. 1878.
- ¹⁵⁴ Там же. 23, 27. II. 1878.
- ¹⁵⁵ Там же. 14, 15. III. 1878.
- ¹⁵⁶ Одесский вестник. 25. III. 1878.
- ¹⁵⁷ *Kofos E. O ellinismos...* S. 116.
- ¹⁵⁸ *Sto idio*. S. 116–117; Одесский вестник. 10. III. 1878.
- ¹⁵⁹ Санкт-Петербургские ведомости. 1. III. 1878; *Kofos E. O episkopos Kitrous Nikolaos...* S. 203–207; *Tou idiou. O ellinismos...* S. 118.
- ¹⁶⁰ *Sto idio*. S. 114, 118–120. Подробности о греческом движении в Македонии в 1878 году содержатся в одной из работ Э. Кофоса: *Kofos E. I erpanastasis tis Makedonias kata to 1878*. Thessaloniki, 1969.
- ¹⁶¹ Московские ведомости. 23. II. 1878. 3-е особое прибавление к № 53; ИЕЕ. Т.II'. S. 338.
- ¹⁶² *Сенкевич И.Г.* Албания в период Восточного кризиса (1875–1881 годов). М., 1965. С. 95.
- ¹⁶³ Санкт-Петербургские ведомости. 4. III. 1878.
- ¹⁶⁴ ИЕЕ. Т.II'. S. 338; Московские ведомости. 6. III. 1878.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Национально-освободительное движение греческого народа в 70-х годах XIX в. ставило перед собой задачу добиться воссоединения всех исконно греческих земель. Эта проблема возникла с первых дней существования независимого греческого государства и была связана с тем, что великие державы, определяя в начале 30-х годов XIX в. его границы, не включили в его состав многие греческие провинции Османской империи, опасаясь пойти на коренное изменение статус-кво в этом районе Средиземноморья. Нерешенность национального вопроса препятствовала экономическому и политическому развитию Греции, стала одним из факторов дестабилизации обстановки в регионе.

К началу Восточного кризиса 70-х годов XIX в. Греция представляла собой слабо развитое аграрное государство с низким уровнем экономического развития. Капиталистиче-

ские отношения только начали проникать в экономику страны. Экономическая отсталость предопределяла особенности политического строя, велико было влияние на политическую жизнь страны конституционного монарха. Проблема воссоединения всех греческих земель выдвинула в качестве национальной идеологии так называемую «Великую идею». В целом эта идеология носила прогрессивный характер вплоть до Балканских войн 1912–1913 гг., в результате которых большинство земель с греческим населением вошло в состав независимой Греции. Как и любой национальной идеологии, «Великой идее» были присущи не только прогрессивные, но и реакционные черты: отрицание права на самоопределение других народов Балканского полуострова, идеи о гегемонии Греции в этом регионе, о превосходстве «греческой расы» и т.п., которые накладывали отпечаток на внешнюю политику правящих кругов страны и национально-освободительное движение в греческих провинциях Османской империи. На этапе становления национальной государственности на Балканах столкновение «великих идей» (греческой, сербской, болгарской, румынской и др.) было закономерным и неизбежным процессом, который, однако, осложнял путь к достижению конечной цели балканских народов: свержению османского владычества в Европе, формированию независимых государств.

Накануне Восточного кризиса 1875–1878 гг. правящие круги Греческого королевства не стремились к активному участию в назревавшем балканском конфликте. Они надеялись добиться воссоединения всех греческих земель, оставшихся под властью султана, дипломатическим путем, опираясь на поддержку западных держав, прежде всего Великобритании. Существенное воздействие на позицию Греции оказывал также греко-болгарский церковный конфликт, сопровождавшийся ростом антиболгарских и антиславянских настро-

ений в стране. Неудивительно поэтому, что вспыхнувшее летом 1875 г. восстание в Боснии и Герцеговине не нашло поддержки в широких кругах греческой общественности. Правительство Греции в этот период неоднократно заверяло державы, что Афины будут придерживаться политики нейтралитета.

Несмотря на то, что в октябре 1875 г. премьер-министром страны стал Кумундурос, сторонник совместной борьбы всех балканских народов, ему не удалось кардинальным образом изменить внешнеполитический курс греческого государства. Кумундуросу приходилось все время учитывать позицию короля и ряда крупных политических деятелей — Трикуписа, Делигиоргиоса и других, предпочитавших нейтралитет активной внешней политике. Баланс политических сил определял и содержание переговоров премьер-министра с российским посланником в Афинах Сабуровым. В свою очередь Россия надеялась видеть Грецию в стане своих союзников, а не противников. В то же время в начале Восточного кризиса 70-х годов XIX в. она не была заинтересована в его углублении. Лишь после начала сербо-черногорско-турецкой войны Петербург начинает склонять афинский кабинет к более активным действиям, рассчитывая на его поддержку в случае дальнейшего обострения кризиса и русско-турецкой войны, вырабатывая конкретную программу по греческому вопросу.

Анализируя политику России в Греции, автор пришел к выводу, что она определялась соотношением усилий, по крайней мере, трех видных дипломатов. Диаметрально противоположные позиции занимали руководитель российского МИД А.М. Горчаков и посол России в Османской империи Н.П. Игнатьев. Первый из них, понимая, что греческий вопрос так или иначе встанет на повестку дня в ходе кризиса, не был тем не менее сторонником прямого участия Гре-

ции в конфликте, опасаясь, что это вызовет вмешательство западных держав и не позволит решить в конечном итоге те задачи, которые Россия ставила перед собой в данный период. По-видимому, Горчаков стремился к тому, чтобы в случае русско-турецкой войны Греция придерживалась благожелательного для России нейтралитета, сдерживая тем самым часть турецких войск на своей границе с Турцией. Иного мнения придерживался Игнатьев, считавший, что только совместная борьба всех народов Балканского полуострова приведет к ликвидации османского владычества в Европе и поэтому поощрявший греков на вооруженное вмешательство в конфликт и захват греческих провинций Османской империи. Следует признать, что Игнатьев чересчур прямолинейно подходил к сложному комплексу проблем, связанному с взаимоотношениями Греции со славянскими странами и народами, не всегда объективно учитывал особенности греческого национального самосознания. Промежуточной, колеблющейся между первыми двумя точками зрения была позиция П.А. Сабурова. Находясь с 1870 г. на посту посланника в Афинах, он своими глазами наблюдал рост антиславянских настроений в стране, и поэтому к началу Восточного кризиса склонялся к мысли о том, что на данном этапе совместная борьба греков и славян невозможна, а Греция в любом возможном конфликте останется пассивным наблюдателем и будет пытаться решать свою национальную проблему мирным путем, используя международную конъюнктуру. Однако по мере углубления кризиса Сабуров постепенно изменил свою точку зрения, и она начала сближаться с позицией Игнатьева. К концу 1876 г. российский посланник, которому к тому же вовсе не были безразличны судьбы греческого народа, уже был убежден в том, что Греции следует вступить в войну на стороне России, чтобы добиться присоединения Фессалии, Эпира и Крита.

С первых дней 1877 г. стало очевидным, что вступление Греции в войну возможно лишь на основе заключения союзнического договора между Афинами и Петербургом. Этот вопрос являлся ключевым для русско-греческих отношений и в период войны. Сабуров, который, скорее всего, был сторонником формального союза, вместе с тем пытался подтолкнуть греческие правящие круги к участию в войне, не дожидаясь его заключения. С этой целью российский посланник вошел в контакт с руководством национальных общественных организаций, готовивших восстания в греческих провинциях Турции, а также с известным греческим революционером Вулгарисом. Цель Сабурова, которого поддерживал Игнатъев, была ясна: если Россия окажет материальную помощь повстанцам, это ускорит начало восстаний и вынудит Грецию оказать им открытую военную помощь. По-видимому, Горчаков, который не препятствовал отправке в Грецию оружия, придерживался при этом других мотивов: восстания отвлекут значительные турецкие силы с русско-турецкого фронта, и тем самым греческое освободительное движение объективно сыграет на руку российским интересам. В то же время он по-прежнему выступал против заключения формального союза.

В свою очередь греческие правящие круги не решались без оформления союзнических отношений с Россией вмешиваться в военный конфликт, избрав тактику, в которой причудливым образом переплелись активная дипломатическая деятельность, военные приготовления и пассивное ожидание российских инициатив в направлении Афин. Как отмечает современный греческий историк А. Кирос, в 1877 г. «экуменическое правительство» потеряло драгоценное время в бесконечных переговорах, прощупывании обстановки и бесплодных контактах с посланниками Англии и России, вместо того чтобы осознать, что исключительно благоприятные обстоятельства не только позволяют, но и обязывают

его повторить путь Кавура»¹, то есть добиться воссоединения всех греческих земель. Возможно, греческие политики еще не осознавали свою страну в качестве субъекта международных отношений либо считали более выгодным, чтобы Греция оставалась их объектом, рассчитывая получать с этого наибольшие дивиденды. В течение всего кризиса лишь один раз они решились на самостоятельные действия регионального масштаба: это произошло в конце января — начале февраля 1878 г., когда греческие войска были введены в Фессалию. Но вскоре все возвратилось на круги своя: в период от Сан-Стефано до Берлина греческое правительство, пытаясь добиться воссоединения Эпира, Фессалии и Крита с Грецией, передает инициативу в руки английской дипломатии, рискуя, в конечном счете, остаться ни с чем.

Положительному решению части греческой национальной программы — присоединению Фессалии и округа Арта в Эпире к Греции согласно рекомендации Берлинского конгресса во многом способствовало национально-освободительное движение в греческих провинциях Османской империи, обусловленное совокупностью причин социального и национального характера. Несмотря на то, что ожидавшиеся в течение всего кризиса восстания в Эпире, Фессалии, на Крите и в ряде областей Македонии вспыхнули только в начале 1878 г., они тем не менее наглядно показали великим державам, что в том случае, если положение останется прежним, это может постоянно служить в будущем основой для дестабилизации обстановки в регионе, регулярно приводить к новым обострениям Восточного вопроса. Правящие круги Греции сумели извлечь политический капитал из народного движения. Однако решения великих держав на Берлинском конгрессе не могли предотвратить новых кризисов. Оставались открытыми вопросы о судьбе Крита, Македонии, Албании, Восточной Румелии, Фракии и других территорий.

По окончании работы Берлинского конгресса, по существу, завершился Восточный кризис 70-х годов XIX в. Греция могла чувствовать себя удовлетворенной его результатами, поскольку самые насущные задачи воплотились в жизнь. В результате воссоединения Фессалии и округа Арта территория королевства увеличилась на 13 тыс. кв. км, а его население — на 300 тыс. человек². С начала 80-х годов XIX в. в стране бурными темпами развивается промышленность, происходит реорганизация армии, создается материальная база для нового этапа в решении национального вопроса.

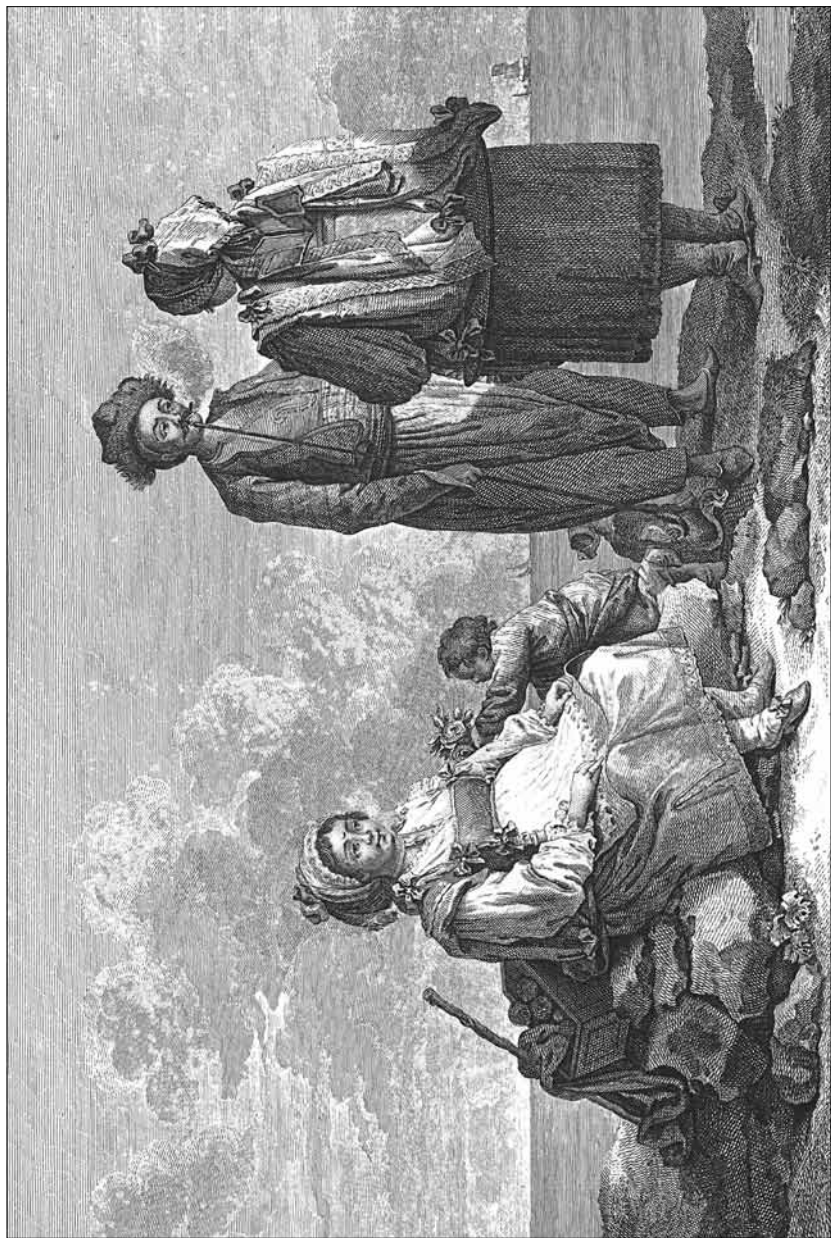
Интересные изменения произошли в аграрной структуре Греции. Вопреки ожиданиям, вхождение Фессалии в состав независимого государства не только не сняло, но, напротив, обострило земельный вопрос. Дело в том, что согласно статье 4-й Константинопольской конвенции о разграничении между Турцией и Грецией, подписанной 24 мая 1881 г. представителями великих держав и Османской империи, греческому правительству запрещалось проводить национализацию крупных земельных владений (чифтликеров)³. В результате чифтликеровладение стало основным элементом аграрной структуры. После 1881 г. права собственности на чифтлики были в основном перекуплены у османов греками королевства и диаспоры. К началу Первой мировой войны 35 % обрабатываемых и осваиваемых земель в Греции принадлежало 1000 крупным землевладельцам⁴. В то же время росла численность малоземельных собственников и безземельных крестьян. Греческое правительство, которое чаще остальных политиков в 80-х годах XIX в. возглавлял Трикупис, поощряло развитие чифтликеровладения. По мнению греческого историка Т. Циовариду, это объясняется тем, что экономические программы Трикуписа требовали привлечения в страну иностранных капиталов. Богатые же греки диаспоры предоставляли необходимые суммы лишь

при уступке им крупных поместий в Фессалии–Арте⁵. Почувствовав себя монополистами на зерновом рынке, чифтливладельцы повышали цены на зерно, одновременно ограничивая его производство. Греция по-прежнему была вынуждена импортировать его из-за границы⁶. В сельском хозяйстве постепенно стали нарастать противоречия социального характера, которые в основном удалось разрешить лишь несколько десятилетий спустя великому греческому реформатору Элефтериосу Венизелосу.

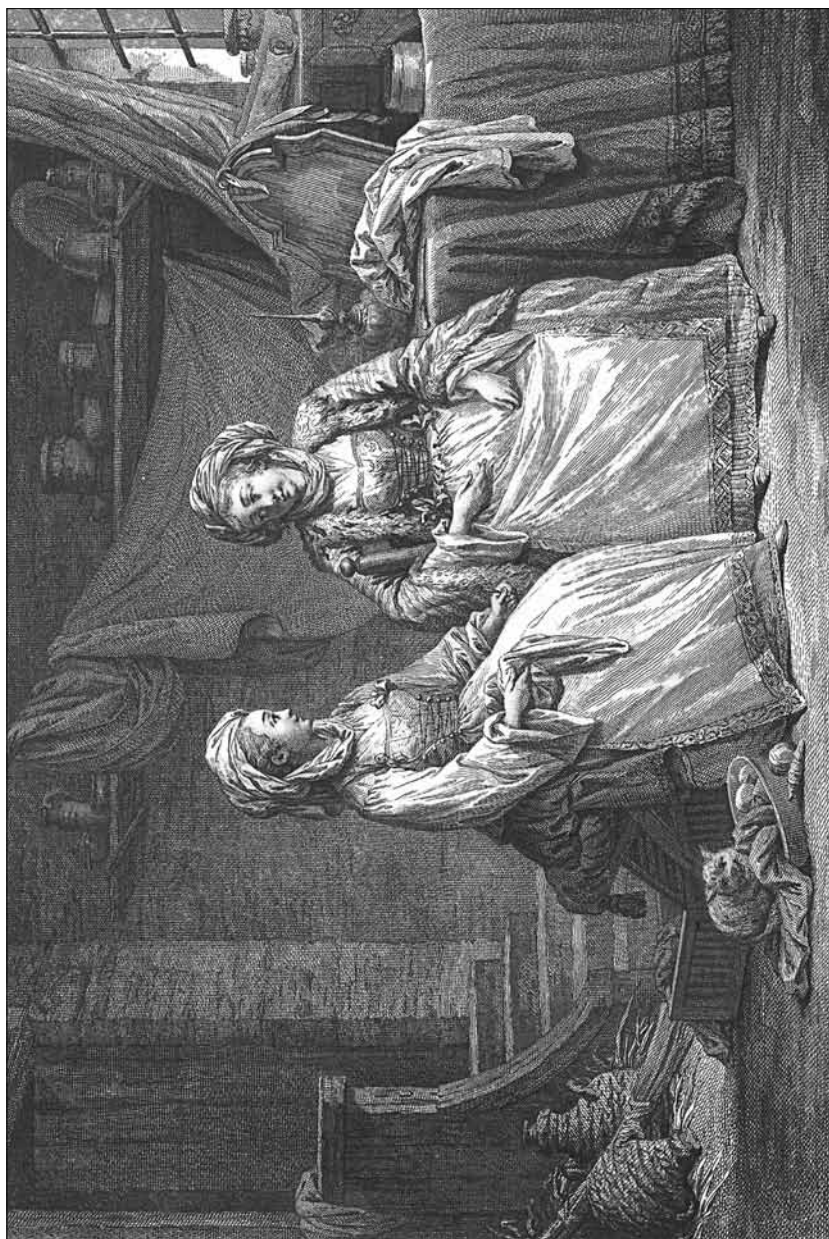
Успехи в промышленном развитии, реорганизация армии позволили правящим кругам поставить на повестку дня задачу воссоединения всех земель, населенных греками, которые еще не входили в состав Османской империи. Попытка осуществления этой цели в 1897 г., в ходе скоротечной греко-турецкой войны, потерпела неудачу. И лишь полтора десятилетия спустя, в период Балканских войн 1912–1913 гг., борьба за воссоединение увенчалась успехом.

ПРИМЕЧАНИЯ К ЗАКЛЮЧЕНИЮ

- ¹ *Kyros A. Elliniki exoteriki politiki. Athinai, 1955. S. 39.*
- ² *Димитров С., Манчев К. История на балканските народи 1879–1918. София, 1975. С. 73.*
- ³ *АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Д. 3511. Л. 165–169. Константинопольская конвенция от 24 мая 1881 г.*
- ⁴ *Nikolinakos M. Meletes pano ston elliniko kapitalismo. Athina, 1976. S. 26.*
- ⁵ *Tsiovaridou Th. I allagi tis domis tis georgias meta tin prosartisi tis Thessalias. // Diethnes istoriko symposio «I teleutaia fasi tis anatolikis kriseos kai o ellinismos (1878–1881)». Praktika. Athina, 1983. S. 488.*
- ⁶ *Sto idio. S. 491. По сравнению с 1885 г. к 1920 г. цены на зерно возросли в 12 раз, в то время как его производство только в 1,6 раза. В 1,6 раза увеличились соответственно и его закупки за рубежом.*

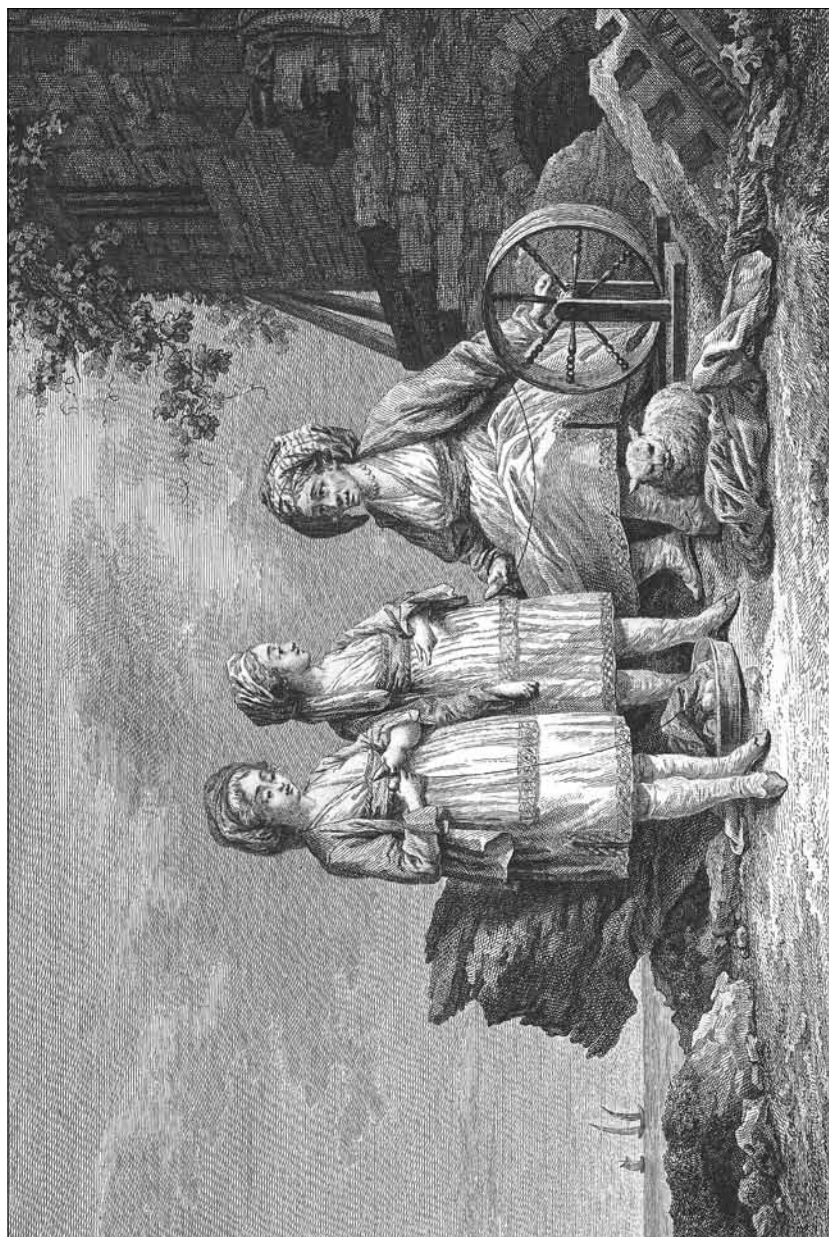

Здесь и далее гравюры из собрания В.П. Меньщикова, Москва

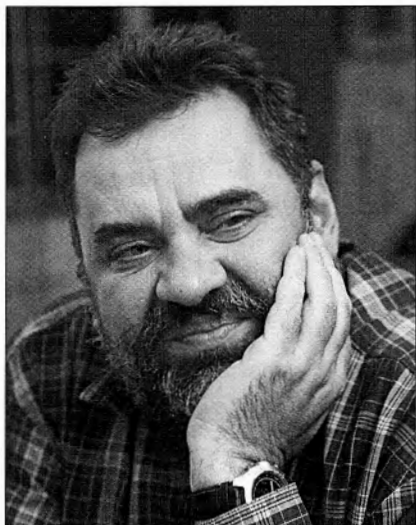

ОБ АВТОРЕ

***Сергей Павлович
Цехмистренко,***

кандидат исторических наук, историк, политолог, журналист. Работал в Институте славяноведения РАН, ряде ведущих печатных и электронных СМИ России. В настоящее время — директор Института Новой России. Сфера научных интересов: история России и балканских государств в Новое время, международные отношения в Европе в XIX — начале XX вв.

Научное издание

Сергей Павлович Цехмистренко

**ГРЕЦИЯ, РОССИЯ
И ВОСТОЧНЫЙ КРИЗИС
1875–1878 гг.
СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ**

Подписано в печать 22.02.2013
Формат 60х84/₁₆. Бумага офсетная.
Объем 13 усл. печл.
Тираж 500 экз.

ISBN 978-5-7576-0268-4

Отпечатано в типографии издательства «ПРОБЕЛ-2000»
тел. (495) 287-0619 e-mail: probel-2000@mail.ru

